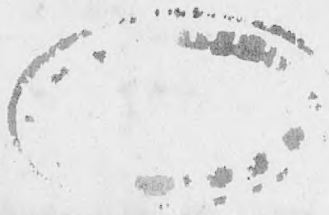

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

Пров. 50
9
8232

стр.
297. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки **М. Леонтьева.** Часть I.
343. Письмо **профессора В. О. Ключевскаго** къ **Графу С. Д. Шереметеву.**
345. Царицы и царевны изъ **Дома Романовыхъ.** Статья **А. Иконниковой.**
372. Письма **Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича** и **Ивана Мазепы.** Статья **Е. Лермонтовой** съ приложеніемъ **подлинныхъ Малороссійскихъ актовъ.**
407. Переписка **А. А. Неверовскаго.**

Внутри обложки. Объявленіе отъ совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго О-ва; о книгахъ Ф. Павловскаго «Первое дополненіе къ кратк. біогр. словарю ученыхъ и писателей Полтавской губерніи»; «Труды Саратовской Ученой Архивной коммисіи», вып. XXX; «Извѣстія О-ва изученія Олонецкой губерніи», вып. I.

Русская наука понесла тяжелую утрату въ лицѣ Ивана Владиміровича Цвѣтаева.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ Общемъ Собраніи г.г. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 21 мая 1913 года, постановлено открыть (по новому положенію) конкурсъ на преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга.

Преміи присуждаются за лучшія сочиненія, написанныя на предлагаемыя Обществомъ темы:

а) Премія въ 1000 рублей присуждается тому, кто представитъ лучшее популярно-научное учебное руководство по исторіи Польши (до паденія), съ приложеніемъ къ нему историческихъ картъ и перечня главнѣйшихъ источниковъ и пособій. (Премія эта можетъ быть раздѣлена на двѣ половины, по 500 руб. каждая).

б) Премія въ 300 рублей присуждается за лучшую практическую грамматику польскаго языка съ небольшой христоматіей.

Сочиненія на вышеназванныя темы, какъ рукописныя, такъ и печатныя, на русскомъ языкѣ, должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (СПБ, Звенигородская, 24) не позднѣе 1 Октября 1915 г., рукописныя съ обозначеніемъ полнаго имени автора или (по его желанію) съ обозначеніемъ девиза, помѣщеннаго какъ на особомъ, приложенномъ къ рукописи пакетѣ (гдѣ должно быть обозначено его имя), такъ и на самой рукописи; печатныя, вышедшія въ свѣтъ не далѣе какъ за три года до 1915 г.

По присужденіи Совѣтомъ Общества преміи за лучшія изъ представленныхъ сочиненій, преміи эти будутъ выданы авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но не издательствамъ и книгопродавцамъ, не позднѣе мѣсяца послѣ прочтенія отчета въ одномъ изъ весеннихъ Общихъ Собраній Общества 1916 года.

Премированныя сочиненія, представленныя въ рукописи, печатаются на средства Общества, если признано будетъ необходимымъ, въ количествѣ не менѣе 1000 экз., причемъ половина напечатанныхъ экземпляровъ предоставляется въ собственность автора. (По соглашенію съ Совѣтомъ Общества, авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ, но уже на свой счетъ—свыше 1000 экземпляровъ).

Сверхъ сочиненій на вышеозначенныя темы, Славянское Общество принимаетъ на конкурсъ имени А. Ѳ. Гильфердинга на тѣхъ же основаніяхъ популярно-научныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ славяновѣдѣнія, способныя расширить познанія по славяновѣдѣнію среди широкаго круга русскаго общества, между прочимъ, за біографіи выдающихся славянскихъ дѣятелей, за практическія руководства по изученію славянскихъ нарѣчій (грамматики и хрестоматіи), за словари и за этнографическія и др. карты. Рядомъ съ сочиненіями по славяновѣдѣнію вообще и о русскомъ народѣ въ предѣлахъ Австро-Венгріи и Америки въ частности, допускаются на конкурсъ сочиненія о румынахъ, албанцахъ и мадьярахъ.

Но сочиненія, представляющія отвѣтъ на темы Общества, премируются предпочтительно предъ прочими участвующими въ конкурсѣ сочиненіями.

8232

3092 т.

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

„Мои воспоминанія“ М. Леонтьева представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ по событіямъ, какія въ нихъ описываются, такъ и по личности самого автора. Судя по собственнымъ признаніямъ, онъ, воспитанный съ дѣтства среди благодатной природы Тульской губерніи, чуть не съ отрочества поступилъ на военную службу, какъ дѣлали многіе дворяне конца XVIII вѣка, а затѣмъ, произведенный въ офицеры, послѣ длиннаго ряда походовъ начала XIX столѣтія, запечатлѣвшій раною свое участіе въ сраженіяхъ, вышелъ съ пенсіею въ отставку и жилъ, какъ трудолюбивый хозяинъ-помѣщикъ, въ своемъ родовомъ имѣніи. Здѣсь-то, на досугѣ отъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, прежній служака, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, принялся за составленіе своихъ любопытныхъ „Воспоминаній“: въ трехъ компактныхъ книжкахъ, облаченныхъ въ старинный переплетъ, на жесткой пожелтѣвшей бумагѣ, при помощи гусинаго пера, онъ характернымъ почеркомъ, похожимъ на древнюю скоропись, описалъ уцѣлѣвшія въ его памяти „дѣла минувшихъ дней“. Какъ близкій очевидецъ, авторъ ярко изобразилъ эпоху Павла I; какъ живой и храбрый участникъ во многихъ сраженіяхъ, сообщилъ вереницу новыхъ свѣдѣній о битвахъ съ французами и о походѣ въ Финляндію, а какъ наблюдательный современникъ почти четырехъ десятилѣтій минувшаго столѣтія, сохранилъ въ своихъ разсказахъ характерныя черты изъ тогдашней общественной жизни Россіи и быта русскихъ дворянъ-помѣщиковъ. Наконецъ, остается прибавить, что М. Леонтьевъ былъ роднымъ отцомъ Павла Михайловича Леонтьева, извѣстнаго профессора-классика въ Московскомъ Университетѣ и одного изъ главныхъ основателей Императорскаго Лицея Цесаревича Николая. Поэтому читатели „Записокъ“ встрѣтятъ рядъ новыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи П. М. Леонтьева, какія значительно дополнятъ его автобіографію, помѣщенную въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“ (М. 1855 г., т. I, стр. 453—454).

Д.

Часть I-я.

Начато писать 1827 года, декабря 1-го въ сельцѣ Красномъ Михаиломъ Леонтьевымъ.

Отецъ и мать оставили меня,
но Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Сирота.

Къ пріумноженію рода человѣческаго явился и я въ сей міръ въ городѣ Кіевѣ въ обильное время чудныхъ событій, 1785-го года Августа 13-го. Да не подумаетъ кто, что рожденіе мое, подобно другимъ, сопровождалося заботами и лелѣяньемъ, толико сроднымъ нѣжнымъ родителямъ; нѣтъ! Лишь я родился какъ и повезли меня въ самую глубокую осень съ юга на сѣверъ! Зачѣмъ?—такъ, ибо родители мои предпринимали путешествіе изъ Епифани въ Кіевъ предъ моимъ приходомъ въ міръ сей, для свиданія съ своимъ родственникомъ. Удивительно! неужели нельзя было пріискать на сіе способнѣйшаго времени?—видно нельзя было, но однако сіе забавное путешествіе стоило мнѣ четырехъ реберъ, которыя мнѣ переломили, вѣроятно, ухаживая за мною слишкомъ нѣжно. Эта поѣздка для меня памятнѣе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были дѣйствующими во оной.—Каково то было мнѣ служить? каково и теперь иногда въ дурную погоду?—а все отъ излишней охоты ѣздить туда и сюда!—думая что, и я улыбался? Но—улыбка моя видно не такъ была восхитительна, какъ для меня улыбка дѣтей моихъ!—Но какъ бы то ни было а меня привезли во Есенокъ, деревню съ нами смежную, въ которой родители мои имѣли всегдашнее свое пребываніе. По общему ходу происшествій теперь бы слѣдовало заняться описаніемъ моего дѣтства, но какъ не всякому пріятно вспоминать тѣ дни, которые проводили мы съ наглыми и развратными дядьками, съ глупыми ребятами и тому подобными лицами, то и прошу меня отъ сего уволить! Но гдѣ же были наши родители? чѣмъ они занималися?—Государи мои! посмотрите на названіе сей главы—видите ли, что, имѣя отца и мать можно быть сиротою?—Избави Боже! скажетъ читатель, и я изъ глубины души повторяю то же.

О воспитаніи моемъ говорить нечего, съ сей только стороны родители мои не любили затѣй! Они просто учили меня грамотѣ, и больше ничему. Не знаю была ли тогда написана фонъ Визинымъ комедія „Недоросль“, но видно что и мой отецъ не любилъ дѣленія, хотя и былъ самъ математикъ, служа въ артиллеріи до майорскаго

чина.—Какъ тягостна бѣдность, быть можетъ, скажетъ читатель, въ отношеніи невозможности воспитать дѣтей; но мои родители сего сказать не могли, имѣя около 200 душъ съ прекрасными землями. Время текло, и я достигнулъ 12 лѣтняго возраста; отецъ мой съ жадностью дожидавшійся времени сбыть меня съ рукъ, обрадовался, узнавъ, что Павелъ I-й, вступя на престолъ Россіи 1796-го года 6-го Ноября, жаждалъ съ своей стороны погасить просвѣщеніе, десницами вѣнценосныхъ предковъ его въ отечествѣ нашемъ возженное. И такъ, не теряя времени, отецъ мой, взявъ меня, пустился въ Москву, куда Павелъ вскорѣ долженствовалъ прибыть для коронованія; прибывъ туда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1797-го года и упрятавъ, какъ говорится, меня въ службу, отецъ мой, давъ мнѣ рубль мѣди, пустился домой, оставя меня, въ совершенно бѣдственной бѣдности и среди людей для меня чуждыхъ.

Глава II.

Вступленіе въ службу.

Я вступилъ на службу на 12 году 1797-го года Апрѣля 17-го лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ, которымъ я обязанъ былъ выслужить три мѣсяца по тогдашнему уставу. Обмундировка моя была соотвѣственна моему толчку въ службу и служила видимымъ отпечаткомъ нѣжности моего родителя; т. е. мундира хуже моего въ цѣломъ полку не было, а шинель счелъ онъ вещію излишнею,—быть можетъ, и потому, что—я попаду же когда нибудь въ комплектъ, и тогда получу казенную. Влѣдствіе сихъ экономическихъ расчетовъ я терпѣлъ всю жестокость воздушныхъ перемѣнъ на продолжительномъ походѣ въ Петербургъ. Но какъ ни разсуждай, а я сталъ въ ряды воиновъ такихъ лѣтъ, въ которые только начинаютъ учиться дѣти у отцовъ своихъ.

Глава III.

Служба и встрѣча.

Прибывъ въ Петербургъ, я сначала скучалъ и плакалъ о своемъ одиночествѣ, но потомъ сталъ мало по малу привыкать къ своему положенію, и началъ учиться службѣ весьма тяжелой во времена грознаго Павла. Въ службѣ я нашелъ или, лучше, Господь мнѣ далъ покровителей, и во первыхъ тогдашняго Шефа нашего полка Наслѣдника Александра Павловича, который, замѣтя меня однажды зимой 1797-го года въ караульнѣ Зимняго дворца, потрепалъ меня по щекѣ и спросилъ, не озябъ ли я. И послѣ сей встрѣчи всегда интересовался мною, вѣроятно, по моей юности. Я старался одѣваться сколько можно лучше.

Устраняя всѣ препятствія къ сему отъ недостатка въ деньгахъ, я зато употреблялъ грубую пищу, а стоя въ караульнѣ довольствовался 10 копѣечной сайкой въ сутки; бывало, стыдно ѣсть такую скудную пищу въ глазахъ богатыхъ товарищей, и для того я уходилъ или въ сѣни, или къ плацъ-формѣ и тамъ съѣдалъ обѣдъ свой.

Наслѣдникъ любилъ, чтобы хорошо одѣвались, будучи самъ щеголемъ, и я хотя былъ молодъ, но, видя сіе, старался исполнять волю его, за что онъ и благоволилъ ко мнѣ такъ, что на походѣ въ Гатчино, въ увеселительный дворецъ императора Павла I-го, въ 33 верстахъ отъ столицы отстоящій, замѣтя, одинъ разъ, что я усталъ очень, приказалъ мнѣ, по сродной ему благости, сѣсть на лафетъ пушки; это было лѣтомъ 1796-го года.

Въ семъ году зимою я видѣлъ на вахтъ-парадахъ, которые бывали ежедневно, много знаменитыхъ людей, какъ напримѣръ графа Прованскаго, бывшаго послѣ королемъ Франціи, Людовика XVIII-го, принца Конде, и послѣдняго польскаго короля Станислава Августа.

Извѣстно, что Павелъ I-й былъ страстный любитель военной службы, былъ строгъ въ разсужденіи ошибокъ по фрунту и наказывалъ ихъ наравнѣ съ важнѣйшими преступленіями, и именно: арестомъ, крѣпостнымъ заключеніемъ, и выключкою изъ службы. Таковая непомѣрная строгость, открывая частыя ваканціи, приближала и меня къ производству въ офицеры, что и послѣдовало въ октябрѣ 1799-го года. Получа сей чинъ по благости Божьей, и милостивому вниманію наслѣдника Александра Павловича, я употреблялъ всѣ свои силы, чтобы служить усердно; одѣвался по формѣ, зналъ службу, велъ себя тихо и повиновался безпрекословно своимъ начальникамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что я только одинъ разъ заслужилъ отъ Павла I-го арестъ, и то безвинно, что видя, мой покровитель, великодушный нашъ Шефъ, упросилъ родителя своего въ первый веселый его часъ, и онъ простилъ меня, возвративъ мнѣ вскорѣ шпагу. Это было въ началѣ 1800 года на первый день Святой недѣли, когда я стоялъ въ караулѣ у Лѣтняго сада.

Это было лучшее время моей жизни! Наслѣдникъ благоволилъ ко мнѣ часъ отъ часу больше, видя мое усердіе къ службѣ, которою онъ дорожилъ сверхъ собственной привязанности своей, и по строгости родителя своего императора Павла I-го, дѣлавшаго ему выговоры за

офицерскія ошибки. Не было встрѣчи моей съ симъ ангеломъ, когда бы онъ милостиво не сказалъ:

—„Здравствуй Леонтьевъ!“

Въ сіе время по рекомендательнымъ письмамъ моей матери сталъ я извѣстенъ и двумъ знаменитѣйшимъ дамамъ въ Петербургѣ: графинѣ (что нынѣ свѣтлѣйшая княгиня) Шарлотѣ Карловнѣ Ливенъ, тогдашней оберъ-гофмейстеринѣ, и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ Трубецкой, урожденной Румянцовой, сестрѣ великаго полководца; сіи сановницы принимали меня весьма милостиво и среди даже посѣщавшихъ ихъ знатныхъ людей, а первая неоднократно помогала и деньгами.

Не могу забыть какъ пришелъ, одинъ разъ, къ княгинѣ Трубецкой и, сидя у ней болѣе трехъ часовъ, не обѣдавши, и, слыша благовѣстъ къ вечернѣ, я полагалъ, что она отобѣдала и собирался уже откланиваться, какъ увидалъ, что внесли столъ накрытый, ибо она не ходила въ залу, и мы при свѣчахъ стали обѣдать, чему я очень удивился, не зная прежде сего знатнаго обыкновенія; а это было зимой. И такъ я, пообѣдавъ у ней, могъ свободно остаться безъ ужина, а это была тогда не малая для меня выгода.

Товарищи мои по службѣ, видя ко мнѣ благоволеніе Наслѣдника негодовали на меня, а увидавъ при церемоніальныхъ выходахъ двора благосклонное вниманіе ко мнѣ графини, начали завидовать, хотя всѣ они были несравненно богатѣе и знатнѣе меня; но таковая несправедливость ни мало не мѣшала юному и невинному еще моему сердцу наслаждаться настоящимъ, не думая о будущемъ и истинно, что въ сіе время я былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, веселясь отъ чистаго сердца.

Глава IV.

Императоръ Павелъ 1-й и его правленіе.

Сей государь былъ малаго роста и не болѣе 2 аршинъ 4 вершковъ, чувствуя сіе, онъ всегда вытягивался и при походкѣ никогда не сгибалъ ногъ, а поднимая ихъ, какъ бы маршируя, ставилъ на каблукъ, отчего при ходьбѣ и стучалъ крѣпко ногами; волосы имѣлъ на головѣ темнорусые съ небольшою просѣдью; лобъ большой или, лучше, лысину до самого темя, и никогда ее не закрывалъ волосами

и даже не терпѣлъ, чтобы кто либо сіе дѣлалъ. Лицо у него было крупное, но худое; носъ имѣлъ курносый, кверху вздернутый, отъ котораго до бороды были морщины, глаза большіе, сѣрые, чрезвычайно грозные, цвѣтъ лица у него былъ нѣсколько смуглый, голосъ имѣлъ онъ сиповатый и говорилъ протяжно, а послѣднія слова всегда вытягивалъ длинно. Онъ имѣлъ привычку, когда молчалъ, надувать щеки и вдругъ опускать ихъ, раскрывая притомъ нѣсколько ротъ, такъ что, бывало, видны были у него зубы, что особенно часто дѣлывалъ когда бывалъ сердитъ, а это бывало почти каждый день. Иногда, когда бывалъ веселъ, то при перемѣнѣ на вахтъ-парадѣ одного мѣста на другое, припрыгивалъ на одной ножкѣ. Мундиръ носилъ онъ темно-зеленый однобортный съ двумя рядами пуговицъ съ низкимъ воротникомъ краснаго сукна и эксольбантомъ, шляпу черную, какъ и нынѣ, трехугольную безъ всякихъ украшеній; все это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поддѣлаться къ костюму Фридриха II-го, короля Прусскаго, котораго онъ уважалъ, вотъ почему и написалъ Державинъ слѣдующую эпиграмму:

„Похожъ на Фридриха, скажу предъ цѣлымъ міромъ,
Но только не умомъ, а шляпой и мундиромъ.“

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Павелъ I-й не имѣлъ ума; многія быстрыя изрѣченія и письма его доказываютъ, что онъ его имѣлъ много, но злоба и горячность дѣлали его несноснымъ.—Сей государь, издавъ банкротскій уставъ и учредивъ Заемный банкъ, сдѣлалъ два дѣла полезнѣйшія для своихъ подданныхъ; первымъ прекратилъ онъ ужасныя притѣсненія бѣдныхъ заемщиковъ отъ безчеловѣчныхъ ихъ кредиторовъ, которые позволяли себѣ разные, ужасающіе поступки, симъ спасительнымъ закономъ воспрещенные; вторымъ онъ предохранилъ многія фамиліи дворянскія отъ совершеннаго разоренія, а, освободя потомство знаменитаго Ломоносова изъ подушнаго оклада, явилъ въ себѣ покровителя талантовъ, во славу его имперіи употребленныхъ. Но три сіи превосходныя дѣла свои помрачилъ онъ гоненіемъ великаго Суворова; разорительною для государства раздачею знатныхъ и богатѣйшихъ имѣній своимъ любимцамъ, и служившимъ при немъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, офицерамъ, вовсе не заслуживавшимъ сихъ блистательныхъ наградъ; потомъ ошибками въ политическихъ дѣлахъ, и пагубнымъ для государства невниманіемъ къ дѣламъ правосудія, отъ чего вкралось ужаснѣйшее лихоимство, котораго слѣдствія неисчислимы. Наконецъ жестокостію, обращенною на все его окружающее, такъ что никто не смѣлъ ему сказать истины, а недостойные его любимцы еще болѣе возбуждали въ немъ страсти своимъ двоеду-

шіемъ, лестію и похвалами. Злоба Павла I-го на военныхъ превышала терпѣніе самыхъ хладнокровныхъ людей; за одно неправильное поднятіе ноги, за ошибку въ командѣ, за неправильное держаніе экспантона (копье*), сдѣланное изъ желѣза, на которомъ изображенъ былъ гербъ имперіи; сіе копье насажено было на $2^1/_2$-аршинное черное древко, подобно знамени, и сіе то орудіе держали офицеры въ рукахъ, а полковники и генералы служили съ шпагами какъ и нынѣ), наказывался офицеры и генералы арестомъ, казематомъ крѣпости и выключкою; послѣднія два весьма были жестокія наказанія. Въ первомъ дурная пища, дурной воздухъ, сумрачный свѣтъ и уединеніе терзало несчастнаго, о чемъ разсказывалъ гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Казариновъ, а второе наказаніе было хотя на чистомъ воздухѣ, но подвергшійся оному не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ и не могъ нигдѣ имѣть постояннаго жилища, за чѣмъ и наблюдаемо было весьма строго на всемъ пространствѣ Россіи; сія то цыганская жизнь и была причиною впослѣдствіи безпокойствъ въ окрестностяхъ Петербурга, что увидимъ ниже. Объ арестѣ никто уже и не думалъ, привыкнувъ къ протяжному и сиповатому крику Павла I-го: „подъ арестъ его!“; сія то сиповатая поговорка подала мысль Державину начать свою оду на вступленіе на престолъ Александра I-го сими словами:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взглядъ“.

Всѣ гауптвахты были набиты арестантами, на одной Зимняго дворца въ одно время сидѣли генералы: князь Алексѣй Горчаковъ, казачій атаманъ Денисовъ, фонъ-Дервицъ, Ивановъ, Григорьевъ, и фонъ-Дезинъ; по сему можно судить уже о меньшихъ чинахъ. Къ довершенію всѣхъ сихъ ужасовъ Павелъ I-й по внушенію своего подозрѣнія и своихъ недостойныхъ любимцевъ, Кутайсова и Обольянинова, учредилъ тайную экспедицію; сію ужасную инквизицію своего правленія, куда забиралося много несчастныхъ по одному подозрѣнію, клеветѣ, ошибкѣ или мщенію сильнаго непріятеля; въ семъ адскомъ судилищѣ засѣдалъ страшный по одной уже наружности тайный совѣтникъ Николаевъ, окруженный орудіями лютѣйшихъ пытокъ. Здѣсь пытки назначены были по номерамъ,—напримѣръ, подозрѣваемаго въ дурномъ расположеніи къ Павлу I-му отсылали въ № 1-й; несчастнаго, осмѣлившагося посмѣяться . . . . . наружности его, въ № 2-й и такъ далѣе; были номера, въ которыхъ вытягивали жилы, закладывали кирпичами

*) Копье достаточно широкое, съ лапами, подобно якорнымъ.

въ стѣнѣ.—Но отвратимъ взоръ нашъ отъ сего звѣрства, которое открыто было при вступленіи на престолъ Александра I-го. Императоръ Павелъ былъ во всемъ совершенный деспотъ, онъ не любилъ трагедій и ихъ запрещено было играть, не велѣно было носить круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ и обыкновенныхъ сапогъ и велѣно носить шляпы трехугольныя, кафтаны однобортные, камзолы съ длинными карманами и ботфорты, однимъ словомъ Павелъ I-й весь Петербургъ сдѣлалъ прусскимъ городомъ, и заставлялъ въ театрахъ смѣяться комедіямъ, когда, по выходѣ изъ онаго, все встрѣчающееся заставляло плакать. Такъ царствовалъ императоръ Павелъ, который при всей своей жестокости любилъ, чтобы его называли отцомъ отечества за мнимое искорененіе лихоимства, когда оно, отъ невниманія его къ гражданской службѣ ежедневно умножалось; за пониженіе подушнаго сбора съ черни, когда желая выиграть ея къ себѣ любовь входилъ въ долги великіе; однимъ словомъ онъ обманывался и его любимцы умѣли держать его въ семъ ослѣпленіи.—Бывало предъ начатіемъ развода, полиція по ближайшимъ улицамъ къ Дворцовой площади гоняла народъ толпами на оный, останавливая даже экипажи и, не внимая просьбамъ, высылала сидѣвшихъ въ оныхъ ко дворцу, и такимъ образомъ, Павелъ бывалъ ежедневно окруженъ толпами приневоленнаго народа, полагая, что они пришли насладиться его лицезрѣніемъ и любоваться его вахтъ-парадами; а льстецы не упускали случая говорить ему:—сколько онъ любимъ подданными—и ослѣпляли тѣмъ грознаго самодержавца.

Чѣмъ долѣе царствовалъ Павелъ I-й, тѣмъ подозрѣніе часъ отъ часу болѣе омрачало чело его! Это было слѣдствіе внутренняго сознанія или совѣсти, которой мученія не можетъ избѣжать и сидящій на престолѣ тиранъ! Въ припадкѣ такового волненія духа, Павелъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо жилъ въ его столицѣ безъ службы и повелѣлъ всѣмъ жившимъ въ оной выѣхать вонъ или вступить въ службу; въ число сіе внесены были и люди, занимавшіеся художествами, которые, имѣя пропитаніе и довольство въ семъ пышномъ городѣ, наполненномъ первыми чинами имперіи, вдругъ увидали себя въ необходимости или выѣхать въ другіе для нихъ невыгодные города, оставя въ Петербургѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, или, не нарушая связей сихъ, и не разстраивая своего состоянія, вступить въ службу. Сіе прямо деспотическое, пахнувшее востокомъ, повелѣніе поразило сихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ членовъ общества, а въ томъ числѣ и знакомаго мнѣ искуснаго живописца Степана Андреевича Фокина, человѣка семейнаго и при томъ небогатаго. Избѣгая изгнанія изъ столицы въ совершенное себѣ разореніе, сей художникъ рѣшился вступить въ службу

по военной коллегіи, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ членѣ оной генералѣ графѣ Иванѣ Александровичѣ Апраксинѣ; но, чтобы его не отрывали отъ занятій, питавшихъ его семейство, онъ принужденъ былъ даромъ расписать плафоны въ великолѣпномъ домѣ сего графа, за что и получилъ свободу заниматься своею работою. Это жестокое и притѣснительное повелѣніе издано было въ 1800 году, зимой.

Казалось, что Павелъ искалъ ненависти народа!—ибо, сверхъ сихъ тираническихъ поступковъ, онъ присоединилъ и послѣдніе—войску и церкви, заставляя первыхъ носить на шарфахъ и петелькахъ любимый малиновый цвѣтъ своей любимицы, написавъ въ то же время и имя ея, на русскомъ языкѣ значущее *благодать*, на знаменахъ и гренадерскихъ шапкахъ всей гвардіи, велѣвъ также пѣть въ придворной церкви во время божественной литургіи во всѣ праздники и воскресные дни концертъ: „*Явися благодать Божія спасительная свѣтъ человѣкомъ*“! А какъ имя его любимицы было Анна, что въ переводѣ съ греческаго значитъ „благодать“, то всякій понималъ, что Павелъ хотѣлъ чтобы и самая святая церковь ублажала его подругѣ сердца. Сей гнусный поступокъ влилъ, такъ сказать, масла въ то пламя неудовольствія, которымъ горѣли сердца русскія.—Къ поясненію же своего намѣренія, въ разсужденіи прославленія своей милой, сей сѣверный Неронъ, купя два дома на Англійской набережной Невы, и соединя великолѣпнымъ проходомъ, подарилъ ихъ своей любимицѣ, княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной, урожденной Лопухиной, повелѣвъ выставить на семъ огромномъ домѣ ея гербъ, вверху котораго крупными золотыми словами написано было: *благодать*.—

Русскіе молчали, но по природному пылкому своему уму не оставляли Павла I-го въ покоѣ, своими тайными эпиграммами—такъ найдена была въ 1801-мъ году на Михайловскомъ замкѣ приклеенная надпись:

„Здѣсь живетъ . . . . . .
Иди мимо—не вѣшай уха“.

Въ другой разъ найдена была на Исаакіевской церкви (которую Екатерина II-я въ память дня рожденія императора Петра Великаго, начала строить изъ мрамора, и которую Павелъ велѣлъ достроить кирпичемъ) доска съ надписью:

„Се! монументъ двумъ царствованіямъ приличный,
Фундаментъ мраморный а верхъ—кирпичный“.

Но самая наглая надпись была найдена на домѣ Гагариной, которую благопристойность написать мнѣ воспрещаетъ. Вотъ какъ царствовалъ Павелъ I-й, при правленіи котораго все лучшее было подавлено, а все низкое, какъ напримѣръ Кутайсовъ, вознесено было на верхъ чести и достоинства.

Глава V.

Знаменитый гость.

Въ началѣ 1801-го или въ декабрѣ 1800-го года, точно упомнить не могу, только зимой въ сіе время, пронесся слухъ, что король Шведскій Густавъ IV-й Адольфъ посѣтитъ императора Павла и Петербургъ. Не помню, чтобы дѣланы были публичныя какія приготовленія, но, помню, что всѣ гордились симъ посѣщеніемъ.

Помнится, что въ то время были Святки, только я по праву офицера гвардіи сидѣлъ въ Эрмитажномъ Зимняго дворца театрѣ, куда прибыла уже и императорская фамилія, какъ во время представленія піесы одинъ изъ придворныхъ чиновъ, взойдя въ театръ, доложилъ что-то Павлу I-му, а сей, подозвавъ къ себѣ генералъ-адъютанта Уварова, куда то послалъ его, и вскорѣ по шопотамъ разнеслась вѣсть въ театрѣ: „шведской король пріѣхалъ!“ И Уваровъ послалъ отъ государя поздравить его съ пріѣздомъ. Между тѣмъ театръ продолжался, и я, наслаждясь превосходною музыкою, по окончаніи спектакля возвратился домой. Я любилъ пользоваться позволеніемъ быть въ Эрмитажѣ и не пропускалъ ни одного спектакля, чтобы не быть тамъ, и потому что сіе удовольствіе имѣлъ я даромъ, а это не бездѣлица для того, кто имѣлъ весьма малое содержаніе, а былъ по 16-му году! Правда, что съ осени 1800 года великодушный Шефъ нашъ узналъ о моей бѣдности чрезъ князя Петра Михайловича Волконскаго, котораго я просилъ, и пожаловалъ мнѣ по 600 рублей въ годъ на содержаніе, производя сію дачу по третямъ года, ибо родитель мой и теперь не присылалъ мнѣ болѣе 200 рублей въ годъ. А жалованье мое по тогдашнему окладу состояло изъ 150-ти, но вся сія годовая сумма, состоя изъ 950 рублей, была очень недостаточна для содержанія себя въ гвардіи, тѣмъ болѣе, что Павелъ Первый въ началѣ 1800-го года установилъ для гвардіи офицеровъ народные мундиры; эти мундиры были у нашего полка тоже однобортные съ двумя рядами пуговицъ, между которыми были вышиты золотомъ петлицы, каковыя были и на воротникѣ, обшлагахъ и карманахъ; каковое шитье стоило тогда 180 рублей. Вотъ почему я и не могъ удѣлить слишкомъ много денегъ на свое удовольствіе, а старался пользоватся онымъ удовольствіемъ.

На другой день пріѣзда короля шведскаго былъ я у него по утру между всей гвардіи офицерами, съ поздравленіемъ пріѣхавшими

къ нему по повелѣнію государя. Король остановился въ домѣ своего посла барона Штединга на Англійской набережной, гдѣ насъ и представлялъ ему петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Паленъ. Король вышелъ къ намъ въ залу, раскланялся съ нами и возвратился въ свои внутренія комнаты, а мы въ блестящихъ своихъ парадныхъ мундирахъ пустились по домамъ, любуясь тѣмъ, что насъ собирали и суетили для одного поклона шведскому королю.

Съ сего дня я видѣлъ каждый день сего государя по два раза въ теченіи ночи десятидневнаго его пребыванія въ Петербургѣ; поутру на вахтъ-парадѣ, гдѣ онъ всегда бывалъ изъ вѣжливости къ Павлу, а ввечеру въ Эрмитажномъ театрѣ, исключая двухъ дней, когда я былъ визитеръ-рундомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Помню какъ теперь, что мы, вступая въ должность, являлись вмѣсто Павла къ королю для его почести и говорили: „Ваше Величество! къ его императорскому величеству (туда то) наряженъ“, и получали отъ него величественную уклонку головой; сверхъ сей почести мы ему салютовали, проходя церемоніальнымъ маршемъ, а Павелъ стоялъ всегда возлѣ его.

Шведскій король былъ средняго роста, нѣсколько смуглъ собою; грудь имѣлъ высокую, походку важную, взоръ величественный и пріятный хотя не имѣлъ пригожаго лица; одежда его состояла изъ синей куртки и такихъ же панталонъ безъ шитья, въ черной черезъ плечо перевязи, за которую закладывалъ иногда руку, принимая положеніе истинно царское. Шляпу носилъ круглую съ маленькими полями, у которой лѣвая сторона поля прикрѣплялася къ тульѣ національною кокардою, на правой рукѣ носилъ изъ бѣлаго платка перевязку съ маленькимъ бантикомъ въ память, какъ мнѣ тогда сказывали, того военнаго союза, посредствомъ котораго отецъ его Густавъ III получилъ власть самодержавную. Король изъ этикета имѣлъ всегда на себѣ нашъ Андреевскій орденъ, какъ равно и оба люди его, съ нимъ бывшіе, герцоги Зюдерманландскій и Остъ-Готландскій, а Павелъ I-й, наслѣдникъ, и Константинъ Павловичъ во все время его пребыванія имѣли на себѣ первый его орденъ Серафимовъ, во всемъ подобный нашему Андреевскому, кромѣ того, что въ центрѣ звѣзды вмѣсто Андреевскаго изображенъ бѣлый осьмиугольный крестъ въ видѣ Мальтійскаго, При королѣ была большая свита, которую черезъ нѣсколько дней Павелъ I-й украсилъ нашими и мальтійскими орденами, взаменъ чего король украсилъ одного только нашего графа Христофора Андреевича Ливена, сына моей благодѣтельницы и бывшаго тогда генералъ-адьютанта им-

ператора, своимъ орденомъ Меча (желтой лентой съ узкими голубыми каймами).

Во все время пребыванія короля Шведскаго были ежедневные театры въ Эрмитажѣ, куда велѣно пріѣзжать всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ въ парадныхъ мундирахъ; разумѣется, что я воспользовался симъ повелѣніемъ и не пропускалъ ни одного спектакля, когда только не былъ въ должности. Въ сіе время насмотрѣлся я на пышность и блескъ двора, которые Павелъ I-й любилъ очень; здѣсь я видѣлъ придворныхъ дамъ, кавалеровъ и старыхъ нашихъ вельможъ, покрытыхъ золотомъ и брильянтами и украшенныхъ первыми орденами нашей имперіи; изъ послѣднихъ памятны мнѣ князь Николай Ивановичъ Солтыковъ, фельдмаршалъ и бывшій дядька Александра и Константина Павловичей, князь Юсуповъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Шереметевъ, графъ Строгановъ (Александръ Сергѣевичъ) и отличный по входу, ловкости и фигурѣ, но не по уму графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ. Павелъ I-й входилъ въ великолѣпнейше освѣщенный театръ въ предшествіи всего блистательнаго своего двора между рядами сихъ старцевъ вельможъ, и когда являлся въ аркѣ театра, то въ ту минуту начинала играть огромная и восхитительная придворная музыка; король всегда сводилъ императрицу Марію Ѳеодоровну изъ галлереи въ театръ подъ руку, поднимая ее такъ, что государыня опиралася на оную. Сіе пребываніе Густава IV-го въ Петербургѣ доставляло мнѣ величайшее удовольствіе и приводило меня въ восхищеніе, и хотя навѣрное не было изъ всѣхъ присутствовавшихъ кармана пустѣе моего, но по блестящей наружности и я казался богачемъ!—Вотъ какъ наружность обманчива. Читателю извѣстно, какъ я воспитанъ, а потому я и не могъ сначала восхищаться картинами Рафаэля, Корреджіо, Микеля-Анджело и другихъ геніевъ, украшавшихъ комнаты Эрмитажа; но товарищи мои, будучи богатѣйшіе люди и просвѣщеннѣе меня, объяснили мнѣ красоты оныхъ, и сколько я ни грубо воспитанъ, но двѣ картины поразили и меня своимъ превосходствомъ, одна, стоявшая въ углу послѣдней къ театру комнаты, изображавшая благодѣтельную римлянку, кормящую грудью своего отца; и другая въ той же комнатѣ, представляющая старика, зажигающаго пукъ соломы; на послѣдней кажется—видишь огонь, а не краску, освѣщающій лицо бѣднаго поселянина. О искусство! Какъ сильно ты дѣйствуешь даже и на необразованнаго человѣка.

Глава VI.

Михайловскій Замокъ.

При воспоминаніи сего зданія сколько родится во мнѣ историческихъ воспоминаній! Не здѣсь ли обиталъ нѣкогда могущественный монархъ? Не здѣсь ли цареубійца князь Платонъ Зубовъ лобызалъ руку сего государя, приготовляя ему смерть жестокую? Не здѣсь ли? Не въ сихъ ли нѣкогда великолѣпныхъ стѣнахъ совершено сіе ужасное убійство, навлекшее на Россію почти непрестанныя 12-лѣтнія войны! Но обратимся къ тому времени современныхъ событій, которому минуло уже 28 лѣтъ.

Сей замокъ, который теперь именуется Инженернымъ, построенъ какъ извѣстно въ уединенномъ мѣстѣ близъ Лѣтняго сада въ Петербургѣ императоромъ Павломъ I-мъ, и стоилъ со всѣми постройками и пышнымъ уборомъ комнатъ 10 милліоновъ рублей. И въ самомъ дѣлѣ, парадныя комнаты, въ которыхъ я бывалъ, убраны были мраморомъ, бархатомъ, драгоцѣнными тканями, обоями, бронзою, картинами великихъ живописцевъ; богатыми каминами и другими драгоцѣнными вещами съ величайшимъ вкусомъ, а спальня императора, будучи богато и съ большою разборчивостью отдѣлана, была очаровательна, какъ говорили знающіе очевидцы; однимъ словомъ замокъ сей такъ былъ отдѣланъ внутри, что самъ Павелъ Первый почиталъ достойнымъ издать въ Европу его описаніе, что и поручилъ незадолго до своей кончины извѣстному драматическому писателю Августу Коцебу. Сей то замокъ и спѣшилъ государь отдѣлать, какъ бы влекомый самимъ рокомъ; и, не давши ему порядочно выстояться, въ исходѣ января или въ началѣ февраля 1801-го года переѣхалъ въ оный изъ Зимняго дворца съ большою церемоніею, какъ бы прощаясь съ великолѣпной своей столицей. Въ сей церемоніальный въѣздъ въ Михайловскій замокъ вся гвардія поставлена была отъ Зимняго дворца по Невскому проспекту до онаго по обѣ стороны улицъ въ парадѣ; кортежъ состоялъ изъ многихъ богатыхъ придворныхъ каретъ, заложенныхъ цугами, въ которыхъ сидѣли первые чины двора и императорская фамилія; за сими каретами ѣхалъ Павелъ I-й окруженный двумя своими сыновьями, и сопровождавшійся многочисленною свитою. По пріѣздѣ Павла I-го въ сей замокъ, начальство во ономъ возложено было на наслѣдника престола въ качествѣ военнаго губернатора, на оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина въ званіи губернатора и на генералъ-лейтенанта Котлубиц-

кого въ званіи коменданта; кажется, что раздѣленіемъ власти въ семъ своемъ уединенномъ жилищѣ, окруженномъ валами и батареями, между людьми ему преданными, покрывъ ихъ благодѣяніемъ, Павелъ I-й искалъ своей безопасности. Сей замокъ, какъ я сказалъ, окруженъ былъ глубокимъ широкимъ каналомъ съ водой, валами и батареями; на капалѣ были съ двухъ въѣздовъ подъемные мосты, при которыхъ стояли сильные бекеты *), а въ самомъ замкѣ стояла главная гауптвахта во 130 человѣкъ солдатъ съ тремя офицерами, сверхъ чего бывали полицейскихъ драгунъ команды при ихъ офицерахъ; въ самыхъ же комнатахъ стояли бекеты кавалергардовъ конной гвардіи, гусаръ и казаковъ; а внутреннія комнаты императора охранялись ежедневнымъ карауломъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, его собственнаго батальона, котораго нижнимъ чинамъ даны были въ ихъ казармахъ тюфяки, производилася ежедневная мясная и винная порція, а офицерамъ давались сверхъ жалованья столовыя деньги, чего ни въ одномъ гвардейскомъ полку и даже въ другихъ батальонахъ того же полка никогда не производилось.

На сей то батальонъ полагалъ Павелъ I-й большую надежду, что видно изъ его отличій, а окруженный большою стражею разнородныхъ войскъ своей гвардіи, полагалъ себя въ семъ замкѣ совершенно безопаснымъ. Становясь часъ отъ часу подозрительнѣе, государь сей весьма рѣдко ѣзжалъ по городу съ самаго пріѣзда своего въ Михайловскій замокъ, и подобно Тиверію, смотрѣлъ на всѣхъ глазами тирана.

Уединясь самовольно (?) въ семъ пышномъ замкѣ съ своею любимицею, и заключивъ въ немъ всю императорскую фамилію, Павелъ I-й становился часъ отъ часу строже, изливая гнѣвъ свой въ особенности на любви достойнаго наслѣдника своего, блаженной памяти императора Александра I-го; онъ не щадилъ, разумѣется, и служившихъ ему, какъ напримѣръ генерала Эмме, содержавшагося на гауптвахтѣ по самый день революціи 12-го марта; не проходило дня, въ который бы комендантъ Котлубицкій не приносилъ цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-нибудь караула, либо за нечистоту въ какомъ нибудь углу замка, по которому и вокругъ онаго прогуливался Павелъ весьма часто, не выѣзжая, какъ я сказалъ, на прогулку по городу.—И какіе были выговоры?—„дуракъ и скотина“ (за вѣрный переносъ сихъ словъ отъ Павла наслѣднику, Котлубицкій, по вступленіи на тронъ Александра, посланъ былъ на житье въ городъ Арзамасъ . . . . . .
Симъ наказаніемъ дано почувствовать Котлубицкому, что какъ

*) Пикеты.

непріятно видѣть пакости отца, такъ непріятно слышать и его грубости), и что̀ получалъ въ отвѣтъ?—съ кротостію произнесенное: „*слышу*“ или, когда Павелъ самъ его бранилъ на вахтъ-парадѣ, то низкій поклонъ служилъ ему знакомъ извиненія и покорности сына.

Такъ забывалъ Павелъ I-й и свое достоинство и достоинство наслѣдника, а свидѣтели спхъ изъ мѣры выходящихъ грубостей привязывались часъ отъ часъ къ Александру, по тому участію, которое мы невольно прилагаемъ къ гонимой невинности; сіе участіе часъ отъ часу распаляло злобу въ сердцахъ всей почти гвардіи, противу несправедливаго государя и отца и вскорѣ грянулъ громъ мщенія, впрочемъ беззаконнаго, на главу Павла I-го.

Какъ замѣчательно, что всѣ тираны своего отечества подъ конецъ правленія уединялись отъ своихъ столицъ, какъ напримѣръ Тиверій, Іоаннъ и Павелъ!—происходило ли сіе отъ страха? или по чувству безпокоющейся совѣсти въ сихъ злосчастныхъ государяхъ, или было слѣдствіемъ ненависти въ роду человѣческому, но, во всякомъ случаѣ, оно съ той точки для насъ поучительно, что злоба есть величайшее несчастіе и для одержимыхъ ею и что спокойствіе и радость принадлежитъ единой добродѣтели и кротости.

Глава VII.

Прощеніе.

Безпокойства, возникшія отъ большого числа выключенныхъ штаб- и оберъ-офицеровъ арміи и флота, которые толпами разъѣзжали въ окрестностяхъ Петербурга и отбирали силою для себя пищу въ трактирѣ по большой дорогѣ Московской на 7 верстѣ отъ сей столицы и лежащаго при рѣкѣ, ... (прзб.) по Нарвской и другимъ дорогамъ, а сверхъ того и политическіе виды знаменитаго и въ большую довѣренность вошедшаго къ Павлу I-му графа Палена, побудили сего государя объявить въ исходѣ 1800-го года всеобщее прощеніе выключеннымъ, которыхъ цѣлыя толпы и прибыли въ началѣ 1801-го года въ Петербургъ для благодаренія царя и подачи просьбъ кто куда желаетъ опредѣлиться. Симъ воспользовались и друзья графа Палена, знаменитые изгнанники князь *Платонъ* и графы *Валеріанъ* и *Николай Зубовы*, баронъ Бейнигсенъ, Чичеринъ и многіе другіе славные генералы вѣка Екатерины II-ой.

Я самъ былъ очевидецъ, когда Павелъ I-й принималъ Зубовыхъ въ залѣ Михайловскаго дворца по ихъ возвращеніи. Государь весьма милостиво обошелся съ княземъ Платономъ, взялъ его подъ руку, подвелъ къ окну, долго съ нимъ разговаривалъ и видно было изъ поклоновъ послѣдняго, что разговоръ сей былъ очень для него благосклоненъ; князь былъ въ мундирѣ перваго кадетскаго корпуса, туда онъ наканунѣ дня представленія былъ назначенъ директоромъ, бывъ принятъ генераломъ отъ инфантеріи, а братъ его Валеріанъ былъ назначенъ во 2-й кадетскій корпусъ также директоромъ и принятъ въ службу также полнымъ генераломъ, и съ которымъ государь также обошелся милостиво, потрепавъ его по плечу. Сей Валерьянъ, будучи красавецъ, былъ безъ ноги, которую потерялъ онъ пьяный во время польской войны и о ранѣ котораго Суворовъ сказалъ: „*боли много, а славы мало*“. Третій ихъ братъ Николай, страшилище по своей гигантской наружности и большимъ глазамъ, былъ назначенъ шефомъ гусарскаго, помнится, Сумскаго полка; три сіи брата были въ Андреевскихъ лентахъ которыми Екатерина ихъ украсила, и обратили на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе ихъ знали во время прежняго царствованія, а другіе слушали лестныя и чрезвычайно увеличенныя имъ похвалы, и, будучи недовольны настоящимъ, вѣрили съ охотою прошедшему. Павелъ I-й при сей аудіенціи былъ очень веселъ и смѣялся съ Зубовымъ и другими; онъ не думалъ, что видитъ того, который сорветъ корону съ головы его и быть можетъ, видя себя окруженнаго крѣпостными валами и сильной стражей, презиралъ всѣхъ сихъ вельможъ, имѣвшихъ причину быть имъ недовольными; и не эта ли была причина поспѣшнаго переѣзда его въ Михайловскій замокъ?— Кто зналъ и видѣлъ Павла I-го, тотъ не могъ не удивиться сему всепрощенію, въ теченіе котораго, принимая однихъ, онъ выключалъ и сажалъ въ крѣпость другихъ. Однимъ словомъ графъ Паленъ, наклоня Павла I-го на дѣло ему несвойственное, показалъ симъ и свой гибкій умъ и великую силу довѣренности, у царя имъ пріобрѣтенной.

Глава VIII.

Слухи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ царствованія Павла I-го, Петербургъ волнуемъ былъ разными неистовыми слухами, направлявшими публику на одинъ предметъ—ненависти къ Павлу. Такъ, говорили и съ великой утвердительностью, что Павелъ I-й намѣренъ вскорѣ развестить съ императрицей и жениться на Гагариной, что вся импе-

раторская фамилія развезется по монастырямъ, наслѣдникъ посадится въ крѣпость, и объявятся наслѣдниками трона будущія дѣти его отъ Гагариной. И что Семеновскій полкъ, за преданность нашу къ наслѣднику, разошлется по сибирскимъ гарнизонамъ. Сіи слухи производили свое дѣйствіе въ публикѣ, которая никогда изслѣдовать не любитъ, а съ жадностію хватая самый нелѣпый слухъ, ревностно распространяетъ оный. Такъ и было: умы распалялися, неудовольствіе увеличивалося и Павелъ I-й день ото дня становился ненавистнѣйшимъ тираномъ въ глазахъ обитателей Петербурга; такъ достигалъ своей цѣли исполненый великаго ума и хищности глава заговора противу императора Павла Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ.

Но въ сіе время и Павелъ I-й получалъ безымянные доносы о существованіи заговора на жизнь его, чего при всей своей дѣятельности графъ Паленъ отвратить не могъ, но къ кому государь долженъ былъ обратиться о изслѣдованіи сихъ доносовъ, какъ не къ нему же, ибо въ рукахъ его сосредоточена была власть военная, гражданская и полицейская всей столицы, и котораго Павелъ почиталъ преданнѣйшимъ себѣ человѣкомъ. Чтобы усыпить совершенно императора графъ Паленъ имѣлъ дерзость и безстыдство самъ донесть Павлу о существующемъ будто бы заговорѣ по безымяннымъ доносамъ, и чтобы—для устрашенія бдительностію правительства публики—не прикажетъ ли онъ, собравъ офицеровъ гвардіи, объявить имъ о всемъ. Павелъ I-й далъ на сіе, хитрообдуманное и съ присутствіемъ духа произведенное дѣйствіе свое согласіе. Вслѣдствіе сего дня за четыре до 12-го марта мы и были собраны всѣ въ домъ графа Палена, у Полицейскаго моста поутру до развода. По полномъ нашемъ съѣздѣ и по помѣщеніи насъ въ залѣ сего дома, графъ вышелъ къ намъ въ полномъ мундирѣ и, раскланявшись, сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа! до свѣдѣнія Государя Императора доходитъ о существованіи заговора въ столицѣ, но Его Величество надѣется на вашу вѣрность!“—послѣднія слова произнесъ онъ съ коварной улыбкой, и взглянувъ, не перемѣняя мины, на насъ быстрыми глазами, поклонился и ушелъ въ свои комнаты, а мы поѣхали по домамъ. Извѣстно, что въ заговорѣ противу Павла были и нѣкоторые офицеры гвардіи и думать надо, что, сверхъ усыпленія (бдительности) Павла, сія сцена сдѣлана была для ихъ ободренія, показавъ имъ ясно и свою силу и неустрашимость. Но когда хитрость графа Палена торжествовала съ одной стороны, то съ другой безымянные доносы повторялись не только Павлу I, но и любимцамъ его Нарышкину и Кутайсову, послѣднему 11-го марта послѣ полудня, какъ сказывали тогда, было

даже подано письмо съ именами заговорщиковъ, но онъ, не распечатавъ его, положилъ подъ подушку своей постели, намѣриваясь прочесть его поутру 12 числа. Всѣ сіи слухи дѣлали то, что Нарышкинъ по званію своему началъ проводить ночи не раздѣваясь, употребляя всѣ осторожности съ своей стороны, но развѣдать о точности заговора сіи придворные любимцы не имѣли средствъ, будучи окружены глазами умнѣйшихъ людей того времени; туча собиралась надъ головой Павла I-го, но онъ пребывалъ безпеченъ, надѣясь на свою стражу и батареи замка.

Глава IX.

11-е число Марта 1801 года или послѣдній день жизни Павла I-го.

Въ сей день разводъ былъ по обыкновенію въ Михайловскомъ замкѣ въ 9 часовъ, и Павелъ I-й находился при ономъ въ совершенномъ здоровьѣ, но только былъ очень сердитъ и весьма прогнѣвался на смѣнявшійся караулъ нашего полка 2-го батальона и кричалъ на шефа онаго генерала Мозавскаго, а наслѣднику сказалъ: „Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми“, я замѣтилъ, что великій князь вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, сдѣлать поклонъ государю, отвратился отъ него и закусилъ губу; не знаю, замѣтилъ ли это Павелъ, ибо это было въ углу двора замка, но мы все это видѣли.

По окончаніи развода Павелъ I-й удалился во дворецъ, а наслѣдникъ взошелъ на гауптвахту и въ офицерской караульнѣ весьма милостиво разговаривалъ съ арестованнымъ генераломъ Эмме и его женою, (пришедшею) провѣдать своего мужа, а маленькаго сына ихъ бралъ на руки и цѣловалъ его; сія умиленная сцена многихъ тронула, показавъ всю благость души великаго князя. Я, по окончаніи развода и по уходѣ наслѣдника на свою половину, возвратился домой и провелъ оный съ однимъ моимъ знакомымъ. Въ сей день Павелъ I-й послѣ обѣда прогуливался по городу верхомъ, ибо погода была теплая и день очень ясный, а возвратившись въ замокъ, сойдя съ лошади, прошелъ къ канавѣ, окружавшей оный, становился на ледъ, мѣрялъ палкою прибывавшую воду и весело разговаривалъ съ стоявшимъ тутъ часовымъ. При входѣ въ замокъ встрѣтилъ Коцебу съ тетрадью въ рукахъ описывавшаго оный, остановился съ нимъ у статуи Клеопатры, говорилъ о ея исторіи и, милостиво поклонясь, пошелъ по лѣстницѣ и, взойдя

на оную, обратился еще къ Коцебу, взглянулъ на онаго и пошелъ въ комнаты. Въ сей день караулы въ замкѣ содержалъ нашъ третій батальонъ, котораго шефъ былъ генералъ маіоръ Депрерадовичъ, и въ которомъ я служилъ; въ караулѣ на главную гауптвахту вступилъ капитанъ Гаврило Ивановичъ Воронковъ, бывшій изъ Гатчинскихъ служивыхъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; порутчикъ Константинъ Полторацкій, одинъ изъ заговорщиковъ, и прапорщикъ Дмитрій Ивашкинъ; на другіе бекеты вступилъ Усовъ и еще не помню другой кто. Дежурный штабъ-офицеръ былъ полковникъ Ситманъ, ... (нрзб.) главныхъ капитанъ Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, который нынѣ генералъ майоръ и камергеръ, а визитеръ братъ мой Владиміръ. Со внутреннимъ карауломъ Преображенскаго полка лейбъ-батальона вступилъ поручикъ Моринъ, одинъ изъ заговорщиковъ, а другіе отъ конныхъ полковъ, не знаю кто. Воронковъ послѣ зори по обыкновенію ходилъ съ рапортомъ къ Павлу I-му, а, возвратяся въ караульню, нашелъ во оной князя Петра Михайловича Волхонского любимца и адъютанта наслѣдника; Воронковъ удивился. Но Волхонской сказалъ, что онъ отъ скуки, пришелъ съ ними поужинать и принесъ съ собой имъ славнаго вина, которымъ за ужиномъ и потчивалъ Воронкова, удивлявшагося къ себѣ таковой ласкѣ князя, который, зная Воронкова охоту къ сему напитку, очень часто его потчивалъ, отъ чего оный не смѣлъ отговариваться. Послѣ ужина Волконскій тотчасъ ушелъ, сказавъ нѣсколько французскихъ словъ Полторацкому, чего ни Воронковъ ни Ивашкинъ не разумѣли, такъ кончился день сей, достопамятный въ исторіи! И Воронковъ, будучи отягченъ виномъ, вскорѣ легъ спать, не вѣдая, что въ сіе время судьба имперіи была въ рукахъ его! Солдаты начинали дремать; все въ караулѣ было покойно по обыкновенію, и никто изъ всѣхъ ихъ даже и не подозрѣвалъ, что сія ночь будетъ роковою для ихъ государя, котораго хотя они и не любили, но были ему преданы потому одному, что онъ былъ самодержавецъ ихъ.

Глава X.

Тревога.

Въ то время, какъ я только что предался крѣпкому сну, свойственному моимъ лѣтамъ, вбѣжалъ солдатъ въ мои комнаты и громкимъ голосомъ въ темнотѣ кричалъ: „Ваше благородіе, тревога!—пожалуйте на линейку!“ Надо знать, что я жилъ въ корпусѣ, щедротами наслѣдника выстроенномъ почти противъ полкового двора и госпиталя имъ

же построеннаго; коридоръ, отдѣлявшій наши комнаты отъ другихъ офицеровъ, былъ широкій, а людскіе флигеля далеко,—куда на ту пору убрались мои люди; я сталъ кричать: „одѣваться“!—но не тутъ то было!—и такъ въ потьмахъ ища своего платья, нашелъ его, но, надѣвая его, не попадалъ на ладъ! Наконецъ люди мои прибѣжали и я кой-какъ одѣвшись, бросился на полковой дворъ, но тамъ никого не было, я побѣжалъ къ казармамъ солдатъ и нашелъ уже тамъ въ глубокой темнотѣ—батальонъ свой, оставшійся отъ караула, выстроеннымъ предъ оными; всѣ офицеры были уже тутъ и генералъ Депрерадовичъ, ходя по суетившемуся фронту, повторялъ: „безъ шуму!“ Это было часу въ одиннадцатомъ.

Устроя поспѣшно фронтъ, генералъ повелъ насъ по *Гороховой* улицѣ, подойдя къ Калинкинскому мосту на Мойкѣ, мы остановились и Депрерадовичъ сказалъ громко: „Власовъ, (адъютантъ, бывшій потомъ камергеръ и жившій у насъ въ сосѣдствѣ, въ селѣ Иванковѣ) поѣзжайте къ коменданту (въ Петербургѣ при Павлѣ I-мъ было три коменданта: 1-й въ крѣпости, 2-й въ Михайловскомъ замкѣ, а 3-й, городской, завѣдывавшій всѣми караулами въ столицѣ, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ сему то ... (нрзб.) посланъ былъ Власовъ) и спросите гдѣ пожаръ?“—Власовъ поскакалъ въ темнотѣ прямо къ Зимнему дворцу и, заѣхавъ за поворотъ къ оному, остановился, (какъ послѣ узналъ я, ибо и онъ былъ въ заговорѣ) гдѣ простоявъ нѣсколько минутъ, прискакалъ съ мнимымъ къ намъ повелѣніемъ и сказалъ генералу: „пожаръ въ Михайловскомъ замкѣ, и комендантъ приказалъ туда идти“.—Повинуясь сему мнимому приказанію, мы поворотили по берегу Мойки и, перейдя мостъ, пошли къ помянутому замку. Нужно при семъ замѣтить одно обстоятельство, доказывающее, что страхъ отнимаетъ догадку; при самомъ вступленіи нашемъ на Гороховую улицу поручикъ Никита Кожинъ, бывшій въ заговорѣ и знавшій все, бросилъ экспантонъ свой и вскричалъ: „не надо тебя! теперь со шпагою служить надо“—но сего въ то время никто изъ насъ не понялъ; когда мы шли по улицѣ, то, хотя и соблюдалась нами глубокая тишина по приказанію генерала, но за всѣмъ тѣмъ гулъ отъ ногъ 500 человѣкъ, блескъ оружія при слабѣющемъ ужъ свѣтѣ фонарей и тихій говоръ солдатъ, возбуждали любопытство жителей домовъ, мимо которыхъ мы проходили, и они полураздѣтые (ибо это было часу въ 12-мъ), отворя форты и высуня головы, смотрѣли на улицу, но увидя насъ, идущихъ въ столь необыкновенное время, опрометью бросались отъ оконъ, такъ то ихъ и насъ напугалъ Павелъ I-й. Въ заговорѣ было немного нашихъ офицеровъ и большая часть ничего не вѣдала, и мы сердечно вѣрили что идемъ тушить пожаръ Михай-

ловскаго замка! И какой пожаръ, думаю я теперь, самый опасный, каковой только представляетъ исторія. Въ темнотѣ и не встрѣчая никого, ибо были первые, шли мы къ замку; подойдя къ оному, насъ остановили и ввели въ бывшій при каналѣ экзерцыръ-гаузъ; тутъ окружила насъ совершенная египетская тьма. Ночь была и сама по себѣ темная, и шелъ дождь, а въ экзерцыръ-гаузѣ пуще оная умножилась.

„—Что съ нами будетъ?“ спрашивали мы другъ друга. Пожара въ замкѣ нѣтъ; „вѣрно мы приведены для того“, говорили другіе, слышавшіе предъ симъ распущенные слухи, „чтобы отсюда разослать насъ по Сибири“.—Такъ ломали мы головы, стоя болѣе получаса въ сей темнотѣ, а генералъ нашъ съ нѣкоторыми офицерами, скрывшись отъ насъ, удивлялъ еще болѣе нашу недогадливость; солдаты, повинуясь совершенно какъ овцы, спрашивали только другъ у друга потихоньку: „пожара во дворцѣ не видно, зачѣмъ же мы здѣсь?“

По прошествіи добраго получаса или болѣе, генералъ сказалъ тихо: „отъ ноги, ступай за мной!“—Мы вышли изъ экзерцыръ-гауза и пошли прямо на площадь замка. Пройдя каналъ, генералъ велѣлъ поднять мостъ, и караулу, стоявшему по ту сторону съ офицеромъ нашимъ Усовымъ, переведя (его) на другую, приказалъ охранять мостъ. Мы прошли уже и монументъ Петра Перваго и все еще подавалися ко дворцу, въ которомъ не было освѣщено даже ни одно окно, а не только, чтобы виденъ былъ пожаръ.—Пройдя къ самому замку, генералъ, остановя батальонъ и раздѣля его на части, окружилъ ими весь сей замокъ, строжайше приказавъ не выпускать и не впускать никого во оный и давъ въ то же время повелѣніе ввернуть въ ружья кремни и приготовить боевые патроны. Это было часу во второмъ пополуночи. Мнѣ назначенъ былъ постъ у корридора замка, идущаго отъ подъѣзда, что на Царицынъ лугъ, который я и занялъ съ 30-ю или 40 человѣками солдатъ. Стоя тутъ и не постигая всего того, что съ нами дѣлалось, мы увидали въ нѣкоторыхъ комнатахъ бельэтажа быстро двигавшійся огонь, какъ бы въ рукахъ бѣгавшихъ людей, въ то же время по коридору произошла нѣкоторая бѣготня, чего въ темнотѣ разобрать мы не могли, и слышенъ сталъ отдаленный и глухой говоръ людей. Солдаты мои, стоявшіе до того въ совершенной тишинѣ, вдругъ при описанныхъ мною движеніяхъ, сказали другъ другу; „братцы, во дворѣ что-то не здорово?“ и, подошедъ ко мнѣ, довольно быстро сказали: „Ваше благородіе, во дворцѣ не здорово!“—я молчалъ при семъ ихъ вопросѣ, ибо, не вѣдая самъ ничего и не понимая, не могъ имъ ничего отвѣчать. Солдаты начинали колебаться, въ сіе время мы услыхали,

ибо ничего не видать было, пистолетный выстрѣлъ и скачку по Царицыну лугу, за каналомъ, какой то кавалеріи, которая по сіе время осталась тайною для меня. Но среди сего затруднительнаго по молодости моей положенія пришелъ къ бекету моему полковникъ Водковскій и сталъ уговаривать солдатъ, воспоминая имъ времена Екатерины II-й, когда служить было легко и подавая имъ надежду на могущую случиться и теперь перемѣну въ правленіи, но солдаты молчали. Вскорѣ явился къ намъ и генералъ нашъ Депрерадовичъ и видя неудовольствіе солдатъ возрастающимъ сказалъ Водковскому: „теперь уже пора“, и закричалъ солдатамъ моимъ: „ребята! поздравляю васъ съ новымъ государемъ, у насъ императоръ Александръ. Ура!“—„Ура!“ закричали вѣрные царю наши солдаты и какъ бекеты наши расположены были другъ отъ друга на близкое разстояніе, то „ура“ загремѣло вскорѣ вокругъ всего замка; радость наша была неописанна, ибо мы всѣ любили Александра, а потому и ура гремѣло болѣе часу, раздаваяся въ пустыхъ коридорахъ Павлова убѣжища.

Едва миновался восторгъ нашъ, какъ прибыли и два другіе наши батальона; мостъ для нихъ былъ тотчасъ опущенъ и полковникъ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, предводя 1-й батальонъ нашего полка, явился на площади замка, а за нимъ и 2-й и тотчасъ заняли линіи вокругъ дворца отъ Садовой улицы и Лѣтняго саду. Вскорѣ весь фасъ замка, противу насъ стоявшій, освѣщенъ былъ въ бельэтажѣ, и кавалерія, скакавшая, какъ прежде сказано, по Царицыну лугу удалилася, это было часу въ 4-мъ пополуночи.

Носилися послѣ слухи, возникшіе отъ арестованія въ сію ночь командира гвардейскихъ гусаръ генерала Кологривова, что, будто сія кавалерія были гусары, разбившіе въ сіе время нѣкоторые кабаки и надѣлавшіе, какъ говорили, разные безпорядки, но за вѣрность слуха сего ручаться я не могу.

По прошествіи нѣкотораго времени, и я думаю, въ исходѣ 4-го часа, ибо было еще темно, съ подъѣзда, близъ котораго я стоялъ съ бекетомъ, раздалось нѣсколько голосовъ все еще въ темнотѣ: „Государеву карету“! И теперь я не могу понять откуда явилась сія карета! приготовлена ли она была съ вечера революціонерами или подвезена тихо въ то время, когда мы заняты были суматохою, въ замкѣ бывшею, сего никакъ не могу рѣшить, но какъ бы то не было, а карета была подана двумѣстная, запряженная четверней и не придворная, ибо тогда придворные экипажи запрягались всегда парадными цугами, а когда и

четверней, то все съ шорами и парадно, а эта карета была заложена ямскими лошадьми и, слѣдственно, была частнаго человѣка. Вскорѣ какъ подали карету, на верху лѣстницы показался большой свѣтъ отъ факеловъ, много офицеровъ и генераловъ и между ними шелъ императоръ Александръ I-й; восхитительная и трогательная минута! Мы бросились къ сему государю, цѣловали его руки и мундиръ, а солдаты ему кричали: „ты отецъ нашъ“! Александръ, будучи и самъ разстроганъ не менѣе насъ, отвѣчалъ намъ сими словами: „Такъ, я отецъ вашъ!“. Сѣвъ въ карету, государь поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ были уже предварительно собраны сенатъ и сунодъ; быть можетъ, заговорщики, собравъ сіи сословія, намѣрены были привести Павла I-го сюда, дабы законно лишить его престола, но страсти рѣшили сіе иначе и, быть можетъ, къ лучшему потому, что, привезя сюда государя самодержавнаго, подлежало бы объявить его съ ума сошедшимъ, что было бы весьма затруднительно, а лишить просто престола самодержавца сіи сословія не имѣли ни права, ни власти. Но какъ же были собраны сіи сословія? Тѣми же средствами, какъ и мы, то есть обманомъ,—имъ разосланы были повѣстки въ глухую полночь и сіи повѣстки развезли гвардіи офицеры, которыми сенаторы и архіереи приглашены были въ Казанскій соборъ, а зачѣмъ никто изъ нихъ не зналъ, кромѣ бывшихъ въ заговорѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ дядя мой, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Васильевичъ Леонтьевъ, бывшій самъ въ соборѣ, но не знавшій зачѣмъ ихъ собрали до тѣхъ поръ, пока явился Александръ I и прочтенъ былъ имъ манифестъ о смерти Павла I-го, въ которомъ причиной оной выставленъ былъ апоплексическій ударъ!— По отъѣздѣ государя мы всѣ оставались въ томъ же положеніи, и я первый имѣлъ честь отдать Елизаветѣ Алексѣевнѣ императорскую почесть по отъѣздѣ ея при разсвѣтѣ въ Зимній дворецъ, то есть салютовалъ ей при барабанномъ боѣ, чего кромѣ императора и императрицы гвардія никому изъ царской фамиліи не дѣлаетъ; вскорѣ послѣ императрицы и вся ихъ фамилія выѣхали въ Зимній дворецъ, оставя сей замокъ навсегда.

12-го числа послѣ полудня смѣнилъ насъ Измайловскій караулъ, и мы въ странномъ ночномъ нарядѣ съ опухлыми отъ безсонницы лицами, въ измокшемъ и потомъ замерзшемъ отъ утренняго мороза платьѣ проходили улицы веселящейся столицы, которой жители толпами прогуливаясь, изъявляли другъ другу радость, обнимаясь между собою и привѣтствуя себя съ благополучной перемѣной правительства, зная благость новаго монарха. Между сими гуляющими были и странные франты, напримѣръ: круглыхъ шляпъ ни у кого не было, а тре-

угольныхъ не хотѣли уже носить изъ ненависти къ бывшему правительству и такъ, обрѣзавъ поля у треугольныхъ шляпъ сіи франты ходили въ страннаго рода головномъ уборѣ, которому и сами смѣялись; насъ встрѣчали какъ избавителей, хотя изъ благопристойности и не кричали ура, но встрѣчаясь съ нами снимали шляпы и кланялись съ улыбкой благодарности. Такъ кончилось злобное правленіе Павла I-го, о котораго судьбѣ нельзя и не пожалѣть видя, что сей монархъ, могшій снискать благословеніе милліоновъ, заслужилъ проклятіе современниковъ и укоризну потомства. Я отъ сей ночной тревоги выдержалъ болѣзнь, при которой вся голова у меня распухла, но, благодаря Господа, сія болѣзнь прошла въ нѣсколько дней, стараніями полкового нашего штабъ-лѣкаря Штофа. Не могу забыть, что, возвратясь съ сей тревоги домой, я спалъ цѣлыя сутки, не ѣвши и не просыпавшись.

Глава XI.

Заговоръ и смерть Павла I-го.

Люди, которые предначертали планъ къ низверженію сего государя были, сколько мнѣ извѣстно, генералъ отъ кавалеріи и Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ (умершій въ изгнаніи своемъ въ Митавѣ 1826-го года 13 февраля на 82-мъ году отъ рожденія, переживъ воцареннаго имъ Александра почти 3 мѣсяцами), сенаторъ графъ Панинъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Самойловъ; первый изъ нихъ былъ умнѣйшій человѣкъ своего времени, извѣстный генералъ вѣка Екатерины и хитрѣйшій политикъ; онъ наклонилъ Павла I-го издать прощеніе выключеннымъ и симъ дѣйствіемъ умножилъ свою партію прибывшими по сему случаю генералами отъ инфантеріи княземъ Платономъ Зубовымъ, графами Валеріяномъ и Николаемъ Зубовыми, къ нимъ пристали прощенные же генералъ лейтенанты баронъ Бейнигсенъ (извѣстный потомъ какъ предводитель арміи), Чичеринъ и князь Юшвиль. Сверхъ сего, пріобрѣлъ графъ Паленъ на свою сторону командировъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго генералъ-лейтенанта Талызина, Семеновскаго генералъ-майора Депрерадовича и кавалергардскаго генералъ-адъютанта Уварова. Число сего генералитета умножено было офицерами гвардіи Преображенскаго— полковымъ адъютантомъ Аргамаковымъ, поручикомъ Моринымъ и нашего—полковниками Ситманъ и Вадковскимъ; капитанами Мордвиновымъ, Волковымъ; поручиками Полторацкимъ, Кожинымъ, Власовымъ и другими. Въ семъ заговорѣ было особенно много

кавалергардскихъ офицеровъ, которыхъ я видѣлъ окружавшими Александра I-го при его выходѣ изъ замка и сверхъ сего великимъ количествомъ выключенныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а всего количество заговорщиковъ простиралось до 300 человѣкъ, судя по многочисленности движенія ихъ въ замкѣ, мною и другими нашими офицерами замѣченнаго.

Съ сими то лицами предпринялъ глава и душа всего заговора, графъ Паленъ, произвести переворотъ, который имѣлъ вліяніе не только на судьбу нашего отечества, но и на судьбу всей Европы, что показалъ длинный періодъ военныхъ дѣйствій отъ 1805-го года до 1815 годовъ. Справедливость требуетъ сказать при семъ, что, сколько ни была полезна перемѣна правительства для Россіи, но никакія пользы ея не могутъ извинить ужаснаго пролитія крови государя! сія же самая справедливость требуетъ сказать, что графъ Паленъ не былъ *честолюбецъ*, а искалъ въ низверженіи Павла блага имперіи, ибо иначе онъ, будучи сильнѣйшій въ заговорѣ, могъ вознести себя на степень высокую или по крайней мѣрѣ, ограничивъ права Александра I-го, быть участникомъ правленія и обезопасить тѣмъ свою личность. Исторія справедливо назоветъ графа Палена однимъ изъ безкорыстныхъ вельможъ и даже истиннымъ патріотомъ, но пожалѣетъ, что онъ позволялъ себѣ всѣ средства для достиженія своей цѣли—блага и спокойствія своего отечества.

Теперь въ отношеніи убіенія Павла I-го я буду говорить то, что я слышалъ въ то же время отъ своихъ товарищей и знакомыхъ, истину сего тайнаго убіенія, конечно, можно только открыть записками самихъ убійцъ, если они ихъ оставили, но для меня дороги и мои воспоминанія, носящія печать истины по своей простотѣ и по той вѣковой пословицѣ, что „отъ малой искры бываетъ большой пожаръ“, а это подтвердилось ничего не знающимъ Аргамаковымъ, адъютантомъ Преображенскаго полка, который однако былъ тою искрою, которая дала силу и возможность возгорѣться пламени ужаснаго цареубійства.—Но приступимъ къ дѣлу.

Извѣстно, что императоръ Павелъ любилъ быть самолично на всякомъ пожарѣ въ столицѣ и по симъ обстоятельствамъ адъютантъ Преображенскаго полка въ таковыхъ случаяхъ имѣлъ право приходить къ почивальнѣ и докладывать о семъ; впускаемъ былъ во оную во всякое время; симъ простымъ средствомъ воспользовался Паленъ и наклонилъ къ заговору Аргамакова, тогдашняго полкового адъютанта того

полка, дабы имѣть возможность безъ шума пройти къ Павлу, не обращая вниманія придворныхъ служителей, по той потайной лѣстницѣ, которая, какъ сказывали, вела изъ спальни Павла въ коридоры замка, дабы пресѣчь ему ретираду и дѣйствовать многочисленною партіею, которую неудобно было провести черезъ парадныя комнаты. Вслѣдствіе сего, заговорщики раздѣлились на двѣ партіи, одна, подъ предводительствомъ Зубовыхъ, и самая многочисленная, проникла коридорами и помянутой лѣстницей къ спальнѣ Павла I-го, и другая, малѣйшая числомъ, но состоящая изъ знатнѣйшихъ особъ, въ назначенное время подъ начальствомъ графа Палена, когда по расчисленію ихъ Аргамаковъ достигъ спальни, устремилась черезъ парадныя комнаты туда же.

По сему плану Аргамаковъ въ назначенное время пошелъ къ Павлу I-му, и, какъ дежурные камердинеры и прочіе служители, въ переднихъ комнатахъ бывшіе, знали право его, то и пропустили онаго свободно. Приближаясь къ дверямъ спальни, Аргамаковъ сдѣлалъ знакъ, и Павелъ, который, говорятъ, не успѣлъ и заснуть спросилъ: „кто тамъ?“ Аргамаковъ, сказавъ о себѣ, доложилъ о пожарѣ въ городѣ; государь, позвавъ его къ себѣ, спросилъ „гдѣ?“—Въ сіе время Аргамаковъ, пользуясь слабымъ свѣтомъ горѣвшей лампы, мимо ширмъ достигъ сказанной ему двери, тронулъ пружину и—Зубовы влетѣли въ спальню. Встревоженный симъ Павелъ I-й вскочилъ съ постели и въ то же время графъ Паленъ, шедшій съ знатными особами по парадным комнатамъ, и котораго зная, всѣ не смѣли остановить, явился предъ государемъ!—Предъ спальнею сія именитая партія рѣшила убить кинжаломъ сопротивлявшагося ходу оной подкамердинера императорскаго, въ другихъ же комнатахъ оцѣпенѣніе и паническій страхъ столь поразили служителей, что они ни малаго даже и вопроса не смѣли сдѣлать идущимъ, зная ихъ чины и довѣренность у государя. Пришедши въ себя, и, быть можетъ, услыхавши шумъ, одинъ изъ камеръ-лакеевъ, бывшій въ ближайшей комнатѣ, ударился бѣжать въ караульню главной гауптвахты (ибо внутренняго караула поручикъ Маринъ, бывшій, какъ выше видно, въ караульнѣ и будучи въ заговорѣ, будто получа повелѣніе, перевелъ часовыхъ за нѣсколько комнатъ изъ той, черезъ которую надо было идти графу Палену).

Лакей сей, прибѣжавъ на гауптвахту, кричалъ: „что вы спите, государя рѣжутъ!“—бывшій старшимъ унтеръ-офицеромъ, Михайловъ, думая, что онъ сумасшедшій, схватя его, велѣлъ связать и бросить подъ нары; въ сіе время прибѣжалъ въ караульню другой лакей или, какъ говорили, подкамердинеръ Павла I-го и, вскричавъ „государя рѣжутъ!“,

пустился бѣжать изъ караульни; на шумъ сей всѣ солдаты встали, а Михайловъ, разбудя пьянаго Воронкова, донесъ ему о случившемся. Сей капитанъ, все сіе происшествіе, бывшее у нихъ въ караульнѣ самъ мнѣ разсказывавшій, вскоча, не зналъ что ему дѣлать.—Хотѣлъ спросить совѣта у Мордвинова, бывшаго, какъ выше сказано, главнымъ рундомъ, но его не было, хватился Полторацкаго—и его нѣтъ, тутъ, не зная, что дѣлать, посмотря на часы и, видя 1-й часъ пополуночи, рѣшился послать брата моего Владиміра осмотрѣть посты во дворцѣ, хотя и не было еще 2-го часа, въ которое время визитеръ рундъ долженъ былъ ходить. Оставшись одинъ, Воронковъ не зналъ на что рѣшиться, ибо другой офицеръ Ивашкинъ былъ молодъ и ничего не зналъ, а, слѣдственно, и совѣта ему подать не могъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился ожидать, стоя у камина, донесенія моего брата и велѣлъ быть осторожнѣе часовымъ, распрашивалъ поймаппаго лакея и видя, что онъ въ полномъ умѣ, ужасался его словъ, но не дѣйствовалъ, да и не могъ дѣйствовать, если разсуждать,—что было ему дѣлать? Если бъ броситься къ Павлу I-му,—сего не смѣлъ онъ сдѣлать и оставить самовольно постъ свой, да и внутренніе караулы есть,—послать къ коменданту? но если все выйдетъ ложь?—тогда голову на плаху. Да и комендантъ, живучи въ замкѣ, все могъ слышать самъ лучше Воронкова, котораго обязанность была охранять только входы замка, что онъ и исполнялъ строго. Послѣ уже онъ догадался для чего Мордвиновъ не ходилъ главнымъ рундомъ, ибо онъ давалъ время заговорщикамъ управляться съ Павломъ, а Воронкову спать. Но это послѣ, а не тогда, когда и самъ испугался и видѣлъ еще Ивашкина, прижимавшагося отъ страха къ знаменному прапорщику Гуркѣ (что нынѣ генералъ-майоръ).

Думать надобно, что заговорщики прошли въ замокъ или во время еще ужина, когда князь Волконскій угощалъ Воронкова виномъ, или Полторацкій, во время сна его, пропускалъ оныхъ на разныхъ постахъ, какъ караульный офицеръ, или они издавна прошли въ оный, чего никакъ Воронковъ ни понять, ни объяснить не могъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на главной гауптвахтѣ замка, заговорщики, какъ сказано выше, достигли Павла I-го. Государь сей, увидавъ Зубовыхъ сказалъ: „что это такое?“ но когда увидалъ вошедшаго въ сіе время и Палена съ другой стороны спальни, то, мгновенно постигнувъ всю свою опасность, взглянулъ на онаго и сказалъ жалобнымъ голосомъ: „и ты противъ меня!“ Тогда Платонъ Зубовъ,—подойдя къ императору и вычисля всѣ его противозаконныя дѣйствія, какъ то:

уничтоженіе дворянской грамоты, повелѣніе наказывать тѣлесно оныхъ, отдачу его любимцамъ государственныхъ имуществъ, какъ напримѣръ: рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ графу Кутайсову и прочая;—требовалъ отъ Павла I-го отреченія отъ престола въ пользу наслѣдника.

Павелъ, выслушавъ въ первый еще разъ въ своей жизни горькую истину и движимъ будучи опасностію своей жизни, согласился подписать отреченіе отъ правленія, но въ сіе время свирѣпый генералъ князь Юшвиль вскричалъ Зубову: „князь, полно разговаривать! теперь онъ подпишетъ все, что вы хотите, а завтра головы наши полетятъ на эшафотѣ!“—и съ сими словами ударилъ государя табакеркой въ високъ. Павелъ I-й, вскричавъ: „Александръ! Константинъ!“—упалъ отъ сего жестокаго удара на полъ. Сдѣлавъ столь ужасный шагъ, надлежало уже по необходимости идти далѣе, и Павелъ I-й, гроза народа и арміи, самодержавецъ величайшей въ мірѣ монархіи, убитъ былъ тиранскимъ и мучительнымъ образомъ, о которомъ благопристойность говорить воспрещаетъ. Такъ кончилъ дни свои грозный Павелъ I-й! дни, которыми, посвятя ихъ благу своего народа, могъ онъ снискать благословеніе современниковъ и потомства.

Но обратимся къ событіямъ того времени.

Глава XII.

Происшествія по вступленіи на престолъ Александра I-го и судьба убійцъ.

По совершеніи ужаснѣйшаго цареубійства, убійства за которое Россія наказана была войнами, голодомъ и разореніемъ въ теченіи 24 лѣтъ, Зубовы, Панинъ, Бейнигсенъ пошли къ наслѣднику съ ужаснымъ для добраго сердца его объявленіемъ.—Сказывали тогда, что Александръ I-й при семъ извѣстіи, упавъ въ кресло, рѣшительно отказывался отъ правленія, обвиняя убійцъ, не выполнившихъ его требованія не касаться до покойнаго его родителя. (Говорили тогда, что Александръ I-й зналъ о предположенной революціи, но желалъ только отреченіемъ Павла I-го спасти Россію отъ гибели—дурнымъ правленіемъ его и преднамѣренною войной съ Англіею—ей угрожавшею. Да иначе и быть сего не могло, потому что если бы Александръ I-й не былъ согласенъ на сей переворотъ, то заговорщики бы въ семъ не успѣли, насъ бы не приводили ночью, и смерть Павла I-го не произвели бы въ

караулъ нашего полка, весьма преданнаго своему шефу Александру Первому; однимъ словомъ Александръ все зналъ, но быть отцеубійцей не могъ по своему сердцу), но, когда убійцы отца дерзнули сказать сыну, что если онъ не согласится принять правленія, то увидитъ рѣкою пролитую кровь въ своей фамиліи, тогда Александръ I-й далъ свое согласіе вступить на обагренный дымящейся кровью престолъ!

Между тѣмъ какъ сіе происходило въ комнатахъ наслѣдника, графъ Паленъ въ сопровожденіи толпы заговорщиковъ пошелъ на главную гауптвахту, пришедъ ко оной, графъ приказалъ часовому ударить два раза въ колокольчикъ (чѣмъ вызывались тогда караульные къ ружьямъ); капитанъ Воронковъ, стоя, въ ожиданіи свѣдѣнія отъ брата моего, какъ сказано въ XI-й главѣ, у камина и услыхавъ звонъ колокольчика, бросился первый къ ружьямъ и увидавъ Палена, стоявшаго у плацъ-формы съ толпою заговорщиковъ державшихъ, зажженные факелы, поспѣшно скомандовавъ отъ ноги, приказалъ заходить караулу справа и лѣва въ намѣреніи окружить графа (дѣлая все сіе, какъ самъ послѣ признавался, въ ужасѣ, и не зная что́ самъ дѣлалъ), но сей закричалъ въ сіе время: „ребята, у насъ императоръ Александръ! Ура!“ Воронковъ, кричавшимъ съ великимъ усердіемъ солдатамъ ура, хотѣлъ сіе воспретить, закричавъ „цыцъ!“ Но графъ Паленъ, бросясь къ Воронкову и схватя его за галстукъ, сказалъ ему: „молчи, я тебя удавлю!“ и обратясь къ явившемуся теперь поручику Полторацкому сказалъ: „извольте командовать на караулъ!“ по исполненіи чего графъ самъ прочелъ манифестъ о вступленіи на престолъ Александра I-го и привелъ весь караулъ къ присягѣ.

Такъ кончилось происшествіе на главной гауптвахтѣ послѣ чего и настало совершенное спокойствіе. Воронковъ самъ сказывалъ, что Паленъ едва было не удавилъ въ самомъ дѣлѣ его, и не мудрено; графъ былъ высокаго роста и мужчина здоровый, а Воронковъ маленькій и толстенькій.

Вступленіе Александра I-го на престолъ Россіи было всеобщимъ торжествомъ, смѣло можно сказать, что ни одинъ государь не видалъ при началѣ своего правленія толикаго восторга своего народа, каковой произведенъ былъ во всей столицѣ одною мыслью, что императоръ у него—Александръ! Гдѣ бы ни являлся сей юный и пречестнѣйшій государь, какъ бывалъ окруженъ тысячами восхищеннаго народа, кричавшаго „ура!“ и цѣловавшаго даже лошадь царскую; восторгъ былъ всеобщій отъ вельможи до послѣдняго поденщика, никто тогда и не мыслилъ, чтобы царствованіе Александра прекраснѣйшаго могло быть

толико бурнымъ и бѣдственнымъ отъ кровопролитныхъ войнъ, тяжести налоговъ и неправосудія, какъ впослѣдствіи то мы видѣли. Такъ ошибались люди, думавшіе по гордости своей, что избрали лучшее самовольно, не хотя переносить то, что не могло быть безъ воли Божіей! 24-лѣтнее правленіе Александра I-го доказало всю тщетность разсчетовъ и надеждъ людскихъ, основывавшихся, какъ всѣмъ казалось, на безпристрастной и строгой истинѣ. Первымъ дѣйствіемъ Александра при вступленіи на престолъ было освобожденіе всѣхъ арестованныхъ и заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости несчастныхъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ грознаго его родителя; вторымъ—уничтоженіе ужасной Тайной Экспедиціи; третьимъ—изданіе манифестовъ, которыми подтверждены права и привилегіи дворянства и купечества, и навсегда уничтожены во всей имперіи пытки; сими великими и блистательными дѣяніями монархъ сей, приведя въ упоеніе столицу и всю имперію, утвердился на тронъ, любовію своихъ подданныхъ огражденный. Свидѣтель толь высокой и истино царской благости, что долженъ былъ чувствовать графъ Паленъ, даровавъ таковаго царя отечеству? Но сіе утвержденіе на окровавленномъ тронѣ, Александръ, желая освятить уваженіемъ къ бреннымъ остаткамъ почившаго государя и родителя своего, учредилъ великую пышность какъ въ дежурствѣ при тѣлѣ его такъ и въ богатомъ катафалкѣ и великолѣпнѣйшемъ погребеніи.

Тѣло Павла I-го отъ дня кончины его, бывъ одѣто въ порфиру и корону и положенное въ богатомъ гробѣ, окруженномъ всѣми регаліями государственными, было поставлено въ одной изъ залъ Михайловскаго замка (что нынѣ Инженерный), обитой чернымъ сукномъ, на великолѣпномъ о нѣсколькихъ ступеняхъ катафалкѣ, на которомъ стояли вокругъ гроба 4 гвардейскихъ офицера, 4 камеръ-юнкера, 2 камергера, 1 сенаторъ и много камеръ-пажей и пажей; весь катафалкъ ровно и балдахинъ обиты были малиновымъ бархатомъ съ богатыми газомъ, бахромою и кистями, а стѣны зала уставлены были гербами имперіи на черномъ сукнѣ. Я былъ дежурнымъ при тѣлѣ два раза; въ таковомъ видѣ представлено было глазамъ народа тѣло монарха, обладавшаго великою имперіею болѣе 4 лѣтъ. Погребеніе соотвѣтственно было величію почившаго монарха могущественнаго царства земного, въ которомъ несены были короны и знамена, мечи и гербы; ведены были парадныя лошади, несено множество орденовъ своихъ и чужихъ, ѣхали два воина; одинъ въ черныхъ, другой въ золотыхъ латахъ, множество придворныхъ экипажей; весь сунодъ шелъ предъ гробомъ почившаго, за которымъ шелъ Александръ I-й и братъ его Константинъ, оба въ глубокомъ траурѣ, а по сторонѣ гроба шелъ пѣшкомъ съ уклоненной

шпагой графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. Гвардія была въ парадѣ отъ Михайловскаго замка до Крѣпости, и мы стояли линіями. Такимъ образомъ почтя бренныя остатки родителя своего и предавъ оные землѣ, Александръ вскорѣ, и именно въ іюнѣ, послалъ графа Палена въ политическую ссылку въ Курляндію, графа Панина въ свои деревни, Бейнигсена въ Вильну, а Зубовыхъ Платона за границу, Валеріяна и Николая въ деревни; сихъ послѣднихъ удалилъ онъ уже послѣ коронаціи, какъ равно и графа Самойлова. Такъ дѣйствовалъ сей государь въ смыслѣ строгой политики, ибо наказать ихъ строже значило бы открыть государственную тайну смерти отца своего, что было бы весьма опасно и даже безразсудно. Но и сіе наказаніе должно было быть очень тягостно для людей, надѣявшихся занять первыя мѣста въ государствѣ и осужденныхъ теперь жить въ тяжкой для нихъ неизвѣстности и презрѣніи.

Глава XIII.

Утро Святой недѣли 1801-го года, памятникъ Суворову и походъ въ Москву.

Любимый Александръ I-й въ блескѣ юности и тѣлесной красоты, которою умѣлъ онъ очаровать всѣхъ, имѣвшихъ доступъ къ его особѣ, явился намъ и въ пышности царской въ 1-й день Святой недѣли. Наканунѣ дня сего повѣщено намъ было, чтобы по первому пушечному выстрѣлу вставать и одѣваться, по второму ѣхать въ Зимній дворецъ, а по третьему начнется благовѣстъ при всѣхъ церквахъ столицы,—и такъ съ первымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ крѣпости, я, вскоча съ радостнымъ духомъ, началъ одѣваться по новой формѣ, данной намъ за нѣсколько дней, то есть вмѣсто щиблетъ и штановъ я надѣлъ панталоны и высокіе сапоги, вмѣсто богатаго, но безтолковаго надѣлъ прекрасный мундиръ съ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и съ выкладкою краснаго сукна по фалдамъ, и взявъ въ руки шляпу украшенную большимъ чернымъ султаномъ, полетѣлъ въ Зимній дворецъ въ 11 часовъ при второмъ пушечномъ выстрѣлѣ; на улицахъ, освѣщенныхъ фонарями, я увидалъ движеніе экипажей и народа, суетящихся радостно; первые направлялись большею частію ко дворцу, а послѣдніе стремились въ разные великолѣпные храмы столицы.

Взойдя во дворецъ, я былъ, такъ сказать, ослѣпленъ и пораженъ блескомъ освѣщенія, сіяніемъ звѣздъ, брильянтовъ, золота и серебра,

покрывавшихъ дворъ и вельможъ великаго царя; тутъ являлись мнѣ сановники Екатерины II-й, покрытые сѣдинами и знаками чести и славы и съ важностію ходившихъ по свѣтящейся залѣ; тамъ рой царедворцевъ, покрытыхъ золотомъ жужжалъ между собой, любуясь своими нарядами, а здѣсь многочисленное собраніе сенаторовъ, министровъ и первокласныхъ чиновъ, тихо прохаживаясь, разговаривало въ полголоса между собою, наконецъ наша братія, офицеры гвардіи, съ военною быстротою размахивая эксельбантами и гремя шпорами, толпились между рядами сихъ почтенныхъ особъ, сосредоточиваясь по полкамъ своимъ, будучи руководимы своими генералами, съ важною радостнаго лица миною устраивавшихъ насъ во срѣтеніе имѣющаго вскорѣ явиться монарха нашего. Наконецъ явился сей монархъ и сей царь сердецъ! съ кроткою улыбкою, съ радостью и благосклоннымъ взоромъ, онъ шелъ съ важностью царя въ предшествіи своего блистательнаго двора, ведя свою юную супругу и окруженный пышною свитою; сія минута неописанна! Царь нашъ былъ царь не только по духу и дѣламъ, но онъ былъ царь по красотѣ, по чаровательному взору, однимъ словомъ Александръ I-й былъ истинно царь по превосходству! Но вотъ сіе солнце начало удаляться отъ насъ, и мы, какъ бы влекомые силою притяженія, устремились за нимъ въ храмъ Божій, тамъ, по окончаніи заутрени, мы вслѣдъ за чинами двора его съ нимъ христосовались, и я въ сей день имѣлъ отличнѣйшую честь поцѣловать въ губы сего государя, а государынѣ мы кланялись. По окончаніи божественной литургіи, Александръ I-й, въ предшествіи блистательнаго двора своего, возвратился во внутреннія комнаты, а я, полный восторга отъ всего видѣннаго, удалился въ свою квартиру. Такъ сей монархъ привлекалъ къ себѣ благоснисхожденіемъ своихъ подданныхъ, и увѣренный, что въ монархіяхъ непремѣнно нужно соревнованіе въ славѣ, далъ вскорѣ блистательнѣйшее доказательство уваженія своего къ знаменитымъ заслугамъ, воздвигнувъ превосходный памятникъ герою Рымника, Польши и Италіи безсмертному нашему Суворову.

Памятникъ сей, поставленный на Царицыномъ лугу, иначе Марсовымъ полемъ называемымъ (сей памятникъ предъ 1825-го годомъ императоромъ Александромъ I-мъ перенесенъ на особую площадь, Суворовской и названной, и поставленъ въ семъ же видѣ), изображалъ Суворова во весь ростъ въ мантіи и римскомъ шишакѣ, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ и держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба, которымъ прикрывалъ онъ стоящія короны: императорскую Австрійскую, папскую тіару и королевскія: Сардинскую и Неаполитанскую, а въ правой рукѣ, поднятой

кверху, и изогнутой противъ шеи къ лѣвому плечу, держалъ онъ мечъ-эмблему громоносныхъ побѣдъ своихъ въ Италіи, на защиту спхъ государствъ одержанныхъ; на шеѣ у него на двухъ цѣпяхъ висятъ вензеля Екатерины II-й и Павла I-го, въ царствованіе которыхъ прославилъ онъ оружіе наше. На пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ мрамора вышиною аршина въ три, по сторонамъ утверждены мѣдныя доски съ изображеніемъ знаменитѣйшихъ побѣдъ Суворова, а съ лицевой стороны золотыми словами изображена слѣдующая надпись: „Генералиссимусу, князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому 1801-го года". Статуя Суворова, ровно щитъ, мечъ и прочее, вылиты изъ зеленой мѣди, подобно монументу Петра Великаго. Для открытія сего памятника въ исходѣ іюня 1801-го года собраны были батальоны гвардіи и армейскихъ полковъ, въ Петербургѣ стоявшихъ, и роты артиллеріи; войска сіи, въ назначенный день бывъ собраны, выстроились линіями по Царицыну лугу въ видѣ огромнаго полукруга отъ самаго памятника, который закрытъ былъ огромными ширмами. Когда мы выстроились и о семъ донесено было государю, то (явился) сей монархъ, окруженный великимъ числомъ посѣдѣвшихъ въ браняхъ генераловъ, между которыми былъ и знаменитый впослѣдствіи времени Кутузовъ, тогдашній военный губернаторъ столицы; при появленіи императора мы ему отдали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ; государь, остановясь въ срединѣ круга войскъ, прямо противъ памятника, изволилъ вынуть шпагу изъ ноженъ (въ знакъ, что онъ самъ будетъ командовать) и послалъ князя Волконскаго съ приказаніемъ опустить ширмы, закрывавшія героя отъ нашихъ любопытныхъ глазъ. Во мгновеніе ока ширмы упали и намъ явился блестящій отъ солнца видъ великаго мужа!—государь тотчасъ самъ скомандовалъ: „палить!" и громы пушекъ, соединясь съ залпами батальоновъ, потряся воздухъ, потрясли и сердца всѣхъ зрителей, исполненныхъ восторга при видѣ того, кто всю жизнь свою посвятилъ на славу и защиту отечества. По совершеніи трехъ залповъ мы подъ предводительствомъ государя пошли мимо памятника Суворова церемоніальнымъ маршемъ и салютовали оному; проходя мимо котораго, я видѣлъ государя, стоящаго по правую сторону изображенія героя съ опущенной шпагой. . . . . .*)

Въ исходѣ іюля полки гвардіи начали выступать изъ Петербурга въ Москву, куда и я выступилъ съ 3-мъ батальономъ Семеновскаго полка подъ начальствомъ генералъ, майора Лихачева. При выступленіи нашемъ государь съ двумя принцами Баденскими, отцомъ и братомъ его супруги, пріѣзжалъ къ намъ и смотрѣлъ насъ при выходѣ изъ столицы. . . . . .*)

*) Въ сихъ мѣстахъ въ рукописи вырѣзка, почти что въ четыре страницы.

Глава XIV.

Вступленіе въ Москву, въѣздъ въ оную Александра I-го и его коронація.

Бывъ привѣтствуемы и встрѣчаемы радостно, мы шли въ Москву какъ бы прогулкою на разстояніи 720 верстъ, и достиг . . . . . *) ожидали прибытія монарха, ибо оный въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ въ Петропавловской подъѣздный дворецъ, въ полуторѣ верстѣ отъ Москвы лежащій, куда мы и ѣздили для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вскорѣ послѣ сего, послѣдовалъ торжественный въѣздъ сего государя въ столицу, пришедшую во всеобщее движеніе при семъ тріумфѣ. Въ назначенный для сего день, помнится, 8-го Сентября, выстроена была гвардія по улицамъ, гдѣ долженствовало быть шествіе монарха, по обѣ стороны оныхъ въ одну шеренгу такъ, что отдавъ честь и откинувъ ружье отъ ноги одинъ гренадеръ касался онымъ лѣваго бока другого; офицеры были поставлены частію по симъ шеренгамъ, частію при знаменахъ, которыя со всѣми батальонами, барабанщиками, флейтщиками и музыкою подъ прикрытіемъ взвода усатыхъ гренадеръ поставлены были на флангахъ батальоновъ. Нашъ 3-й батальонъ выстроенъ былъ отъ Никольскихъ воротъ мимо церкви Владимирской, вдоль по улицѣ и примыкалъ лѣвымъ флангомъ ко онымъ, а правымъ къ лѣвому флангу 2-го батальона нашего полка.

Пышный и блистательный въѣздъ сего государя открывалъ взводъ прекрасныхъ и покрытыхъ золотомъ и барсовыми мантіями гвардейскихъ гусаръ подъ предводительствомъ шефа своего, отличнѣйшаго ѣздока того времени, генералъ-лейтенанта Кологривова, который имѣлъ видъ истинно гусарскій и лошадь его пожирала, такъ сказать, землю, дѣлая безпрестанные обороты то въ ту, то въ другую сторону. За ними ѣхали почтальоны, и цуги знатнѣйшихъ вельможъ; чтобы дать понятіе о длинномъ семъ рядѣ великолѣпнѣйшихъ экипажей знаменитыхъ сановниковъ, скажу объ одномъ изъ нихъ, оставшемся у меня въ свѣжей памяти; блистательный сей цугъ принадлежалъ князю Куракину, оный состоялъ изъ шести прекраснѣйшихъ соловыхъ лошадей, заложенныхъ въ выложенную перламутромъ и покрытою въ приличныхъ мѣстахъ золотомъ карету, на сихъ лошадяхъ хомуты и шоры были зеленые бархатные, вышитые золотомъ, равно какъ и возжи, и на головахъ у лошадей были зеленыя перья. Предъ симъ цугомъ ѣхали два верховыхъ

*) Въ семъ мѣстѣ въ рукописи вырѣзка въ страницу.

лакея въ палевой съ серебромъ ливреѣ, за ними два скорохода, а по обѣ стороны кареты шли два гайдука, за каретой же стояли 4 лакея и всѣ въ одинаковыхъ съ вершниками ливреяхъ богато обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; таковыхъ блистательнѣйшихъ цуговъ ѣхало, думаю, болѣе двадцати, рознившихся цвѣтомъ только ливрей и видомъ каретъ, но не богатствомъ, оные принадлежали князю Юсупову, графамъ Шереметевымъ, Строгонову, Салтыкову, Самойлову, Орлову-Челинскому; господамъ: Еропкину, Нарышкинымъ и другимъ вельможамъ. Блескъ пышныхъ ихъ экипажей вполнѣ изображалъ величіе монарха, которому они служили, и дѣлалъ видъ великолѣпія, доселѣ невиданнаго! Не должно думать, чтобы описанной мною цугъ князя Куракина былъ богатѣе другихъ, онъ имѣлъ болѣе другихъ вкуса, а не богатства; Шереметева карета была золотая, осьмистекольная, а ливрея красная съ золотыми галунами; хомуты же и шоры были малиновые бархатные, шитые золотомъ и блестками; другія ливреи были столь же богаты какъ и сіи, но я сокращаю описаніе ихъ, помня, впрочемъ, ихъ столь живо, какъ бы вчера. Столько то врѣзалось въ мою память сіе дивное богатство.

За сими цугами ѣхали церемоніймейстеры съ жезлами, камергеры и великіе чины двора, потомъ государственный совѣтъ, придворныя богатыя кареты, и взводъ кавалергардовъ, предводимыхъ прекрасной фигуры и виднымъ собою генералъ-адьютантомъ Уваровымъ; за симъ взводомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ Александръ I-й безъ шляпы, кланяясь на обѣ стороны тысячамъ народа и дворянства, покрывавшимъ улицы, и всѣ мѣста, нарочно для помѣщенія послѣднихъ устроенныя. По правую сторону сего государя ѣхалъ цесаревичъ Константинъ, а по лѣвую знаменитый графъ Чесменскій; за нимъ ѣхала многочисленная и блистательная свита, украшенная многими посѣдѣвшими во браняхъ знаменитыми генералами; за сею свитою ѣхали богатыя придворныя кареты, въ которыхъ сидѣли обѣ императрицы и прочіе члены царской фамиліи, а за ними второй взводъ кавалергардовъ. Императрицы сидѣли въ золотыхъ каретахъ восемью лошадями каждая запряженныхъ, и у императрицы матери на верху кареты была поставлена золотая корона, у царствовавшей же не было оной, ибо не была еще коронована. Предъ каретами, возлѣ и сзади оныхъ, ѣхали камеръ-пажи и шталмейстеры, а на ремняхъ сидѣли пажи всѣ въ богатѣйшей придворной ливреѣ, обложенной гассами съ орлами. Встрѣчи, дѣлаемыя Александру I-му, были торжественны, врата прекраснѣйшей архитектуры, у которыхъ расположены были разные чины столицы; у Никольскихъ, гдѣ я стоялъ, расположены были синодальные пѣвчіе и сту-

денты духовной академіи подъ предводительствомъ своего архимандрита Владимира по обѣ стороны оныхъ, и когда государь сей подъѣхалъ къ онымъ, то пѣвчими воспѣтъ былъ кантъ, а студенты устлали путь ему лавровыми вѣнками и масличными вѣтвями. Такимъ образомъ, сія пышная и блистательная процессія, пройдя черезъ большую часть древней столицы, остановилась у дворца въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ тогда и остановился государь сей до дня своего коронованія; наканунѣ котораго и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

Ликуя при семъ отечественномъ празднествѣ и встрѣчая съ восторгомъ и умиленіемъ любимаго своего Александра I-го, могли ли жители Москвы думать, что черезъ 12 лѣтъ сей самый Александръ привлечетъ своими ошибками арміи всей Европы въ нѣдра ея, и что она разрушена будетъ до основанія тѣмъ корсиканцемъ Бонапартомъ, о которомъ тогда большая часть ихъ и не слыхивала? конечно не думали, но мечъ небеснаго правосудія готовъ былъ карать царя сего, а съ нимъ и царство его за гордость ихъ и самонадѣяніе одного на другого. Александръ I-й въ 1803 году, покровительствуя прелюбодѣяніямъ подданныхъ, усыновляя незаконнорожденныхъ дѣтей ихъ, явилъ всенародно презрѣніе свое къ уставамъ вѣры и нравственности, а послѣдующими своими дѣяніями погрузя въ пропасть свое отечество, доказалъ тѣмъ, что заслуживалъ не восторгъ, но унылость своего народа и то, что первоначальное восхищеніе не суть порука царямъ за любовь ихъ народовъ! Мы видѣли тогда во Александрѣ I-го ангела мира, а Всемогущій, зрящій глубину сердца царя, зрѣлъ въ немъ будущаго истребителя благоденствія отечества нашего.

Коронованіе, совершенное въ 15-й день сентября, было, соотвѣтственно величію Россіи, (было) блистательно и великолѣпно. Мы, то есть вся гвардія, къ 7 часамъ утра того дня выстроены были линіями по Кремлю, нашъ батальонъ примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ Успенскому собору, а правымъ ко 27 батальону нашего полка. Къ 8 часамъ утра заревѣлъ ужасный колоколъ на Иванѣ Великомъ, а вскорѣ явился на Красномъ крыльцѣ и Александъ I-й въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ лентѣ Андреевскаго ордена, имѣя звѣзду онаго брильянтовую. Сойдя съ лѣстницы, онъ пошелъ въ соборъ подъ богатѣйшимъ балдахиномъ золотого глазета съ таковою же бахромою и кистями; верхъ сего балдахина, утвержденный на серебряныхъ столбахъ, украшенъ былъ пуками бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Сему государю сопутствовала и незабвенная благодѣтельная Елизавета Алексѣевна, его супруга; при появленіи государя мы ему салютовали при боѣ бара-

бановъ и играній музыки. Коронованіе отправлялъ извѣстный тогда умомъ митрополитъ Платонъ и, по совершеніи онаго, говорилъ Александру I-у столь назидательное привѣтствіе, что едва ли бы кто кромѣ его осмѣлился сказать таковыя истины въ лицо самодержавному монарху! Сія рѣчь, впослѣдствіи переведенная на многіе языки, изумляла даже самыхъ свободныхъ французовъ своею рѣзкою истиною, сказанною въ наставленіе царей.

По окончаніи коронованія (во время котораго при возложеніи короны государемъ на голову свою, при многолѣтіи и муропомазаніи производима была нами пальба батальонными залпами, сопровождаемая пушечными залпами же гвардейской артиллеріи и Кремлевскихъ батарей) Александръ I-й по обыкновенію пошелъ въ Благовѣщенскій и другіе соборы для поклоненія гробамъ предковъ своихъ; онъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ предшествіи многочисленныхъ депутатовъ разныхъ сословій имперіи, всего двора и государственныхъ регалій предносимыхъ генералитетомъ, имѣя на себѣ корону и порфиру, въ лѣвой рукѣ державу, а въ правой скипетръ. Въ семъ блистаніи встрѣченъ онъ былъ залпами артиллеріи, ужаснымъ колокольнымъ звономъ, нашею музыкою и барабанами; и все сіе, потряся воздухъ и поколебавъ землю, производило неизъяснимое чувство восторга и благоговѣнія къ человѣку, облеченному возможную земною славою и поистинѣ превознесенному. Государь сей шествовалъ по деревянному помосту обитому алымъ сукномъ съ золотыми галунами, простиравшемуся между всѣми соборами и дворцами подъ балдахиномъ и проходилъ весьма близко мимо меня, и я успѣлъ довольно насмотрѣться на красоту и величіе, можно сказать, нечеловѣческія.

Императорская корона сдѣлана вся изъ золота и сплошь осыпана крупными брильянтами (ожуръ) лучшей воды; на верху ея поставленъ лалъ (камень алаго цвѣта, величиною въ голубиное яйцо), на которомъ утвержденъ брильянтовый же крестъ; бортъ сей короны осыпанъ брильянтами ряда въ три, величиною въ большой русскій орѣхъ. Держава сдѣлана шаромъ, а внизу для руки поддонъ также изъ золота и обведена кругомъ и крестообразно отъ верха до низу крупными брильянтами, на верху ея поставленъ лалъ такой же, какъ и на коронѣ, а на немъ крестъ брильянтовый; скипетръ золотой, вышиною около аршина, осыпанный по мѣстамъ крупными брильянтами, а на верхнемъ концѣ его утвержденъ великій алмазъ во 194 карата вѣсомъ, цѣнимый въ милліонъ рублей серебромъ; на семъ огромномъ и драгоцѣнномъ брильянтѣ, отшлифованномъ пирамидально, утвержденъ государственный

гербъ изъ брильянтовъ же; столь великое богатство, блистая отъ яркости солнца, представляло Александра I-го по истинѣ чѣмъ то болѣе, нежели человѣкомъ.

Глава XV.

Возвращеніе въ Петербургъ; чтеніе первой книги; переходъ въ армію и отставка.

По окончаніи празднествъ коронаціи мы выступили обратно въ Петербургъ, куда и пришли въ исходѣ Октября. Здѣсь въ первый разъ по вступленіи своемъ на тронъ показалъ намъ Александръ I-й, что и онъ любилъ, подобно родителю своему, заниматься вздоромъ. Мы, пришедъ къ Петербургу въ самый ненастный и холодный день и остановясь у заставы, дожидались часа три пріѣзда государева, которому донесли о нашемъ прибытіи, и онъ, будучи повелитель великой имперіи, рѣшился потерять нѣсколько часовъ на встрѣчу одного батальона!! должно признаться, что измокнувъ и перезябнувъ по пустому, мы очень досадовали въ первый еще разъ на сего государя.

Благоволеніе монарха ко мнѣ продолжалось, я служилъ ревностно, но и зависть моихъ товарищей по службѣ была неусыпна. Молодость и неопытность моя дѣлала въ глазахъ моихъ всѣхъ мнѣ друзьями, и я полагалъ что меня всѣ любятъ и желаютъ мнѣ блага. Сію то неопытностію воспользовались нѣкоторые офицеры нашего полка и начали мнѣ совѣтовать удержать дѣлаемое мнѣ государемъ вспоможеніе по 600 руб. въ годъ всегдашнимъ пансіономъ, что по бѣдности моей и по тягостному оной напоминанію ежетретно князю Волконскому было бы для меня лучше. Къ исполненію сего плана друзья сіи, ищущіе моего удаленія, а себѣ вакансій, совѣтовали мнѣ подать просьбу о выпускѣ въ армію, дабы тѣмъ, когда государь пожелаетъ меня спросить о причинѣ онаго, воспользовавшись, объяснить бѣдное свое состояніе и получить назначеніе получать пособіе безъ просьбъ и всегда аккуратно. Безумное сіе предложеніе, теперь бы мною съ презрѣніемъ отвергнутое, казалось тогда мнѣ прекраснымъ и потому болѣе, что государь, внедавнѣ, заплатя долги моей матери, до 7000 рублей простиравшіеся за мою и брата моего службу, могъ иногда объявить и неудовольствіе за частыя просьбы, да и мнѣ совѣстно было при всей моей бѣдности утруждать сего государя, благодѣтеля моего и моей матери, частыми просьбами о себѣ, къ чему принуждало меня малое содержаніе отъ отца моего получаемое, простиравшееся до 200 рублей въ годъ,

хотя отецъ мой получая болѣе 3000 рублей ежегоднаго дохода и не имѣя при себѣ никого изъ дѣтей, ибо всѣ они жили при матери въ ея имѣніи, могъ бы и утроить мое содержаніе—памятуя, что на мое воспитаніе не употреблено имъ и мѣднаго гроша.

Въ сихъ совѣтахъ друзей моихъ прошла вся зима, въ теченіе которой мнѣ попалась первая книга въ моей жизни, которую я и прочелъ съ жадностью; сія книга была романъ дю Кре дю Мениля „Викторъ или дитя въ лѣсу“, и она то пріохотила меня къ чтенію, столь страстно впослѣдствіи мною любимому и отъ котораго получилъ я все мое образованіе. Вотъ почему памятно для меня сіе событіе, въ жизни другого вовсе незначущее; прочтя сію книгу, я любопытствовалъ и еще читать, и мнѣ попалась переписка Екатерины II-й съ Вольтеромъ, жизнь Нерона, жизнь Суворова, Лаудона и лѣтопись Дмитрія Ростовскаго, изъ которой особенно я получилъ понятіе о мірѣ, его измѣненіяхъ и государствахъ до насъ бывшихъ; сію послѣднію получилъ я отъ Ивана Александровича Вельяминова, любившаго меня и бывшаго у насъ въ полку полковникомъ, и весьма ученаго человѣка, который теперь, когда пишу сіе, будучи генералъ-лейтенантомъ, назначенъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Надо при семъ замѣтить и то, что въ теченіи сего лѣта еще до похода моего въ Москву, одинъ почтеннѣйшій офицеръ нашъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, по желанію добраго сердца своего далъ мнѣ понятіе о многомъ, сводя меня въ Академію Художествъ, Наукъ и въ Кунсткамеру; въ это время по его же благорасположенію слушалъ я и лекцію натуральной исторіи профессоромъ Озерецковскимъ преподаваемую, и сими то добрыми моими благодѣтелями, хотя нѣсколько (была) поднята завѣса окружавшаго меня мрака невѣжества.

Въ мартѣ мѣсяцѣ частые совѣты мнимоискренныхъ друзей моихъ, хлопотавшихъ о моей пользѣ, рѣшили меня подать просьбу о выпускѣ въ армію. Сію просьбу полковой командиръ нашъ генералъ-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ представилъ государю; принявъ оную, Александръ I-й спросилъ у генерала—какая причина понуждаетъ меня къ сему? Депрерадовичъ неизвѣстно что отвѣчалъ на сіе, но просьба моя была изорвана государемъ. Все сіе сказывалъ мнѣ уже послѣ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, который не зналъ даже какъ я подавалъ просьбу (столь я былъ увѣренъ въ благорасположеніи своихъ товарищей) и узнавъ уже о всемъ тогда, когда я назначенъ уже былъ къ выпуску.

Депрерадовичъ съ своей стороны, желая очистить вакансію племяннику своему Трубчанинову, при первомъ свиданіи со мною, не сказавъ мнѣ ничего о разговорѣ государя, сказалъ только: „напишите другую просьбу, та не годилась"; я, ничего не вѣдая, написалъ вторично оную и подалъ сему генералу, который, представя вторично сіе государю, сказалъ, что я неотступно прошусь въ армію; государь въ досадѣ на мое упрямство, брося просьбу, сказалъ: „пусть идетъ!"—И такъ я выпущенъ былъ въ началѣ Апрѣля 1802-го года въ Нашенбургскій мушкетерскій полкъ поручикомъ; откланиваясь государю вмѣстѣ съ другими въ Зимнемъ дворцѣ при моемъ отъѣздѣ, я слышалъ слова государя, сказанныя мнѣ и подтвердившія все слышанное мною отъ Вельяминова, но дѣлать уже было нечего! Проходя насъ, государь, остановясь противъ меня, сказалъ: „ты хотѣлъ служить въ арміи. Желаю тебѣ счастья!" Жребій мой былъ брошенъ, говорить было нечего да я и не смѣлъ сказать, а только молча низко поклонился сему милостивому ко мнѣ государю и скрылся навсегда изъ чертоговъ царскихъ, будучи вытѣсненъ изъ оныхъ зложелательствомъ друзей и жестокосердіемъ своего начальника. Но злоба ихъ не восторжествовала, и государь, выгнавъ вскорѣ изъ полка Боборыкиныхъ, Кожина и другихъ моихъ совѣтниковъ, отказалъ рѣшительно Депрерадовичу въ производствѣ въ офицеры племянника его юнкера Трубчанинова, который и принужденъ былъ выйти въ армію.

По выпускѣ моемъ я переѣхалъ изъ полка въ домъ знакомаго мнѣ придворнаго зельбельдинера почтеннаго старца Иванова, жившаго во второй Мѣщанской при входѣ въ оную со стороны Фонтанки, на правой рукѣ въ третьемъ каменномъ домѣ; здѣсь я провелъ праздникъ Пасхи, какъ бы у родныхъ своихъ и отправился Апрѣля 26-го дня отъ нихъ въ Москву, гдѣ стоялъ тогда полкъ, въ который я былъ выпущенъ. Такимъ образомъ я оставилъ пышную столицу сѣвера, проживя въ ней счастливо и мирно 4 года и 9 мѣсяцевъ. Счастливо! ибо я былъ любимъ своимъ государемъ и справедливыми начальниками, наслаждаясь настоящимъ и не думая о будущемъ и любя всѣхъ своихъ товарищей, я не зналъ ни зависти, ни злобы; мирно, ибо если я и вовлеченъ (былъ) въ нѣкоторые пороки (которые, къ несчастью, нынѣ уже не считаются таковыми), то невинное сердце мое не участвовало въ оныхъ, бывъ чуждо разврата и думая превратно по своему невѣдѣнію и непросвѣщенію.

Ѣхавъ въ Москву, я любовался древностью Новгорода и быстротою мутнаго Волхова, воспоминая прошедшія событія на брегахъ его

происходившія; Тверь, прелестнѣйшій изъ городовъ губернскихъ съ чистыми и широкими своими улицами съ пространными площадями и съ величественной Волгой, матерью рѣкъ россійскихъ, восхищала взоръ мой! Имѣя въ рукахъ дорожникъ или описаніе тракта между столицами, я искалъ мысленно дворца Ярославля, и не видя даже и слѣдовъ его, сожалѣлъ о краткости всего подлуннаго. Пріѣхавъ въ древнюю нашу столицу, можно сказать, колыбель моего младенчества, куда ѣзжалъ я или, лучше, сопровождалъ моихъ родителей ежегодно, вспоминалъ то время, когда мое счастіе, все удовольствіе составляли нѣсколько блиновъ изъ блинни принесенныхъ... О, время блаженное! время невинности и полноты радости сердечныя! куда сокрылось ты толико скоро?

По пріѣздѣ моемъ я нашелъ здѣсь мою мать, ожидавшую уже лошадей для съѣзда въ свои деревни и вскорѣ, явясь въ полкъ, началъ свою службу во ономъ. Лѣтомъ я выходилъ въ лагерь на такъ называемой Ходынкѣ, вмѣщавшей сверхъ того полка, въ которомъ служилъ я, полки Астраханскій и Авагинскій, гдѣ и смотрѣлъ насъ генералъ-лейтенантъ Ферстеръ. Придя въ Москву обратно, я чувствовалъ болѣзнь мою усиливавшуюся, но стыдился сказать о ней кому либо; въ сіе время пріѣхалъ ко мнѣ и старшій, теперь уже покойный, братъ мой Николай и убѣждалъ меня идти въ отставку, представляя, что отецъ нашъ старъ, имѣніе расхищается и разныя еще разности; страдая тѣлесно, я и самъ видѣлъ, что въ томъ положеніи служить я не могъ, а характера отца своего коротко я не зналъ, отдѣлясь отъ него службою въ моей юности, и такъ я рѣшился идти въ отставку, не предвидя всей моей гибели съ оной сопряженной.

Глава XVI.

Бѣдствія.

Въ сентябрѣ 1802 года я пріѣхалъ къ отцу моему въ деревню Есенокъ Епифанскаго уѣзда, гдѣ онъ всегдашнее имѣлъ пребываніе; отецъ мой, не спрося что понудило меня выйти въ такія лѣта въ отставку, отвелъ для моего жительства свою баню. Помѣстяся въ семъ убогомъ и отдаленномъ отъ дома его жилищѣ и не имѣя платья, во чтобы одѣться, я проводилъ время, играя съ отцомъ моимъ въ игру, называемую тентеръ, и не видя никого изъ сосѣдей кромѣ двоюроднаго брата моего Павла Александровича, ожидалъ своихъ именинъ, въ которыя надѣялся я получить въ подарокъ деньги, нужныя мнѣ на платье, ибо мундировъ носить я не могъ, и имѣлъ только одинъ сюртукъ, купленный мною въ Москвѣ.

Наступили мои ожидаемыя именины, и я получилъ въ подарокъ пять рублей!—Что мнѣ было дѣлать? просить я не смѣлъ, ибо отецъ мой былъ весьма серьезный человѣкъ, а самъ онъ и не спросилъ меня, есть ли у меня во что одѣться, и такъ мнѣ оставалось терпѣть. Я прейду молчаніемъ всѣ горести, претерпѣнныя мною въ теченіе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, горести, каковыхъ, думаю, ни одинъ еще сынъ не переносилъ отъ отца своего, скажу только, что онъ искалъ случая, чтобы оскорбить меня, и имя мое было—Михей, въ насмѣшку мнѣ имъ данное, но—вскорѣ я долженъ былъ испытать бѣдствіе еще сильнѣйшее. Въ декабрѣ отецъ мой, будучи горячаго сложенія и бывъ направленъ къ тому окружавшими его особами, наказалъ жестоко одного своего человѣка, который вскорѣ отъ сего и умеръ. Судъ пріѣхалъ и хотя отецъ мой и дорого заплатилъ, но умершаго похоронили. Вскорѣ одинъ изъ родственниковъ отца моего донесъ губернатору, прислано было переслѣдовать, нашли все чего искали, и отца моего взяли въ городъ судить уголовнымъ судомъ. Въ сіе дѣло, вовсе для меня постороннее, вовлекли наконецъ и меня! Отца моего оправдали, а меня—обвиня, отдали суду!! О люди!—Но умолчимъ о страстяхъ ихъ, ибо сіе бѣдствіе послано было въ наказаніе и исправленіе меня! Одно удивительно, гдѣ были тогда правосудіе и истина? Но таковы были и всегда будутъ люди, не имѣющіе вѣры и чести; я былъ тогда 17 лѣтъ, не зналъ законовъ, не зналъ что такое судъ и не имѣлъ ни объ чемъ понятія, что только нужно для человѣка, итакъ мудрено ли было хитрому ябеднику секретарю Жданову устрашить, смѣшать и заставить (меня) говорить то, чего я и не вѣдалъ! Но какъ бы то ни было, а меня неестественное сіе судилище послало въ Тулу въ уголовную палату, при входѣ въ которую я затрясся! Одинъ, бывшій тогда благодѣтельный судья, фамиліи котораго я не знаю, подойдя ко мнѣ, началъ меня вѣжливо успокаивать и видя мою молодость, разсмотря дѣло меня оправдалъ и отпустилъ меня къ осени 1803-го года домой въ Есенокъ. Въ теченіи же лѣта 1803-го года, когда меня держали въ Тулѣ, одинъ благодѣтельный израильтянинъ вылѣчилъ совершенно тяжкую болѣзнь мою, и я, пройдя степени возможнаго испытанія душевнаго, получилъ тѣлесное обновленіе.

Слѣдствіемъ моего оправданія естественно было обвиненіе отца моего, такъ то сплели сіе мерзостное дѣло судіи злочестивые, но отецъ мой не дождался конца сего дѣла и по болѣзни, болѣе трехъ мѣсяцевъ продолжавшейся, скончался 29-го сентября 1803-го года. Я былъ при кончинѣ родителя моего и показалъ ему слезами моими и услугами, что я былъ сынъ не недостойный его милостей.

Глава XVII.

Гоненія и обиды.

Вскорѣ послѣ кончины отца моего пріѣхала въ Есенокъ и мать моя, жительствовавшая въ своихъ деревняхъ Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда, въ селахъ Подосенкахъ и Кортыринѣ, куда удалилась она съ 1795-го года.

По пріѣздѣ ея, мы, отдавъ послѣдній долгъ бреннымъ остаткамъ родителя моего, поѣхали съ нею въ Тулу, гдѣ и прожилъ я до начала 1804-го года, когда поѣхалъ въ Богородицкъ къ знаменитому тогда и благодѣтельному врачу Бентону, желая чтобы онъ своимъ искусствомъ очистилъ всѣ остатки бывшей моей болѣзни, въ предупрежденіе какихъ либо послѣдствій отъ сильныхъ средствъ перваго моего лѣкаря; добрый Бентонъ пользовалъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ декоктомъ изъ сальца-порей, и я получилъ возвратно прежнее хорошее мое, благодаря Господа силъ, здоровье. По окончаніи сего лѣченія я возвратился домой, въ Тулу гдѣ и жилъ при моей матери, а лѣтомъ пріѣхали мы въ Есенокъ, гдѣ старшіе мои братья начали просить матерь о раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, видя что и небольшое сіе достояніе, обремененное долгами, должно погибнуть отъ роскошной городской жизни. Требованіе сіе, впрочемъ справедливое (и основанное на тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда одинъ сынъ Иванъ получилъ въ свое владѣніе отъ матери 120 душъ ея имѣнія потому только, что былъ сыномъ любимымъ), толико раздражило матерь мою, что она, забывъ свою священную обязанность попеченія о дѣтяхъ, обязанность вложенную въ сердца родителей Богомъ и природою, подала въ судъ просьбу, требуя отъ онаго раздѣла и предавая такимъ образомъ судьбу дѣтей своихъ въ руки мздоимцевъ и крючковъ. Тогда открылись столь постыдныя интриги въ семействѣ нашемъ, что стыдно и говорить о нихъ. Однимъ словомъ Иванъ братъ мой потерялъ въ сіе время 120 душъ, переданныхъ матерью сестрамъ моимъ и это было съ одной стороны справедливо, но съ другой и я подпавъ подъ общій расчетъ, былъ обобранъ до чиста, получа на свою часть изъ имѣнія отца моего плохихъ крестьянъ, плохія земли, дурной скотъ, ни зерна хлѣба и къ увѣнчанію сего примѣрнаго милосердія выгнанъ я былъ въ суровую зиму изъ дома родительскаго, а скотъ мнѣ доставшійся распущенъ по полямъ, гдѣ онъ и подохъ отъ стужи и голода! Видно тогда мало занимались симъ свя-

тѣйшимъ изреченіемъ: *„блаженъ человѣкъ, который и скотовъ своихъ милуетъ“!* тогда только и знали, когда надо служить всенощныя и молебны, не заботясь о томъ, что воля Всемилосердаго требуетъ милости, а не жертвы: *„милости хощу, а не жертвы!*

Скотъ мой померъ, какъ сказано выше, а меня взялъ къ себѣ на зиму сосѣдъ нашъ Николай Васильевичъ Григоровъ, жившій тогда въ селѣ Троицкомъ, у котораго я и прожилъ всю зиму до лѣта 1805-го года, когда переѣхалъ въ Красное, гдѣ и помѣстился въ плетеномъ сараѣ, въ который ссыпали при отцѣ моемъ мякину; здѣсь получая пособіе въ хлѣбѣ отъ благодѣтельной, хотя и небогатой, помѣщицы Надежды Васильевны Торбеевой жилъ я до уборки съ полей хлѣба. Убирая съ полей хлѣбъ и видя малое онаго количество по, малочисленности земли, я рѣшился идти въ службу, чувствуя теперь себя въ силахъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, къ тому же видя, что, живучи дома и не имѣя ни малѣйшей постройки я долженъ былъ жить совершенно по крестьянски, почему, убравши хлѣбъ я поѣхалъ къ матери моей испросить ея благословеніе на сіе рѣшеніе мое. Прибывъ къ ней, я повергся къ погамъ ея просилъ умилосердиться надо мной и благословить меня на службу, въ надеждѣ въ оной найти свое счастіе; мать моя послѣ краткаго молчанія благословила мое намѣреніе, и я въ ноябрѣ 1805-го года выѣхалъ отъ ней для собранія за хлѣбъ свой, хотя небольшого количества денегъ, чтобы имѣть возможность исполнить свое намѣреніе. Вслѣдствіе малаго числа набранныхъ мною денегъ за хлѣбъ, я принужденъ былъ за совершенный безцѣнокъ продать лѣсъ въ Порѣчьѣ, мнѣ доставшійся, и сверхъ сего получа небольшой оброкъ съ 4 тяголъ Порѣченскихъ, собралъ я такимъ образомъ, рублей до 500. Теперь, не имѣя ни единаго въ услугахъ у себя лакея, ибо мнѣ никого изъ многочисленной дворни отца моего не дали, я началъ кое какъ одѣваться и шить платья для одного глупаго мальчишки, взятаго мною по необходимости на дорожныя прислуги, устроя себя самымъ умѣреннымъ образомъ для дороги. Въ началѣ января 1806-го года я взялъ въ Тулу подорожную до Новогрудки Литовско-Гродненской губерніи, въ которой формировалъ тогда старшій братъ мой Алексѣй новый Могилевскій пѣхотный полкъ, и котораго я заранѣе извѣстилъ о семъ моемъ намѣреніи на счетъ вступленія въ службу.

Всемогущій Богъ!—Онъ благословилъ мое намѣреніе и за претерпѣнныя мною несправедливости и притѣсненія отъ родныхъ и чужихъ воздалъ мнѣ стократно, да будетъ же благословенъ Всемилосердный

Отецъ человѣковъ, и среди бѣдствій и преступленій нашихъ насъ не оставляющій; блаженъ человѣкъ, уповающій на Него!

Мы увидимъ въ послѣдствіи моей жизни щедро изліянныя на меня благотворенія отъ Господа! увидимъ, что безъ несправедливости людей, желавшихъ исключить меня изъ числа живыхъ, я не удостоился бы тѣхъ наградъ, въ которыхъ опередилъ всѣхъ родныхъ моихъ, желавшихъ зла мнѣ, увидимъ чудесное сцѣпленіе обстоятельствъ, чрезъ которые они было вкусили плода отъ своихъ жестокостей и были сами достойны всякаго сожалѣнія. Но мы извлечемъ изъ сего перваго періода моей жизни то, что можетъ послужить къ нашему наученію—и, во первыхъ, мы видимъ несчастнаго отца моего не исполнившаго священнѣйшей обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ его, и получившаго за то строгое наказаніе при концѣ своей жизни, ибо быть судимымъ въ преклонныхъ лѣтахъ судомъ уголовныхъ—не есть ли послѣдняя черта безчестія для человѣка, который гордился своими достоинствами. Но если бъ отецъ мой, памятуя священный долгъ свой, употребилъ всего себя для наученія добронравію и истинному богопочитанію дѣтей своихъ, тогда бы сколькихъ страстей избѣгъ онъ, преодолѣвая себя (для) духовной пользы дѣтей своихъ! Но всему корень вино! Ахъ, устранимся сего гибельнаго для рода человѣческаго порока, оно то потемняетъ разсудокъ и истребляетъ самую совѣсть! Святой апостолъ Павелъ былъ безъ сомнѣнія мудрѣйшій и опытнѣйшій изъ людей, но онъ предостерегая насъ сказалъ: „не упивайтеся виномъ, въ которомъ есть блудъ и нечистота!“ И по истинѣ коликихъ бѣдствій для духа и тѣла не производитъ сія пагубная страсть? вино и карты суть гибель семейственнаго счастія, уваженія и любви.

Примѣръ мой да послужитъ также урокомъ въ отношеніи къ пылкимъ страстямъ и излишней довѣренности, которыя бываютъ намъ гибельны! будемъ просить Бога: „руководи насъ на путь мира и избави насъ отъ клеветы человѣческія и сохрани насъ въ заповѣдяхъ Твоихъ!“ Но самымъ лучшимъ да будутъ намъ въ семъ періодѣ урокомъ корыстолюбія или желаніе богатства, которымъ нарушены всѣ святѣйшія узы крови и любви христіанской при нашемъ раздѣлѣ, хотя я всего и многаго еще не сказалъ, щадя лица теперь уже не существующія; мы видимъ до чего можетъ довести человѣка христіанина пагубное сребролюбіе, ядъ общества, убійственное орудіе всѣхъ добродѣтелей и гнѣздо грѣха! Да будетъ всегда не изгладимъ въ сердцѣ нашемъ глаголъ вѣчной истины: „не можете служить Богу и богатству!“—Видите, что

служеніе богатству дѣлаетъ насъ неспособными служить Всемогущему, а, будучи неспособными внимать гласу Его въ сердцахъ нашихъ, что мы будемъ? Язвою общества во времени, и сынами погибели въ вѣчности!

О, любезнѣйшія дѣти мои, будьте трезвы, некорыстолюбивы и чисты сердцемъ, и благодать Божія да почіетъ надъ вами!

Письмо профессора В. О. Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву.

Простите, что по разнымъ причинамъ я не могъ отвѣтить на Ваше письмо такъ скоро, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Одною изъ этихъ причинъ было то, что Ваше письмо долго искало меня, изъ Сергіева посада было возвращено въ Москву, гдѣ пролежало нѣсколько дней, а отсюда было отправлено во Владимірскую губернію, гдѣ я прожилъ Августъ мѣсяцъ.

Мнѣ было бы трудно исполнить выраженное Вами желаніе, чтобы я „немножко поэкзаменовалъ“ Васъ по вопросу о царевичѣ Димитріи. Думаю, что такой экзаменъ не удался бы при самомъ приступѣ къ нему, заставивъ испытателя задать испытуемому такіе вопросы, на которые первый самъ затруднился бы дать ясные и твердые отвѣты, если бы второй обратился къ нему за ними. Испытаніе само собою превратилось бы въ бесѣду, въ которой испытующему пришлось бы больше пополнять свои знанія, чѣмъ провѣрять чужія.

Я пока не знаю всѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя Вы кладете въ основаніе своей мысли, и только могу предугадывать нѣкоторыя изъ нихъ. Но самую мысль или рѣшимость поставить такой вопросъ я не соглашусь признать „грѣхомъ“, какъ Вы изволили назвать ее. Напротивъ, въ этомъ вопросѣ еще многое ждетъ пересмотра и разъясненія, чему не можетъ не содѣйствовать новая своеобразная его постановка. Естественно ожидать, что Вашъ взглядъ будетъ горячо оспариваться, вызоветъ возраженія и запросы. Можно даже предвидѣть нѣкоторые запросы. Позволяю себѣ изложить одинъ изъ нихъ, который,—я увѣренъ въ этомъ и желалъ бы этого,—Вы найдете легко устранимымъ, т. е. легко разрѣшимымъ. Будутъ спрашивать: если по смерти царя Бориса на московскій престолъ вступилъ истинный царевичъ Димитрій, какъ могло возникнуть и завоевать себѣ довѣріе въ значительной части тогдашняго общества сказаніе о томъ, что это былъ Лжедмитрій? Намъ легче понять обратный ходъ дѣла: легче увѣрить

людей въ подлинности поддѣльнаго, чѣмъ въ поддѣльности подлиннаго. Можетъ быть, это вопросъ народной или политической психологіи, а можетъ быть—и полемической тактики; но онъ возможенъ, какъ и другой ему подобный. Вы отрицаете въ этомъ темномъ дѣлѣ XVII в. и простое самозванство, а есть ли средство отвѣчать тѣмъ, кто будетъ настаивать на *двойномъ*? Извѣстный монахъ, какъ разсказывали, бѣжалъ изъ Москвы въ Литовскую Русь, спасаясь отъ бѣды, грозившей ему за его намеки о своемъ мнимомъ царственномъ происхожденіи, но онъ ли именно воротился въ Москву подъ именемъ мнимо-убитаго царевича? Того ли встрѣтили, кого проводили?

Во всякомъ случаѣ, если представится удобный случай, я съ живѣйшимъ интересомъ выслушаю соображенія, которыя приводятъ Васъ къ высказанному Вами взгляду, и изложу Вамъ свои недоумѣнія, вызываемыя мнѣніями по этому дѣлу, высказанными въ нашей исторической литературѣ. Буду ждать такого случая.

Москва, 29 августа 1893 г.

В. Ключевскій.

Случай этотъ представился. В. О. выразилъ при этомъ, что почитаетъ весь вопросъ пока „открытымъ“.

Москва, 1913.

С. Ш.

Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава третья.

Дочери царя Михаила Ѳедоровича; Ирина и сватовство къ ней датскаго принца.—Царевна Татьяна и Анна Михайловны.

I.

У царя Михаила Ѳедоровича отъ второй жены (первая Марья Долгорукова умерла черезъ годъ послѣ брака, въ 1625 г.), Евдокіи Лукиничны (Стрѣшневой), съ которой онъ вступилъ въ бракъ въ 1626 г., было 10 душъ дѣтей, изъ которыхъ четыре дочери (Пелагея, Марѳа, Софья и Евдокія) и два сына (Іоаннъ и Василій) скончались еще въ младенчествѣ; въ живыхъ оставались: самая старшая дочь Ирина (род. 22 апр. 1627 г.), сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй (р. 9 марта 1629 г.), царевна Анна (р. 1630 г.) и Татьяна (р. 1636).

Мы знаемъ уже тѣ условія, въ какихъ приходилось жить царевнамъ, которыхъ народъ могъ лицезрѣть лишь въ день ихъ крестинъ, а имена ихъ зналъ лишь по возглашенію многолѣтія царскому дому, да отчасти по щедро раздаваемой отъ ихъ имени милостыни нищимъ и убогимъ. При тѣхъ же условіяхъ росли и дочери Михаила Ѳедоровича царевны Ирина, Анна и Татьяна. Съ колыбели къ нимъ приставлены мамы (кормилицы и няни), оставшіяся до своей смерти лицами самыми приближенными; позже верховныя боярышни развлекаютъ ихъ играми, забавами, собесѣдованіемъ; особыя мастерицы учатъ ихъ грамотѣ и рукодѣлію; игрицы развлекаютъ ихъ народными играми и хороводами, а бахарки усыпляютъ ихъ въ постели длинными сказками... Иногда онѣ предпринимаютъ съ родителями богомольныя путешествія

по церквамъ и монастырямъ или ѣдутъ на лѣтнее пребываніе въ подмосковныя села (Рубцово, Коломенское, Измайлово, Хорошево, Воробьево, Семеновское и др.), гдѣ царь предается любимому развлеченію—соколиной охотѣ, или идетъ на медвѣдя... Трудно опредѣлить индивидуальность вышеназванныхъ царевенъ, настолько онѣ сливаются въ одинъ общій обликъ. Все же постараемся дать хотя тѣ немногія историческія свѣдѣнія, какія имѣются о каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Если дѣтство и оставляло еще какія нибудь радостныя воспоминанія, то юность и преклонный возрастъ царевенъ былъ исполненъ подчасъ великой горечи. Мы видѣли выше, насколько тяжело было положеніе царевны при выборѣ жениха и какъ ставилось въ вѣчный позоръ „ежели за раба, т. е. за холопа своего, выдать царевну“, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было найти невѣсту для самого царя, а тѣмъ болѣе для царевны среди иностранныхъ принцевъ. Но все же царь Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлаетъ попытки въ этомъ отношеніи и какъ только царевнѣ Иринѣ исполнилось 13 лѣтъ, стали высматривать для нея подходящаго жениха. Для этого прежде всего отправлены были послы сначала къ шведскому двору, но безуспѣшно. Тогда съ 1640 г. началось сватовство у датскаго короля Христіана, за его сына (отъ морганатической супруги) Вольмера, которому въ это время было 20 л., „волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по латыни, по французски, по итальянски, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ военномъ дѣлѣ“. Вначалѣ посламъ поручается навести лишь справки и привезти портреты всей королевской фамиліи, что, впрочемъ, не удалось и первые послы вернулись изъ Даніи ни съ чѣмъ. Но, вскорѣ затѣмъ, лѣтомъ 1641 г. въ Москву явилось необычайное посольство въ которомъ состоялъ и самъ королевичъ, подъ именемъ Вольдемара графа Шлезвигъ-Голштинскаго; но и это посольство ни къ чему не привело, главнымъ образомъ потому, что Вольдемаръ требовалъ, чтобы въ датской грамотѣ королевское имя писалось прежде царскаго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда королевича, послы царскіе ѣдутъ снова въ Данію уже „по особому государеву дѣлу“, состоявшему въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Вольдемаромъ и царевною Ириною, причемъ посламъ дается тайный наказъ: въ случаѣ спросятъ: есть ли съ ними персона (портретъ) царевны?—отвѣчать, что „того у государей россійскихъ не бываетъ, чтобы персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чужіе государ-

ства возить", что царевенъ и въ Московскомъ государствѣ никто, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ не видитъ. На этотъ разъ посламъ дано было въ запасъ соболей на 2000 рублей для расходованія, т. е. для раздачи разнымъ лицамъ, по усмотрѣнію, безъ чего считалось невозможнымъ „добромъ совершить государево дѣло". Дѣло же это постепенно выяснилось, что государь хочетъ породниться съ королемъ датскимъ, т. е. выдать дочь за королевича Вольдемара. Однако, пререканія о томъ, чье имя писать въ договорныхъ грамотахъ прежде возобновились, къ нимъ присоединились и другіе спорные вопросы: о принятіи королевичемъ православной вѣры, о томъ, какіе города (Ярославль, Суздаль и др.) будутъ даны на содержаніе молодаго двора и т. п.— все это заставило пословъ царскихъ вернуться, не добившись цѣли. Но, уѣзжая, они все же отправили королевичу, отсутствовавшему въ это время изъ Копенгагена, царскій подарокъ, пять сороковъ соболей; послѣ чего королевичъ, возвратившійся къ тому времени, поспѣшилъ вернуться къ посламъ и благодарить ихъ за царскій подарокъ, о сватовствѣ же сказалъ, что во всемъ положился на волю отца. Царь упрекалъ возвратившихся ни съ чѣмъ пословъ въ неумѣньи вести „государственное дѣло" и послалъ въ Данію датскаго коммиссара, проживавшаго въ Москвѣ, Петра Марилиса, которому повидимому и удалось это дѣло уладить настолько, что въ январѣ 1644 г. Вольдемаръ пріѣхалъ самъ въ Москву съ цѣлью бракосочетаться съ царевною Ириною. Встрѣченъ онъ былъ весьма радушно, принятъ торжественно въ Грановитой палатѣ, посреди который его привѣтствовалъ царевичъ Алексѣй, а затѣмъ онъ былъ явленъ (представленъ) самому царю, который сошелъ съ своего мѣста и подалъ королевичу руку (витался), спросилъ о здоровьи; послы говорили рѣчь о томъ, что король датскій прислалъ сына своего, чтобы ему по царскому желанію „законъ принять" (вступить въ бракъ) съ царевной Ириной и чтобы условія брачнаго договора были скрѣплены. Думный дьякъ отвѣчалъ, что царь желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ Богъ привелъ къ доброму соглашенію. Во время этого пріема царевнѣ Иринѣ, быть можетъ, и удалось видѣть своего жениха „потаенно", но онъ ее не видѣлъ; а желаннаго соглашенія, какъ увидимъ ниже, трудно было добиться, особенно въ вопросѣ о вѣрѣ.

4 февр., вскорѣ послѣ пріѣзда королевича, царь посѣтилъ его; а 8 февр. къ Вольдемару явился посолъ отъ патріарха съ уговоромъ о принятіи крещенія по обряду православной церкви; 13 февр. королевичъ для объясненій былъ у государя, который прямо заявилъ, что „не соединясь съ нимъ вѣрою, ему нельзя сочетаться бракомъ съ его

дочерью, потому что у насъ (русскихъ) мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не можетъ". А когда королевичъ попросилъ въ такомъ случаѣ отпустить его обратно въ Данію, то царь сказалъ, что отпустить его „непригоже и не честно, что во всѣхъ государствахъ будетъ стыдно"...

Началась послѣ этого переписка королевича съ царемъ, объясненія съ вліятельными лицами (бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ), къ покровительству которыхъ прибѣгалъ королевичъ, прося отпустить его домой; было и объясненіе бояръ съ послами датскими, которыхъ они убѣждали склонить королевича къ принятію православной вѣры, но послы отвѣчали, что въ этомъ имъ наказа не было и что за это они даже могутъ поплатиться своими головами... 21 апр. патріархъ (Іосифъ) шлетъ королевичу письмо, въ которомъ еще разъ убѣждаетъ его совершить волю царскую и принять крещеніе „въ три погруженія"... Королевичъ отвѣчаетъ, что въ дѣлѣ совѣсти надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей и что, „какъ видно, прибавляетъ онъ, у васъ (православныхъ) перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству, а у насъ такихъ людей, которые легко мѣняютъ вѣру, считаютъ бездѣльниками и измѣнниками". При этомъ королевичъ проситъ патріарха разрѣшить царевнѣ Иринѣ вступить въ бракъ, не требуя перемѣны вѣры и если это считается грѣхомъ, то взять этотъ грѣхъ на себя.

Бояре, съ своей стороны, лично обращались къ королевичу, говоря, что „быть можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, онъ будетъ доволенъ ея красотою; чтобы также онъ не думалъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться допьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою (ей было въ это время 17 л.) ни разу не была пьяна"...

Однако, не смотря на все, королевичъ и послы датскіе настойчиво повторяли свое требованіе отпустить ихъ обратно въ Данію, а 9 мая они дѣлаютъ попытку, съ оружіемъ въ рукахъ, вырваться изъ Москвы, но неудачно: они задержаны были стрѣльцами у Тверскихъ воротъ; подозрѣвали, что и королевичъ былъ между ними, да онъ и самъ сознался въ этомъ, заявивъ, что если его немедленно не отпустятъ обратно, то онъ пойдетъ на все. Ему отвѣчали, что объ этомъ

надо прежде снестись съ королемъ Христіаномъ; а тѣмъ временемъ у его жилища усилили стражу.

Такъ дѣло тянулось весь май, іюнь, половину іюля: съ одной стороны повторяются требованія объ отпускѣ, а съ другой, чуть не ежедневныя увѣщанія королевича—принять православную вѣру. Въ концѣ іюля раскрыты были сношенія пословъ съ литовскими купцами изъ Смоленска, о тайномъ провозѣ королевича изъ Москвы на границу литовскую. 29 ноября послы датскіе явились къ царю съ королевскими грамотами, въ которыхъ Христіанъ требовалъ, чтобы царь исполнилъ брачный договоръ, заключенный Марилисомъ, въ противномъ случаѣ „съ честью бы отпустилъ королевича и пословъ обратно“. Но въ тотъ же день царь еще разъ повторилъ Вольдемару, что „безъ крещенія ему на царевнѣ Иринѣ жениться нельзя и отпустить его въ Данію также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ему, царю, въ сыновья“. На это королевичъ въ раздраженіи пишетъ царю (9 янв. 1645 г.) и угрожаетъ могущимъ произойти несчастіемъ, если онъ не будетъ отпущенъ немедленно, что такъ поступить съ нимъ не могли бы даже турки и татары и что, наконецъ, онъ самъ будетъ стараться силой получить свободу, даже если за это ему пришлось бы поплатиться жизнью. Тогда въ это дѣло вмѣшался еще посолъ польскій (Стемѣковскій), уговаривавшій королевича подчиниться требованіямъ царя. Вольдемаръ отвѣчалъ ему: „могу уступить лишь въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) пусть дѣти мои будутъ крещены по греческому обычаю; 2) буду стараться посты держать, сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровья; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьѣ и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ни въ чемъ не уступлю“... Не взирая на угрозы и ссылки, „отъ вѣры своей не отрекусь, хотя онъ (царь) меня распни и умертви“, и въ концѣ этого посланія королевичъ прибавляетъ: „и пусть дѣлаютъ со мной что хотятъ только поскорѣе“... Пронесся слухъ послѣ этого, что королевичъ заболѣлъ и наводились справки (Соловьевъ).

Между тѣмъ съ апрѣля 1645 г. болѣзнь царя, уже и раньше часто хворавшаго, стала усиливаться; 12 іюля, въ день своихъ именинъ, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и отправился въ церковь, но тамъ съ нимъ сдѣлался припадокъ удушья и ночью того же дня онъ скончался, благословивъ единственнаго сына, Алексѣя, на царство и простившись съ женою, которая немногимъ пережила его († 18 авг. 1646 г.), скончался.

И только съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича благополучно разрѣшилось дѣло королевича объ отпускѣ: 17 іюля онъ поздравилъ новаго царя съ восшествіемъ на престолъ, причемъ царь пытался еще разъ закинуть слово о крещеніи и бракѣ, но послѣ рѣшительнаго отказа съ честью отпустилъ королевича въ Данію, который пробылъ такимъ образомъ въ почетной неволѣ полтора года: съ пути Вольдемаръ благодарилъ царя „за его великую любовь и за то, что отпустилъ его и пословъ королевскихъ съ честью".

Если мы дольше остановились на этомъ эпизодѣ о сватовствѣ царевны Ирины и на столь характерныхъ перипетіяхъ съ ея женихомъ, съ которымъ ей ни разу не пришлось даже свидѣться, то лишь потому, чтобы дать картину тогдашнихъ нравовъ; Петръ В. уже не требовалъ перемѣны религіи для невѣсты своего сына, царевича Алексѣя.

Но возвратимся къ личности царевны Ирины*) и къ ея обиходной жизни. Оставшись послѣ смерти родителя сиротой, она, какъ старшая среди сестеръ пользуется особымъ вниманіемъ царя и брата Алексѣя, который во время своихъ походовъ (1654—1656 гг.) на Польшу, изъподъ Можайска, Смоленска и другихъ пограничныхъ городовъ всѣ свои письма къ себѣ посылаетъ на ея имя: „Государынѣ моей матушкѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ и государынямъ моимъ сестрамъ" (Аннѣ и Татьянѣ), а затѣмъ именуются и жена и др. члены семьи, по мѣрѣ ихъ прибавленія, вплоть до послѣдняго новорожденнаго ребенка. Царь дѣлится съ семьей своими удачами въ походѣ: „поляковъ побили на голову", „о приступѣ къ Смоленску"... Почти въ каждомъ письмѣ царь проситъ сестру: „Да, пожалуйте, не покиньте моей жены и вашей невѣстки, и своихъ племянниковъ и племянницъ, а моихъ дѣтей"... „А потомъ всѣмъ, всѣмъ съ любовью поклонъ, и челомъ бью всею душею и со всѣмъ сердечнымъ своимъ хотѣньемъ и радостью"... Когда же семья на обратномъ пути царя съ похода ѣхала къ нему на встрѣчу въ Вязьму, то царь Алексѣй писалъ: „А что ѣдете ко мнѣ и зѣло о томъ радуюся и жду васъ, свѣтовъ, какъ есть слѣпой свѣту радъ"... (14 ноября 1654 г.). Въ слѣдующемъ году, когда царю снова пришлось уѣхать въ новый походъ на Польшу, онъ снова пишетъ семьѣ, на имя старшей царевны Ирины, жалуясь на плохіе весенніе пути, сообщаетъ о своемъ неожиданномъ появленіи на поляковъ подъ Смоленскомъ, о сильномъ разливѣ Днѣпра: „да буди вамъ вѣдомо: на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 саженъ вверхъ надъ водою; и на Ѳоминой недѣлѣ прибыло

*) См. Русскій Архивъ, 1913, кн. I, стр. 629.

столько, что уже съ мосту черпаютъ воду"... „а въ ширину немѣрно разлился, чаю, на версту"... „Смоленскіе сидѣльцы говорятъ, что съ 30 лѣтъ такой большой воды не запомнятъ" (30 апр. 1655 г.). Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что день именинъ царевны Ирины праздновали „по чину радостно пировали"... „точію о томъ скорбилися, что лицомъ къ лицу не видалися, но духомъ всегда нераздѣльны николиже" (5 мая). Изъ Шклова (10 іюня) царь сообщаетъ: „Да буди вамъ, государынямъ вѣдомо, что привезли къ намъ изъ Аѳонскія горы крестъ царя Константина, да главу Іоанна Златоуста"... „А о томъ не кручиньтеся, а намъ, чаю, помѣшкать до зимняго пути",—лучше теперь задержаться, говоритъ онъ, чтобы снова не возвращаться и „скорѣе затѣмъ съ вами быти на Москвѣ" (іюля 12). Но уже въ декабрѣ царь пишетъ: „А я наскоро ѣду: готовьтеся съ радостью воспріяти меня грѣшнаго"... По поводу писемъ царевны Ирины царь замѣчаетъ: „а грамоты кому изволите, тому и велите писать: а кромѣ бы тѣхъ, которые оставлены у васъ, никто бы не писалъ и подъячему и дьяку писать не пригоже". Изъ этого видно, что не сами царевны писали свои письма, да и самъ царь, хотя и великимъ мастеромъ былъ въ писаніи писемъ часто извиняется, что несобственноручно пишетъ, а лишь дѣлаетъ приписку въ письмѣ своею рукою. 3 авг. 1656 г. ц. Алексѣй Михайловичъ писалъ изъ Динабурга: „молитвами угодниковъ Бориса и Глѣба и другихъ святыхъ и счастьемъ царевича Алексѣя Алексѣевича большой городъ взяли за полчаса до свѣта, а меньшій городокъ зажгли гранатами... на приступѣ было 3400 чел., а убито и ранено немного"...

Такимъ образомъ мы видимъ, что члены семьи царской посвящались во всѣ подробности жизни государевой и государственной и интересовались ими. Впрочемъ позже, когда умерла первая жена Алексѣя Михайловича и онъ женился вторично, замѣтно его охлажденіе и въ письмахъ за 1674—75 гг. царь обращается прежде къ Наталіи Кириловнѣ, а затѣмъ къ другимъ членамъ семьи, именуя сестеръ, царевичей и царевенъ.

Продолжая жить съ сестрами, племянниками и племянницами въ своемъ теремѣ царскомъ, царевна Ирина часто ѣздитъ въ свое собственное с. Рубцово (Покровское), доставшееся ей отъ бабки, инокини Марѳы, гдѣ она родилась, и подолгу здѣсь проживаетъ, насаждая сады и устраивая пруды. Сохранилось извѣстіе, что въ 1653 г. царевна Ирина подарила на построеніе женской Успенской обители 30 р. съ приказомъ—молить бога за царицу Марѳу Ильинишну, которая въ

свою очередь обѣщаетъ наново остроить Успенскій монастырь, „аще Богъ дастъ царевича“. Это опять таки свидѣтельствуетъ о томъ, что и царевны заинтересованы были больше рожденіемъ царевичей, („всемірная радость“), чѣмъ царевенъ, участь которыхъ имъ самимъ должна была казаться нерадостной.

Въ 1654 г. во время моровой язвы въ Москвѣ, Ирина со всѣмъ царскимъ семействомъ, въ сопровожденіи патріарха (Никона) уѣзжала въ Калязинъ-Макарьевъ монастырь. Въ 1672 г. вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ царевна Ирина крестила младшаго царевича Петра. На этомъ и обрываются всѣ свѣдѣнія о царевнѣ Иринѣ, которая скончалась на 52 г. жизни въ 1679 г., еще при жизни царя Ѳедора, такъ что не была свидѣтельницей всѣхъ тревожныхъ явленій въ семьѣ царской, какія послѣдовали послѣ его смерти, въ правленіе царевны Софьи, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Погребена царевна Ирина въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборною церковью, гдѣ погребены многіе члены изъ семьи Романовыхъ: отецъ царицы Анастасіи, инокиня Марѳа, сестра царя Михаила Ѳедоровича Татьяна Ѳедоровна Катырева, дѣдъ его Никита Романовичъ, отецъ патріарха Филарета съ супругою и мн. др., такъ что монастырь этотъ сдѣлался какъ бы родовымъ кладбищемъ фамиліи Романовыхъ.

II.

О второй дочери царя Михаила Ѳедоровича, Аннѣ, не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; она является лишь отраженіемъ ея младшей сестры, Татьяны Михайловны проявившей болѣе индивидуальныхъ чертъ въ той сумятицѣ, какую вносила въ жизнь царскаго терема ея бѣдовая племянница Софья Алексѣевна. Быть можетъ удрученная этой именно сумятицей, царевна Анна почти передъ смертью своею, 18 окт. 1692 г. постриглась въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, подъ именемъ Анѳисы, а 27 окт. того же года скончалась 62-хъ лѣтъ отъ роду.

Царевна Татьяна Михайловна родилась 5 янв. 1636 г. и ей было всего 9 лѣтъ, когда скончался ея отецъ, а затѣмъ вскорѣ и мать. Дѣтство и юность ея прошли въ обычной теремной обстановкѣ. Въ царствованіе брата, царя Алексѣя Михайловича она не оставалась чуждой того общественнаго движенія, которое вызвано было церковными реформами патріарха Никона, нововведеніямъ котораго (исправленіе церковныхъ книгъ) она сочувствовала вполнѣ и питала къ Никону искреннее

расположеніе. Позже она принимала самое горячее участіе въ судьбѣ этого патріарха и когда онъ, сосланный въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, испытывалъ разныя невзгоды, которыя переносилъ такъ стоически, то благочестивая и вліятельная Татьяна Михайловна неоднократно ходатайствовала передъ племянникомъ своимъ, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ объ улучшеніи тяжелой участи Никона и о переводѣ его въ Воскренскій монастырь, и, если этого ей не удалось достигнуть, то лишь потому, что не соглашался на это патр. Іоакимъ, говорившій: „сверженъ онъ не нами, а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами; мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома“. Когда же и созванный царемъ соборъ вынесъ отрицательное для Никона рѣшеніе, то Татьяна Михайловна просила царя Ѳедора написать Никону утѣшительное собственноручное письмо, что царь и исполнилъ. По ея же ходатайству тѣло бывшаго патр. Никона († 1681 г., 75-ти лѣтъ) было перенесено и торжественно погребено въ одномъ изъ предѣловъ обширного главнаго храма Воскресенскаго монастыря, подъ такъ называемою Голгоѳскою горою, гдѣ устроена церковь, въ которую надобно сходить внизъ 33 ступенями, по числу годовъ, проведенныхъ Спасителемъ на землѣ; надъ гробницею Никона висятъ тяжкія желѣзныя вериги, которыя онъ носилъ. Чтя память Никона, который больше всего способствовалъ устройству и украшенію этого главнаго монастырскаго храма—Воскресенія Христова—(подобіе древнему Іерусалимскому), Татьяна Михайловна въ 1691 г. принесла въ даръ монастырю великолѣпный сребропозлащенный ковчегъ въ которомъ хранятся св. мощи: десная рука муч. Татьяны.

По смерти своихъ старшихъ сестеръ Ирины и Анны, Татьяна Михайловна остается старшимъ членомъ въ царской семьѣ, ей отводится первое, почетное мѣсто на семейныхъ торжествахъ; она вмѣстѣ съ младшимъ племянникомъ царевичемъ Петромъ дѣлается воспріемницею царевенъ Ѳеодосіи (1690 г.) и Екатерины (1691 г.), дочерей ц. Ивана Ал., а раньше она крестила племянницу Марѳу Ал. Она очевидно держала сторону тѣхъ, кто стоялъ за совмѣстное правленіе Ивана и Петра Алексѣевичей, а не одного послѣдняго; она слѣдитъ за соблюденіемъ придворныхъ обычаевъ и когда умеръ царь Ѳедоръ Ал., она отправляетъ монахиню съ выговоромъ къ Наталіи Кирилловнѣ за то, что та увела царевича Петра до окончаніи похоронной церемоніи, и мать Петра въ извиненіе ссылается на его малолѣтство (10 л.), когда трудно выдержать продолжительную церковную службу.

Когда во главѣ управленія стала ея рѣшительная племянница Софья, то Татьяна Мих. „была у нея въ милости, пользовалась вліяніемъ и

почетомъ и получала значительныя средства для широкой жизни; во время извѣстнаго диспута съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, она сидитъ рядомъ съ правительницей Софьей на царскихъ тронахъ, а Наталія Кирилловна, Марья Алексѣевна и патріархъ сидѣли пониже, въ креслахъ". Послѣ паденія Софьи вліяніе Татьяны Михайловны уменьшается, а равно и матеріальныя средства, и она даже нуждается въ необходимомъ (Рус. біогр. слав., изд. И. Р. И. Об.). Тѣмъ не менѣе другая ея племянница и крестница, Марѳа Ал., одновременно съ Софьей постриженная въ Успенскомъ мон., изъ мѣста своего заточенія часто писала царевнѣ Татьянѣ Михайловной называя ее самыми нѣжными именами „радость моя, государыня тетушка и матушка, благородная царевна", жалуясь на свое бѣдственное положеніе и прося ея ходатайства передъ Петромъ, который все же съ большимъ уваженіемъ относился къ старшему члену царской семьи. Иногда заточенная царевна Марѳа въ инокиняхъ Маргарита, проситъ у Татьяны Мих. одолжить ей 500-300 рублей, а во время своей болѣзни слезно проситъ свою „тетушку и матушку" похлопотать о скорѣйшей присылкѣ къ ней доктора. Татьяна Мих. откликается на всѣ эти просьбы, посылаетъ ей деньги и ходатайствуетъ, гдѣ нужно, объ исполненіи просьбъ племянницы.

Скончалась царевна Татьяна Михайловна позже другихъ своихъ сестеръ (Ирины и Анны) въ 1706 г., на 71-мъ году жизни и погребена въ томъ же Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ покоился уже прахъ ея сестры Анны—инокини Анѳисьи, и нѣсколькихъ сестеръ и племянницъ, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Глава четвертая.

Царевна Софья, дочь ц. Алексѣя Мих., ея дѣтство и воспитаніе (Симеонъ Полоцкій); ея роль во время правленія брата, ц. Ѳедора Ал.—1682 годъ: мятежъ стрѣльцовъ; два царя; Софья правительница (кн. В. В. Голицынъ) и преобразованія внутреннія.—Вѣчный миръ съ Польшей, крымскіе походы и первыя столкновенія съ Петромъ; новыя броженія среди стрѣльцовъ; замыслы Шакловитаго, его казнь и удаленіе Софьи въ Новодѣвичій мон. (1689 г.).—Еще мятежныя движенія среди стрѣльцовъ; внезапное возвращеніе Петра изъ за границы, розыски и казни; постриженіе Софьи подъ именемъ Сусанны; ея кончина. Оцѣнка ея личности.

I.

Переходя къ третьему поколѣнію царицъ и царевенъ изъ дома Романовыхъ, намъ придется прежде всего остановиться на царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, вокругъ которой уже группируются всѣ остальныя.

На похоронахъ царя Алексѣя Мих., за носилками новаго 15-лѣтняго царя Ѳедора и царицы Наталіи Кирилловны съ закрытымъ лицомъ, шли пять дочерей царскихъ, также вѣроятно скрытыя подъ траурными фатами, такъ какъ оффиціально, по чину придворному онѣ не могли присутствовать; но мы знаемъ, что самъ покойный царь не разъ уже выводилъ ихъ открыто на свои загородныя поѣздки, на театральныя зрѣлища и другія придворныя торжества.

Изъ 13 дѣтей отъ первой жены царя Алексѣя Мих. было 5 сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ оставалось двое, Ѳедоръ и Иванъ, шестнадцати-лѣтняго царевича Алексѣя царь схоронилъ еще въ 1670 г., а Дмитрій первенецъ и Симеонъ умерли въ младенчествѣ; изъ 8-ми дочерей, двѣ также скончались въ дѣтствѣ (Анна и послѣдняя Евдокія), въ живыхъ оставались: Евдокія 32 л., Марѳа 29 л., Софья 25 л., Екатерина 23 л., Марья 22 и Ѳеодосія 19 л. Отъ второй жены, Наталіи Кириловны (Нарышкиной) были: Петръ, имѣвшій около четырехъ лѣтъ, Наталія, годомъ его моложе, и Ѳеодора, вскорѣ (въ 1678 г.) умершая.

Софья Алексѣевна была шестымъ ребенкомъ царя Алексѣя Мих. и Марьи Ильинишны (Милославской) и родилась 17 сент. 1657 г. Отецъ ея „мягкій, человѣчный, благодушный по природѣ, не посягавшій ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь, живой, страстный, воспріимчивый, вспыльчивый, но отходчивый; мать—красавица, воспитанная въ старинныхъ обычаяхъ, чванливая, но ума не выдающагося.“ Софья по натурѣ скорѣе напоминала отца, а еще больше брата Петра; та же живость, страстность, порывистость, впечатлительность и если она не была такъ геніальна, какъ Петръ, то все же по отзывамъ ея учителя и окружающихъ была „принцесса ума великаго“.

Мы знаемъ уже какъ проходило дѣтство царевенъ, какъ ихъ нянчили, охраняли отъ посторонихъ взоровъ, забавляли и усыпляли сказками. Мы знаемъ также, какую роль въ дѣтской жизни вообще играетъ сказка, съ ея царями, живущими за тридевять земель, въ тридевятомъ царствѣ, съ ея царевнами, живущими въ теремахъ высокихъ, въ ожиданіи своихъ суженыхъ принцевъ и т. д. Живое воображеніе Софьи не могло не воспринимать тѣ черты сказочнаго міра, какія болѣе соотвѣтствовали ея характеру, роль заправилы, какую она впослѣдствіи играла среди всѣхъ женщинъ царскаго терема, не чужда была ей, конечно, и въ дѣтскихъ играхъ, въ которыхъ смѣлый зачинщикъ всегда командуетъ. Властолюбіе, по заключенію многихъ нашихъ исто-

риковъ, было отличительной чертой характера Софьи. Въ 9 лѣтъ, она уже обученная, по обычаю, придворной мастерицей грамотѣ встрѣчается съ преподавателемъ своихъ братьевъ, Алексѣя и Ѳедора, Симеономъ Полоцкимъ. И если Алексѣй оказывалъ особый вкусъ къ изученію латыни, а Ѳедоръ, подражая своему учителю, писалъ вирши, то Софья, хотя также пыталось писать вирши, но интересъ ея сосредоточивался больше на „гисторіи“ Византіи, Рима, Запада и на лѣтописныхъ сказаніяхъ русскихъ. Книгъ историческаго содержанія на греческомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ въ царской библіотекѣ было достаточно и многія были переведены на русскій языкъ, а руководителемъ въ этомъ случаѣ былъ опытный учитель Семенъ Полоцкій, первый изъ постороннихъ мужчинъ безпрепятственно перешагнувшій порогъ царскаго терема.

Уроженецъ Бѣлоруссіи, ученикъ Кіевской Академіи, Симеонъ—Ситніановичъ (род. 1629 г., † 1681 г.) завѣдывалъ въ г. Полоцкѣ школой, и. въ пріѣздъ туда въ 1656 г. царя Алексѣя Мих., поднесъ ему привѣтственныя вирши, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе царя. Когда Полоцкъ снова перешелъ въ руки поляковъ (1661 г.) то Симеонъ, боясь преслѣдованій за свои симпатіи къ русскому царю, ушелъ изъ Польши въ Москву и сталъ преподавателемъ въ Спасской школѣ; но уже въ 1667 г. добронравный и опытный учитель изъ Полоцка, Симеонъ. приглашенъ былъ преподавателемъ къ 13-лѣтнему царевичу Алексѣю Ал., а три года спустя, когда умеръ царевичъ Алексѣй, Симеонъ Полоцкій сталъ учить 8-ми лѣтняго царевича Ѳедора. Предметами обученія были: латинскій, польскій языки, піитика и реторика и богословіе. Подъ его же вліяніемъ образовывалась и царевна Софья.

Симеонъ Полоцкій цѣнился при дворѣ не только какъ свѣдущій учитель, умѣвшій подсластить, облегчить науку, заинтересовать ученика, оживляя разсказъ разными остроумными сравненіями и поясненіями, но онъ вскорѣ сдѣлался оффиціальнымъ проповѣдникомъ, придворнымъ стихотворцемъ и драматургомъ. Въ защиту вѣры православной противъ раскольниковъ, онъ пишетъ „Жезлъ“. Въ „Вѣнцѣ вѣры каѳолическія“ онъ излагаетъ основныя истины христіанской вѣры, хотя и съ западной точки зрѣнія, что со стороны патріарха вызываетъ упреки въ латинствѣ; въ своемъ „Риѳмологіонѣ“ онъ даетъ богатое собраніе стихотвореній на разные случаи; „Вертоградъ Многоцвѣтный“ представляетъ живо написанную и интересную книгу самыхъ разнообразныхъ разсказовъ и повѣстей свѣтскаго характера; въ немъ мы

находимъ даже такіе разсказы, какъ „Жидъ“ *), „Звѣзды“, „Магнитъ“ и др. Кромѣ того этотъ многосторонній и обильный писатель сочиняетъ книгу проповѣдей „Вечеря душевная“ и др.; изъ драматическихъ произведеній его интересны: „Комедія о Навуходоносорѣ, о телѣ златѣ и о трехъ отрокахъ, въ пещи сожженныхъ“ и „О блудномъ сынѣ“. Поднося царевнѣ Софьѣ свой „Вѣнецъ вѣры“, онъ въ стихахъ пишетъ „Врученіе Вѣнца вѣры“, обращенное къ „благовѣрной царевнѣ великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ“, которая съ интересомъ читаетъ всѣ его сочиненія. Въ началѣ 1670 г. Симеонъ Полоцкій заводитъ при дворѣ, „на верху“, типографію и печатаетъ въ ней „Букварь“ для царевича Петра (въ 1679 г.) и другія книги по своему усмотрѣнію. Онъ же содѣйствуетъ открытію Славяно-Греко-Латинской Академіи и вообще онъ является однимъ изъ столповъ правленія царя Ѳедора, искренно поощряя просвѣщеніе до конца дней своихъ (Л. Майковъ).

Понятно теперь, что вліяніе такого многосторонне просвѣщеннаго человѣка на „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужска ума исполненную дѣву“, царевну Софью, было весьма плодотворно. Въ виду слабаго здоровья своихъ братьевъ, она выдвигалась своимъ цвѣтущимъ видомъ, смѣлостью и разумомъ. Во время усилившейся болѣзни царя Ѳедора, Софья, не по обычаю, является у его постели, ухаживаетъ за нимъ, сама даетъ ему лѣкарства. Она, конечно, могла бы и править за болѣзненнаго брата, примѣры тому были въ исторіи. Въ воображеніи Софьи всплываетъ образъ византійской царевны, Пульхеріи, которая въ 19 лѣтъ правила за малолѣтняго брата своего Ѳеодосія и носила титулъ Августы (царицы). Софья знала также, что 700 лѣтъ назадъ народомъ русскимъ самостоятельно правила великая кіевская княгиня Ольга; да и не даромъ приверженный ей ученикъ Симеона Полоцкаго (Сильвестръ Медвѣдевъ) сравнивалъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветой англійской и съ Семирамидой—эти образы несомнѣнно жили въ ея памяти, и мечты—стать правительницей—въ продолженіе всего царствованія Ѳедора не покидали ее. Рядомъ съ этими мечтами росла и ненависть къ мачехѣ Наталіи Кирилловнѣ, въ лицѣ которой Софья видѣла опасную соперницу, Но какъ только 15-лѣтняго Ѳедора съ больными ногами посадили на тронъ,

*) „Яже польза въ садъ дробныхъ рыбъ щуку пускати,
Та между крестьяны жиды водворяти:
Щука малыя рыбы несытно глодаетъ,
Жидъ люди убогіе лихвами снѣдаетъ“.

Въ такомъ изображеніи еврея видѣнъ западный уроженецъ, близко знавшій отношенія евреевъ къ населенію южнаго края.

Наталія Кир. съ Петромъ и родственниками своими Нарышкиными отошли въ сторону и на первый планъ выступили ухаживавшія за царемъ тетки и сестры и главенство при дворѣ перешло къ Милославскимъ.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было удаленіе старика Матвѣева, постояннаго совѣтника царицы Наталіи Кириловны, сначала въ почетную ссылку, а затѣмъ въ Пустозерскъ. При дворѣ Ѳедора появились новыя лица, Языковъ, Лихачевъ, князь Голицынъ. Остановимся немного на этомъ послѣднемъ, какъ на лицѣ, ставшемъ впослѣдствіи столь близкимъ къ царевнѣ Софьѣ.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ происходилъ изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ; мы уже упоминали о немъ рядомъ съ другими послѣдователями новыхъ западныхъ идей въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Ордынъ-Нащокинымъ, Ртищевымъ и др. Горячій поклонникъ Запада, весьма образованный и начитанный, онъ занялъ первое мѣсто въ Посольскомъ приказѣ послѣ удалившагося въ монастырь Ордына-Нащокина. Но кн. В. В. Голицынъ тѣмъ не менѣе уступалъ своему предшественнику. Будучи болѣе теоретикомъ, ему не хватало практическаго ума, не хватало опыта и рѣшимости въ проведеніи въ жизнь его реформъ, хотя въ нихъ онъ шелъ и далѣе Ордынъ-Нащокина. Онъ думалъ о распространеніи просвѣщенія, о вѣротерпимости, объ улучшеніи нравственнаго быта, о свободномъ въѣздѣ иностранцевъ въ Россію; его планъ объ освобожденіи крестьянъ (съ землею) приближался къ реформѣ въ этой области, сдѣланной болѣе 200 л. спустя, при Александрѣ II. Кн. Голицынъ принималъ самое дѣятельное участіе въ законѣ объ отмѣнѣ мѣстничества, обнародованномъ въ концѣ царствованія Ѳедора, когда всѣ присутствовавшіе въ чрезвычайномъ собраніи 12 янв. 1682 г. единогласно порѣшили: „да погибнетъ въ огнѣ оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки“... Такая сильная редакція этого закона говоритъ въ пользу ея составителя. При его участіи отмѣняется и осѣченіе (въ 1680 г.) и неприличныя и унизительныя выраженія челобитчиковъ; ему же Ѳедоръ поручаетъ и улучшеніе ратнаго дѣла.

Въ палатахъ брата, царя Ѳедора, Софья впервыя встрѣтила кн. В. В. Голицына. Мы знаемъ какъ нерѣдко живая рѣчь, увлекательный умъ плѣняютъ больше, нежели внѣшняя красота, которой Софья, по отзыву современниковъ, не отличалась. Некрасивая, тучная, съ большой го-

ловой, съ широкой и короткой таліей, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, но „ума великаго“ и „великій политикъ“, Софья сразу почувствовала влеченіе къ кн. Голицыну, перешедшее въ горячую дружбу „amitie amoureuse“, которая настолько связала обѣ ихъ жизни, что вмѣстѣ съ паденіемъ Софьи, долженъ былъ пасть и ея первый министръ, „ея первый галантъ“ кн. В. В. Голицынъ...

11 іюля 1681 г., произведя на свѣтъ сына, скончалась царица Агафья (Грушецкая), первая жена ц. Ѳедора, черезъ шесть дней за нею послѣдовалъ и новорожденный царевичъ (Илья). 14 февр. 1682 г. ц. Ѳедоръ, не смотря на все усиливавшуюся болѣзнь, съ непонятнымъ для окружающихъ упрямствомъ, вступилъ во второй бракъ съ Марѳой Матвѣевной (Апраксиной), крестницей Матвѣева, что послужило къ облегченію участи послѣдняго. Но черезъ два мѣсяца и самъ Ѳедоръ скончался (27 апр. 1682 г.) на 21-мъ году жизни, оставивъ въ царскомъ теремѣ еще одну женщину, пятнадцатилѣтнюю вдову.

II.

Когда царемъ выбрали Петра, какъ болѣе здороваго и даровитаго изъ сыновей Алексѣя Мих., Софья воспылала еще большей злобой на мачеху, которая становилась такимъ образомъ правительницей за 10-лѣтняго сына. Чувство самосохраненія заговорило въ ней и она прежде всего смѣло вышла изъ царскаго терема на улицу и, вопреки обычаю, слѣдуя въ похоронной процессіи за гробомъ брата, воплемъ своимъ обратила на себя вниманіе народа: „видите,—причитала она,—какъ братъ нашъ Ѳедоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій нашъ братъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужіе земли, къ королямъ христіанскимъ“... Слова эти произвели извѣстное впечатлѣніе среди лицъ, державшихъ ея сторону, которые скоро прибѣгли къ столь обычному средству смутной эпохи—распустили тревожные слухи въ народѣ и особенно между стрѣльцами, и безъ того недовольными на своихъ полковниковъ за разныя съ ихъ стороны обиды, поборы и другія злоупотребленія, къ тому же имъ грозили, что въ правленіе царицы Наталіи и Нарышкиныхъ для нихъ могутъ послѣдовать и еще большія притѣсненія. И не успѣлъ вернуться изъ ссылки (12 мая 1682 г.) Матвѣевъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый Наталіей Кир. и Петромъ, какъ 15 мая, въ

день убіенія царевича Димитрія, съ утра клевреты Милославскихъ распустили по стрѣлецкимъ полкамъ слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Въ полдень стрѣльцы ворвались въ Кремль для расправы. Дальнѣйшая исторія этого перваго стрѣлецкаго мятежа хорошо извѣстна: безчеловѣчно убитъ былъ старикъ Матвѣевъ и самые близкія лица юноши Петра и его матери, несмотря на то, что царевичъ Иванъ предсталъ передъ ихъ глазами живымъ и слухъ о его отравленіи оказался ложнымъ.

Что же дѣлалось въ это время въ царскомъ теремѣ, куда такъ безцеремонно вломились стрѣльцы, даже въ комнаты царевенъ? Когда Наталія Кириловна укрывала брата своего Ивана, запрятаннаго сначала въ комнатѣ маленькой царевны Наталіи, а затѣмъ въ сосѣднемъ чуланѣ, между тѣмъ, какъ стрѣльцы еще и на другой день (16 мая) настойчиво требовали его выдачи, угрожая, что не уйдутъ, пока онъ не будетъ имъ выданъ, то Софья рѣзко сказала мачехѣ: „брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ изъ за него“. А затѣмъ, послѣ раздирательной сцены прощанія Наталіи Кир. съ братомъ, Софья совѣтуетъ дать ему въ руки образъ Богородицы, который, какъ святыня, могъ устыдить разъяренную толпу... Ивана Нарышкина пытали, изрубили въ куски, а на слѣдующій день (17 мая) также точно поступили и съ докторомъ Данилой (Гаденомъ), лѣчившимъ царя Ѳедора.

Послѣ этой ужасной трехдневной расправы, стрѣльцы заявили готовность положить головы свои за царя, обѣихъ царицъ, царевенъ и царевича... Но среди всѣхъ этихъ лицъ царило полное уныніе и растерянность: лишенная своихъ лучшихъ совѣтниковъ, Наталія Кириловна въ страхѣ за участь своихъ дѣтей и свою собственную, подавленная своимъ горемъ, не могла собраться съ мыслями; вокругъ нея все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Не растерялась одна Софья: съ давней мечтой стать правительницей, она въ эту трудную минуту самовластно и смѣло взяла въ свои руки правленіе и, окруженная сестрами, быть можетъ ей сочувствовавшими, въ сообществѣ съ родственниками Милославскими (во главѣ которыхъ сталъ Иванъ Михайловичъ) и другими лицами ей преданными, стала распоряжаться всѣми дѣлами и прежде всего удовлетворила стрѣльцовъ, раздавъ имъ заслуженныя ими деньги (240000 р.) и пообѣщавъ послѣ выдать еще по 10 рублей каждому; всѣхъ же стрѣлецкихъ полковъ было 19 съ 20000 чел. и жили они съ своими семьями подъ Москвой (въ Стрѣлецкой слободѣ) и по мѣрѣ надобности призывались для отбытія службы. Начальникомъ надворной пѣхоты Софья назначила казавшагося ей пре-

данным кн. И. А. Хованскаго, ведшаго свой родъ отъ Гедиминовичей и уважаемаго стрѣльцами за его приверженность къ старой вѣрѣ и старымъ обычаямъ.

23 мая выборные отъ стрѣльцовъ потребовали (не безъ участія Софьи), чтобы царствовали оба брата. Соборъ изъ патріарха, духовенства и выборныхъ отъ Москвы, опираясь на примѣры исторіи (императоровъ Аркадія и Гонорія, Василія и Костантина, совмѣстно царствовавшихъ); Ивана и Петра объявилъ царями (26 мая), причемъ первымъ именовался Иванъ, что отодвигало Наталію Кир. на второй планъ и на первый выдвигало умную и энергичную Софью, которая, ссылаясь на примѣръ Пульхеріи греческой, стала управлять за болѣзненнаго и малоумнаго „скорбнаго главою“ брата своего Ивана (съ 29 мая 1682 г.).

Въ самомъ началѣ своего управленія, когда броженіе между стрѣльцами все еще не утихало, по иниціативѣ кн. Хованскаго, выдвинуто было снова раскольничье дѣло. Софья принуждена была выслушать челобитную отъ приверженцевъ раскола и допустить даже пренія съ ними о вѣрѣ въ присутствіи патріарха и народа (5 іюля 1682 г.); но, возмущенная рѣчами расколоучителей, поносившихъ память царей Алексѣя и Ѳедора, она не выдержала, вскочила съ своего царскаго трона и въ сильномъ раздраженіи, со слезами на глазахъ сказала: „если Арсеній и Никонъ, патріархи—еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слушать... мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ“. И если у нѣкоторыхъ выборныхъ эта рѣчь царевны вызвала слезы, то среди другихъ послышались иныя слова: „пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ мучить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ“.

Софья хорошо знала, что далеко не всѣ стрѣльцы сочувствовали раскольничьему дѣлу, а потому она, давъ дочитать челобитную, прервала пренія и всѣхъ отпустила; но непосредственно затѣмъ однихъ изъ главарей схватили и казнили (Никиту-Пустосвята), а другихъ (инока Сергія) сослали; немного же спустя и покровительствовавшаго имъ кн. Хованскаго, на основаніи лишь подмѣтнаго письма, обвинили въ желаніи убить обоихъ государей, царицъ, царевенъ и патріарха, на одной изъ царевенъ (Екатеринѣ) женить своего сына Андрея и завладѣть престоломъ. Обоихъ Хованскимъ въ день именинъ Софьи (17 сент.)

казнили въ с. Воздвиженскомъ, гдѣ въ это время находилась семья царская, удалившаяся въ разныя дачныя села изъ Москвы, въ виду могущихъ произойти новыхъ безпорядковъ среди стрѣльцовъ. Сказку о винахъ Хованскому читалъ думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый, новый „галантъ“ Софьи. Затѣмъ для большей безопасности семья царская укрылась въ Троицкій монастырь, который на всякій случай привели въ осадное положеніе и оборону вручили кн. В. В. Голицыну; кромѣ того со всѣхъ сторонъ вызваны были къ Троицѣ служилые люди, вскорѣ туда и прибывшіе.

Волненія между стрѣльцами дѣйствительно начались, и вызвалъ ихъ главнымъ образомъ другой сынъ Хованскаго, Иванъ, который успѣлъ уйти изъ с. Вознесенскаго въ Москву и разсказать о казни отца и брата, безъ указу государей и о томъ, что бояре съ холопами своими идутъ на стрѣльцовъ, чего эти послѣдніе боялись пуще всего. Но, благодаря отчасти разъяснившимся слухамъ, а отчасти находчивости Софьи, все улеглось: стрѣльцы повинились, просили уничтожить тотъ столпъ (памятникъ), на которомъ по ихъ желанію были написаны имена героевъ перваго стрѣлецкаго бунта; просили также не называть ихъ ворами и бунтовщиками и въ присутствіи патріарха цѣловали крестъ, обѣщая еще разъ не щадить головъ своихъ за государей. Ихъ простили, выдали имъ сполна годовые оклады „безъ вычета и безволокитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавивъ подъемные деньги и освободивъ отъ работъ на начальство“ (Соловьевъ).

6 ноября дворъ вернулся въ Москву. Шакловитый, назначенный начальникомъ Стрѣлецкаго приказа (бывшей надворной пѣхоты), зорко сталъ слѣдить за поведеніемъ стрѣльцовъ, строго наказывая всѣхъ тѣхъ, кто пытался такъ или иначе вызвать среди нихъ смуту; кромѣ того только 7 болѣе надежныхъ стрѣлецкихъ полковъ оставлено было въ Москвѣ, остальные 12 разосланы по границамъ на службу; изъ пограничныхъ же лучшихъ людей организовано 5 полковъ, отправленныхъ въ Москву, что давало правительству Софьи вѣрную опору. Желая же положить конецъ всѣмъ толкамъ среди народа, Софья издала повсемѣстно указъ (21 мая 1683 г.), чтобы „всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вѣщали“.

Новая правительница повидимому успокоилась и, опираясь на совѣты своего перваго министра „человѣка ума великаго и любимаго отъ всѣхъ“ кн. В. В. Голицына, она занялась дѣлами внутренними и прежде

всего обратила вниманіе на массу бѣглыхъ холоповъ, между которыми раскольничье и стрѣлецкое движеніе произвело своего рода броженіе. Указомъ 13 февр. 1683 г. велѣно было: „ловить, наказывать и возвращать ихъ владѣльцамъ всѣхъ бѣглыхъ холопей, а тѣхъ, кого господа обратно взять не пожелаютъ, ссылать на поселеніе въ Сибирь“; при этомъ правительство впервые потребовало отъ помѣщиковъ списковъ ихъ крестьянъ и холоповъ, всѣхъ же неприписанныхъ бродягъ велѣно было ловить, для чего предназначались особые сыщики. Въ это же время велѣно было произвести размежеваніе помѣщичьихъ и монастырскихъ земель и опредѣлена болѣе точная ихъ граница. По распоряженію же правительства, всѣ тяглые люди, ушедшіе за это время изъ деревень въ посады, получили право тамъ оставаться, такъ какъ по заявленію посадскихъ безъ нихъ трудно было разсчитывать на правильную уплату податей; но послѣ изданнаго указа (17 дек. 1684 г.) такіе выходы уже строго воспрещались.

Въ самой Москвѣ сдѣлано было многое для внѣшняго порядка и украшенія: въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-ярусныя палаты, украшенныя внутри живописью и съ помѣщеніемъ для Думы; въ самомъ городѣ построено было до 300 каменныхъ домовъ; приняты были мѣры и для поддержанія благочинія на улицахъ, за чѣмъ должны были слѣдить караульные стрѣльцы, останавливая и удаляя нарушителей порядка; воспрещались бранныя и непристойныя слова. Еще при Ѳедорѣ, а затѣмъ и при Софьѣ начали заводить „политесъ съ манеру польскаго“, укоротили неуклюжій длинный охабень; въ наукѣ царили латинскій и польскій языки; этотъ послѣдній хорошо знала и сама Софья. Въ правленіе Софьи отмѣнена была смертная казнь за непристойныя и затѣйныя слова и замѣнена ссылкой; отмѣнена была и казнь для убійцъ своихъ мужей, которыхъ по Уложенію заживо закапывали въ землю („окапываніе“).

Наконецъ Софья закончила (въ 1685 г.) и дѣло созданія Славяно-Греко-Латинской Академіи, начатое при Ѳедорѣ, и ученикъ Симеона Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ въ стихахъ воспѣлъ ей хвалу, какъ насадительницѣ премудрости на Руси: „Мудрости бо ти имя подадеся, грекомъ Софіи мудрость наречеся: тебѣ бо слично науки начати, яко премудрой оны совершати“... При этомъ онъ говорилъ, что если Ольга явила свѣтъ вѣры, то она, Софья, явила свѣтъ науки для Россіи. Пріѣхавшіе въ томъ же году братья Лихуды (Іоанникій и Софроній) начали въ Академіи читать свои курсы. По примѣру своихъ предшественниковъ Софья хлопотала объ открытіи фабрикъ, выписывала мастеровъ для выдѣлки бархата, атласа, сукна и т. п.

Отнесясь сурово къ раскольникамъ еще въ началѣ своего управленія, Софья указомъ 1684 г. повелѣваетъ ловить ихъ повсюду и упорствующихъ сжигать, послѣ чего множество ихъ бѣжало за рубежъ, польскую и шведскую границу, за Донъ, гдѣ они построили себѣ особый Кузьминъ-городокъ, взятый позже правительствомъ (въ 1689 г.). Но, преслѣдуя раскольниковъ, Софья менѣе стѣсняла вліяніе латинства. Ея восхвалитель Сильвестръ Медвѣдевъ написалъ книгу „Манна хлѣба животнаго“, будто по желанію царевны, въ которой доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христа „пріимите, ядите“ и т. д., съ чѣмъ не согласенъ былъ патр. Іоакимъ, обвиняя его въ ереси („хлѣбопоклонной“), и косо смотрѣлъ на покровительство ему Софьи, а равно и на покровительства со стороны кн. Голицына іезуитамъ.

III.

Мы уже говорили выше, что главнымъ совѣтникомъ и исполнителемъ всѣхъ распоряженій Софьи былъ кн. В. В. Голицынъ. Еще въ началѣ ея правленія онъ получилъ титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя“. Ставъ такимъ образомъ во главѣ Посольскаго приказа, онъ долженъ былъ слѣдить за всѣми сношеніями Московскаго государства съ иностранными. Самымъ замѣчательнымъ актомъ правленія Софьи во внѣшней политикѣ былъ договоръ съ Китаемъ, съ которымъ въ это время соприкоснулась граница русскихъ владѣній въ Сибири (1689 г.). Еще раньше, 21 апр. 1686 г. кн. Голицыну удалось, послѣ долгихъ переговоровъ, заключить „вѣчный миръ“ съ Польшей, по Андрусовскому договору, т. е. съ присоединеніемъ Кіева съ правобережной Украиной и всей лѣвобережной ея частью. Но результатомъ этого мира было обязательство Россіи войти въ союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей противъ турокъ, съ которыми пришлось разорвать прежнія мирныя сношенія и послать русское войско противъ крымскихъ татаръ для защиты польской границы. Такимъ образомъ, въ 1687 г. объявленъ былъ первый крымскій походъ. Софья, ставя во главѣ 150000 войска кн. Голицына, думала, что удачный походъ въ Крымъ выдвинетъ, прославитъ ея любимца и упрочитъ ея собственное положеніе на престолѣ; казаки съ гетманомъ Самойловичемъ должны были двинуться на соединеніе съ войсками Голицына.

Но не такъ думалъ ея первый министръ и неопытный полководецъ. Кн. Голицынъ постоянно опасался и за сомнительность правъ Софьи

и за свою власть. Во время похода, за обѣдомъ военныхъ людей, онъ предложилъ тостъ за здоровье царей и царевны Софьи; но тотчасъ же смутился и написалъ Шакловитому письмо, прося разузнать, какъ на это посмотрятъ въ Москвѣ. „Всегда намъ печаль, а радости мало,—писалъ онъ,—у меня только и надежды, что ты“. Походъ, какъ извѣстно былъ неудаченъ: степной пожаръ и недостатокъ воды остановили русское войско и, дойдя до Конскихъ водъ (12 іюня), послѣ военнаго совѣта, Голицынъ повернулъ обратно. Софья, испугавшись отправила Шакловитаго для совѣщанія съ Голицынымъ; но Шакловитый вернулся и заявилъ, что казацкая старшина ненавидитъ гетмана Самойловича и что есть поводъ обвинить его въ подстрекательствѣ къ поджогу степи. Тогда въ присутствіи Голицына собравшаяся казацкая старшина низложила гетмана Самойловича и на его мѣсто избрала Мазепу, а кн. Голицынъ вернулся въ Москву, гдѣ радостно былъ встрѣченъ Софьей, какъ герой, а всѣ неудачи похода приписали Самойловичу.

Но это торжество была непродолжительно, такъ какъ татары продолжали разорять окраины Россіи и поэтому въ слѣдующемъ же (1688 г.) году объявленъ былъ новый походъ подъ начальствомъ того же кн. Голицына, который въ началѣ 1689 г. съ 100000 войска выступилъ изъ Москвы. По пути въ Крымъ русское войско обратило въ бѣгство крымцевъ и Софья уже торжествовала; но, у Перекопа кн. Голицынъ, какъ онъ ни былъ просвѣщенъ въ изученіи географическихъ картъ, въ рамахъ висѣвшихъ въ его домѣ, остановился, пораженный тѣмъ, что встрѣтилъ вмѣсто благодатнаго края такую же степь; дольше двигаться онъ не рѣшился и на этотъ разъ также повернулъ обратно. Софья тѣмъ не менѣе хотѣла, какъ и прежде, видѣть въ дѣйствіяхъ Голицына все же подвигъ; она привѣтствовала его съ побѣдой „надъ агаряны“ и въ лихорадочномъ нетерпѣніи, ожидая его скорѣйшаго возвращенія, писала ему: „а мнѣ, свѣтъ мой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда вѣры пойму, когда увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣра не имѣтся, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою“. Въ этомъ письмѣ вылилась вся глубина и сладость того чувства, какое Софья питала къ Голицыну. 19 іюля она по царски встрѣтила возвращееся ей побѣдоноснымъ войско и раздала всѣмъ награды.

Но оба неудачныхъ похода уронили имя кн. Голицына въ глазахъ народа и, не смотря на мнимосозданную Софьей его славу, онъ ясно видѣлъ, какъ вліяніе его меркнетъ вмѣстѣ съ силой его соправительницы, отстоять которую было уже весьма трудно, несмотря на всякія и тайныя мѣры Шакловитаго, которымъ онъ не могъ сочувствовать, такъ какъ по натурѣ своей и по своему положенію и уму просвѣщенному, кн. Голицынъ сознавалъ, какъ трудно уже было дальше отстаивать права Софьи, когда молодой царь Петръ, вступившій въ началѣ 1689 г. въ бракъ съ Евдокіей Лопухиной, считался уже совершеннолѣтнимъ, обнаруживалъ смѣлый и рѣшительный характеръ и имѣлъ свое молодое, но обученное на нѣмецкій образецъ войско— „ненавистныхъ потѣшныхъ конюховъ“, какъ ихъ называла Софья, которые могли уже угрожать стрѣльцамъ. Петръ къ тому же сталъ требовать, чтобы всѣ государственной важности дѣла предъявлялись ему лично; онъ только по настоянію Софьи подписалъ похвальную грамоту войску и еле далъ согласіе на награду кн. Голицына за походы, которые онъ не считалъ удачными; и во многихъ другихъ вопросахъ онъ сталъ проявлять полную самостоятельность.

И вотъ между братомъ и сестрою давно тлѣвшая вражда угрожала перейти въ открытую. Еще 8 іюля (1689 г.), во время крестнаго хода изъ Кремля въ Казанскій соборъ (въ память годовщины избавленія отъ поляковъ въ 1612 г.), Петръ предупредилъ сестру, чтобы она не выступала въ процессіи, такъ какъ это дѣло было *не обычное* и не прилично идти ей *особымъ* лицомъ вмѣстѣ съ царями; Софья не послушала и Петръ, оставивъ процессію, уѣхалъ въ Коломенское. Софья же и послѣ этого продолжала дѣлать свои выходы въ разные церкви и монастыри, а 19 іюля, какъ мы видѣли выше, торжественно встрѣчала и награждала войско кн. Голицына. 27 іюля она ходила на праздникъ Смоленской Богородицы въ Новодѣвичій монастырь и, сопровождаемая по обыкновенію стрѣльцами, имѣла полную возможность жаловаться передъ ними на притѣсненія со стороны Наталіи Кириловны и Нарышкиныхъ, а равно и на опасность для самыхъ стрѣльцовъ отъ „потѣшныхъ конюховъ преображенскихъ“. Еще болѣе мутилъ стрѣльцовъ Шакловитый, слѣпо преданный слуга Софьи, жаждавшій сохранить свое положеніе. Онъ распускалъ самые нелѣпые слухи, подбивая стрѣльцовъ путемъ насилія расправиться съ семьей и приверженцами Петра, очистивъ такимъ образомъ путь къ коронѣ для царевны Софьи.

Однако не всѣ стрѣльцы на этотъ разъ внимали этимъ толкамъ, къ тому же толки эти проникали и въ Преображенское, куда для объ-

ясненій вызывали самого Шакловитаго. Софья, въ страхѣ, что могутъ нагрянуть „потѣшные конюхи“ и учинить съ нею насиліе, убить кн. Голицына и Шакловитаго, по распоряженію этого послѣдняго собрала подъ ружье до 400 стрѣльцовъ въ Кремлѣ, а другихъ 300 на Лубянкѣ, и на запросъ Петра—для чего она собрала столько войска—отвѣчала, что для обычнаго сопровожденія ея въ богомольномъ походѣ.

Но, очевидно, счастье стало измѣнять Софьѣ. Случилось нѣчто для нея неожиданное. Ночью, съ 7 на 8 августа въ Преображенское спѣшно явились двое стрѣльцовъ увѣдомить царя, что его жизнь и жизнь его семейства находятся въ опасности. Внезапно разбуженный, еле разузнавъ въ чемъ дѣло, Петръ бросился на коня и ускакалъ къ Троицѣ, а за нимъ на утро 8 авг. туда явилась и вся его семья. Тогда началось дѣло о заговорѣ Шакловитаго въ пользу Софьи, которое кончилось розысками между стрѣльцами, казнью Шакловитаго и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Кн. Голицынъ, человѣкъ великаго ума и великій политикъ, имѣя въ Преображенскомъ лагерѣ защитника въ лицѣ своего двоюроднаго брата, воспитателя Петра, кн. Бориса Алексѣевича Голицына, на содѣйствіе котораго онъ надѣялся въ дѣлѣ примиренія сестры и брата, смутился послѣ выдачи Шакловитаго и уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе; но позже все таки поѣхалъ съ своимъ сыномъ Алексѣемъ къ Петру въ Преображенское для дачи показаній и выслушанія приговора о ссылкѣ въ Яренскъ, а затѣмъ въ Пустозерскъ. По пути, въ Вологдѣ, кн. Голицынъ получилъ утѣшительное письмо и деньги отъ царевны Софіи—это было ея послѣднимъ „прости“ своему первому галанту.

Пострадалъ также и Сильвестръ Медвѣдевъ, который пытался бѣжать въ Польшу, но былъ схваченъ, разстриженъ и обвиненъ въ томъ, что говорилъ, будто Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, а его Сильвестра возвести въ патріархи, что подъ портретомъ Софьи подписалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“, а равно ереси латинской. Его долго пытали огнемъ и желѣзомъ и казнили уже въ началѣ 1691 года.

Софья, потерявъ такимъ образомъ всѣхъ близкихъ ей и преданныхъ людей, пыталась искать защиты у патріарха, и съ его стороны не встрѣтила отклика; тогда она, надѣясь на свой умъ и находчивость, отправилась къ Троицѣ на свиданіе и личное объясненіе съ братомъ, но была возвращена съ пути,—Петръ не захотѣлъ видѣть сестру. А вскорѣ затѣмъ Петръ прислалъ брату Ивану письмо, въ ко-

торомъ указывалъ на то, что Софья начала владѣть *своею волею*, но что теперь „настало время имъ править *самимъ*, понеже пришли въ мѣру возраста своего, *а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей*... съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и расправѣ дѣлъ *быти не изволяемъ*“... И далѣе онъ указывалъ брату на то, что Софья къ тому же „и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться“ (Соловьевъ).

Послѣ этого Софья ждала грозы: всѣмъ ея мечтаніямъ казалось наступилъ конецъ и мрачная монастырская келія рисовалась ея встревоженному воображенію. Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно къ ней явился посолъ (И. Б. Троекуровъ) съ приказомъ отъ брата, бывшаго вдвое ея моложе—идти въ монастырь. Не легко было для нея съ престола царскаго сойти въ мрачную келію, долго отговаривалась царевна-правительница, но все же принуждена была удалиться на жительство въ Новодѣвичій монастырь. Для надзора за нею приставлена была стража изъ преображенцевъ подъ начальствомъ Ѳ. Ю. Ромодановскаго. —

IV.

Казалось роль Софьи съ удаленіемъ въ монастырь была кончена и ей оставалось замаливать свои грѣхи, если она чувствовала ихъ бремя. Но сладость мечты свойственна не однимъ юнымъ душамъ. Въ живомъ еще воображеніи царевны рисовалась возможность все таки вернуть утраченное положеніе; въ ея исторической памяти хранились примѣры измѣнчивости судьбы въ жизни царей и царицъ византійскихъ, императоровъ и императрицъ римскихъ; а допущенныя свиданія съ сестрами давали ей возможность не порывать сношеній съ внѣшнимъ міромъ, съ ея приверженцами между стрѣльцами, недовольными новыми распоряженіями Петра и предпочтеніемъ, какое онъ отдавалъ своимъ потѣшнымъ войскамъ передъ ними.

Скоро пронесся слухъ, что стрѣльцы подкопались подъ Новодѣвичій монастырь и хотѣли вывести оттуда заключенную царевну, но были пойманы и казнены. Софья сама часто думала и говорила о томъ, что хорошо бы было, если бы Петръ, разъѣзжая по морямъ и въ походахъ и въ своихъ рискованныхъ потѣхахъ „уходилъ себя“, т. е. нашелъ бы смерть, и тогда она могла бы безпрепятственно царствовать. Когда же Петръ уѣхалъ за границу, то слухъ о томъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ, быстро распространился и ему упорно вѣ-

рили. Стрѣльцы, часть которыхъ двинута была въ Азовъ и на границу Польши, были недовольны разлукою съ семьями и новыми тяжелыми условіями царской службы и снова пришли въ движеніе, тѣмъ болѣе, что подъячіе грозили имъ, что въ Москвѣ имъ уже не бывать. При посредствѣ своихъ женъ они вошли въ сношенія съ сестрами царевны Софьи, а черезъ нихъ и съ нею самое; съ весны же 1698 г. между стрѣльцами появилось и читалось „призывное письмо“ отъ заключенной царевны и челобитныя отъ самихъ стрѣльцовъ къ Софьѣ, съ призывомъ на царство. Мятежъ между стрѣльцами сталъ разростаться и начальникъ Стрѣлецкаго приказа (И. Б. Троекуровъ) употреблялъ всѣ мѣры для водворенія порядка, а Штейну посредствомъ оружія удалось усмирить ихъ окончательно, и расправиться съ зачинщиками, о чемъ и было дано знать Петру за границу. Но внезапно вернувшійся изъ за границы Петръ, въ сильномъ раздраженіи на стрѣльцовъ и на сестру, велѣлъ наново произвести розыскъ, а затѣмъ началась жестокая расправа, напомнившая времена Ивана Грознаго. Петръ самолично допрашивалъ и сестеръ: Марѳа созналась, что передавала Софьѣ о желаніи стрѣльцовъ видѣть ее снова на престолѣ; Софья же отъ призывнаго съ ея стороны письма отказалась, сказавъ, что если ее и хотѣли снова звать на престолъ, то „знамо потому, что она со 190 (1682 г.) года была въ правительствѣ“.

На второй день казней, 11 окт. 1698 г. Петръ созвалъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ для суда надъ Софьей, но кромѣ подозрѣнія не было другихъ основаній для ея обвиненія; тѣмъ не менѣе Софья была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ *Сусанны*; караулъ для надзора за ней былъ увеличенъ; сестрамъ разрѣшено ѣздить къ ней только въ большіе праздники и въ случаяхъ ея болѣзни; не велѣно было и пѣвчихъ (мужчинъ) пускать въ монастырь: „поютъ и старицы хорошо,—сказалъ, Петръ,—лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *Спаси отъ бѣдъ*, а на паперти деньги на убійство даютъ“.

Что должна была пережить душа Софьи, при видѣ 195 стрѣльцовъ, повѣшенныхъ кромѣ многихъ другихъ (около 3000) въ самомъ Новодѣвичьимъ монастырѣ и трехъ изъ нихъ передъ окнами самой ея келіи, съ челобитными въ рукахъ, висѣвшихъ въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ? Тайна ея душевныхъ переживаній сошла съ нею въ могилу, но не трудно понять весь ужасъ ея душевныхъ терзаній и той усилившейся злобы противъ брата, въ которыхъ царевна-инокиня Сусанна, быть можетъ, покаялась только передъ смертью, принявъ схиму

и возвративъ свое прежнее многознаменательное греческое имя Софьи. „Сохранилось много памятниковъ уставнымъ почеркомъ—трудовъ Софьи, скрѣпленныхъ подписью ея руки и иногда даже украшенныхъ изображеніями, ею рисованными перомъ, красками, золотомъ и тушью; есть Евангеліе трудовъ Софьи въ Каргопольскомъ монастырѣ“ (Стромиловъ). Софья скончалась 3 іюля 1704 г. и похоронена въ соборномъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря; въ ея надгробной эпитафіи между прочимъ сказало, что дочь ц. Алексѣя Мих. и царицы Марьи Ильинишны „Великая Государыня царевна и Великая княжна Софья Алексѣевна отъ рожденія имѣла 46 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 16 дней, а въ монашествѣ прожила 5 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 12 дней; въ схимонахиняхъ переименовано имя ей прежнее Софья“; въ монастырѣ же въ заточеніи пробыла 15 лѣтъ.

Болѣе виновную по дѣлу стрѣльцовъ, старшую сестру Софьи, Марѳу, также постригли подъ именемъ Маргариты и отправили въ Успенскую обитель (въ Александровской слободѣ), но ея жизни мы коснемся особо.

Таковы были тревожная жизнь и трагическій конецъ этой самой выдающейся обитательницы царского терема, Софьи, почему мы и позволили себѣ дольше остановиться на ея личности и дѣятельности, тѣмъ болѣе что отношеніе къ ней исторической литературы весьма противорѣчиво: одни историки порицаютъ все ея поведеніе, другіе наоборотъ говорятъ, что правленіе ея какъ внутреннее, такъ и внѣшнее дѣлаютъ честь ея уму и уму ея перваго министра (кн. В. В. Голицына) и лишь немногіе отдаютъ ей должное.

Время Софьи представляетъ замѣчательную *смѣсь* не успѣвшихъ еще войти въ свои права *новыхъ вѣяній Запада и* отживающаго свой вѣкъ *византизма*, съ его аскетической литературой съ одной стороны и съ его царизмомъ, внесеннымъ Софьей Палеологъ въ придворную жизнь рускихъ князей и княгинь, съ другой. Съ необыкновенною яркостью въ этотъ періодъ русской исторіи выступаетъ и сходство явленій политической жизни Византіи и Московскаго государства: та же борьба церковно-религіозная—иконоборства въ Византіи и раскола у насъ; таже придворная борьба партій, возведеніе и сверженіе съ престола царей и царицъ, тѣ же пріемы для возвышенія при дворѣ, сопровождаемые казнями, ложными слухами, коварствомъ, измѣнами, бунтами и т. п. Многія женщины въ Византіи пользовались такою же властью, какую себѣ присвоить хотѣла Софья, хлопотавшая даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться.

Софья, конечно, стояла выше всякихъ Пульхерій и какъ правительница просвѣщенная, умная, энергичная, самобытная по натурѣ, стояла выше менѣе образованной, менѣе самобытной Наталіи Кир., прибѣгавшей постоянно къ покровительству то Матвѣева, то своихъ братьевъ Нарышкиныхъ и нашедшая въ концѣ концовъ вѣрную опору въ своемъ геніальномъ сынѣ, охраняя лишь жизнь и здоровье котораго, она все же не сумѣла дать ему надлежащее воспитаніе и образованіе, и если послѣднее онъ могъ пополнять по желанію въ Нѣмецкой слободѣ и за границей, то упущенія въ первомъ онъ впослѣдствіи сознавалъ самъ и не разъ.

Проникнутая идеями византизма, Софья не менѣе горячо отзывалась и на культурныя вѣянія Запада, слѣдуя совѣтамъ такихъ передовыхъ и просвѣщенныхъ людей, какими были Симеонъ Полоцкій, кн. В. В. Голицынъ. И если въ самой личности Софьи отразилось, быть можетъ, больше отрицательныхъ сторонъ той эпохи, въ которой она выросла и воспиталась, то это потому лишь, что ея жизнь расходилась съ мечтами и дѣйствительность давала сравнительно мало благопріятныхъ условій для осуществленія этихъ мечтаній—стать „царицею самодержицею“. Въ ней, быть можетъ, не столько играло роль властолюбіе, хотя она и привыкла съ дѣтства царить въ своемъ терему, какъ именно это преобладающая идея—равноправной съ царями правительницы, какою 700 лѣтъ до нея была великая княгиня Ольга, какими были многія женщины въ Византіи, каковою была англійская королева Елисавета и библейская царица Семирамида. А окружающіе, восхваляя и восхищаясь постоянно ея обаятельною личностью, поддерживали и укрѣпляли въ ней эту идею. Но вмѣстѣ съ Софьей въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря погребены были и восхоленныя ея душой византійскіе идеалы и на смѣну имъ на своихъ могучихъ плечахъ уже несъ культуру запада Петръ, выросшій не въ душномъ теремѣ, а на вольномъ воздухѣ, среди необъятной шири русской природы, лишенной лишь грандіозной морской стихіи, которую онъ впослѣдствіи добылъ для Россіи.

Не удивительно послѣ этого, что та же самая эпоха которая выдвинула Софью, царевну ума великаго, наиболѣе просвѣщенную для своего времени и дерзновенно возсѣвшую на престоль царскій, а затѣмъ такъ трагически закончившую свою жизнь подъ одѣяніемъ схимницы,—что та же эпоха, повторяемъ, дала Россіи и Петра В.—этотъ самородокъ, крупный, но неотшлифованный алмазъ, который такимъ яркимъ брилліантомъ заблисталъ позже въ коронѣ Екатерины II, ея внуковъ и правнуковъ.

А. Иконникова.

Письма малороссійскихъ гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ малороссійскихъ дѣлахъ находится 29 писемъ къ князю Василію Васильевичу Голицыну, 9 къ его сыну Алексѣю, одно къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну и нѣсколько благодарственныхъ писемъ на имя царей и царевны Софьи.

Подлинныя письма написаны на листахъ, размѣръ которыхъ немного меньше листовъ нашей писчей бумаги*). Наибольшій интересъ представляютъ письма гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы. Эти послѣднія, выбранныя мною для сообщенія, относятся ко времени правленія царевны Софьи Алексѣевны и до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны. Эти письма могутъ нѣсколько дополнить имѣющіяся свѣдѣнія объ отношеніяхъ, которыя существовали между московскимъ правительствомъ и Малороссіей въ періодъ правленія царевны Софьи. Большая часть этихъ писемъ политическаго характера и касается главнымъ образомъ отношеній Турціи и Польши, а также и взаимныхъ отношеній Москвы и Малороссіи. Одни изъ писемъ написаны послѣ заключенія мира съ турками (1681 г.); другія относятся ко времени крымскихъ походовъ.

Переписка гетмановъ съ кн. Голицынымъ о положеніи дѣлъ въ странѣ свидѣтельствуетъ о той подозрительности, съ какою кн. Голицынъ

---

*) При №№ 536 и 572 есть приписки на бумажкахъ въ 8-ку и 4-ку; при первыхъ двѣ, при 2-мъ 6 (см. ниже).

относился къ малороссійской администраціи, а то обстоятельство, что гетманъ ничего не могъ предпринять безъ разрѣшенія кн. Голицына, и за всѣми дѣйствіями гетмановъ наблюдали московскіе начальные люди, свидѣтельствуетъ съ достаточною ясностью о полной фактической утратѣ Малороссіей ея внутренней самостоятельности. Зависимость Малороссіи отъ Москвы особенно ярко проглядываетъ изъ писемъ Самойловича. Его письма, въ которыхъ говорится объ оборонѣ Малороссіи отъ нападенія турецко-татарскихъ силъ, интересны отчасти въ томъ отношеніи, что нѣсколько знакомятъ насъ съ состояніемъ военнаго дѣла въ то время.

Заслуживаетъ вниманіе письмо Самойловича отъ 2-го Авг. 1680 г., (№ 378) въ которомъ онъ говоритъ о постройкѣ новой крѣпости на Днѣпрѣ „Новаго Кодака"; письмо гетмана отъ 1686 г. (№ 483) о бывшемъ у него совѣщаніи съ окольничимъ Неплюевымъ указываетъ на оживленныя совѣщанія, которыя происходили между представителями московскаго правительства и гетманомъ передъ заключеніемъ „вѣчнаго" мира съ Польшей. Въ письмѣ отъ Ноября 1682 г. (№ 424) Самойловичъ проситъ ратныхъ людей, посланныхъ изъ Москвы въ Малороссію задержать въ пути, чтобы дать имъ возможность отдохнуть и тутъ же пишетъ: „а якъ чуемъ и въ дорогѣ тая пѣхота не смирна, поневажъ (также) и въ Калузѣ що поброила (натворила бѣдъ.)" Въ этой просьбѣ проглядываетъ боязнь столкновеній между московскими ратными людьми и украинцами. Какъ на примѣръ отсутствія самостоятельности въ дѣятельности гетмана можно указать на письмо Самойловича отъ 1684 г. (№ 453), гдѣ онъ пишетъ о злоупотребленіяхъ переяславскаго полковника Дмитрашни Рейга, и какъ видно изъ письма, безъ указа изъ Москвы гетманъ не можетъ самостоятельно распорядиться съ отставкой Дмитрашни Рейга. Письма Мазепы содержатъ въ себѣ доклады кн. Голицыну о всѣхъ дѣлахъ Малороссіи. Изъ этихъ писемъ видно, что Мазепа не рѣшалъ безъ согласія кн. Голицына ни одного дѣла, даже второстепенной важности, касающагося Малороссіи. Въ письмѣ отъ Ноября 3-го 1688 г. (№ 572) онъ спрашиваетъ кн. Голицына, можно ли исполнить просьбу запорожцевъ и отослать имъ за два года тысячу бочекъ пива и можно ли разрѣшить имъ прислать изъ Сѣчи въ Украинскіе города, какъ было при прежнихъ гетманахъ, своихъ лошадей на прокормленіе. Также спрашиваетъ разрѣшенія кн. Голицына отдать запорожцамъ деньги, поступившія въ доходъ съ Переволоченскаго перевоза. Въ этомъ же письмѣ Мазепа, докладывалъ кн. Голицыну объ обидахъ которыя чинилъ монахъ (исполнявшій должность приказнаго чиновника) казакамъ, проживающимъ въ мѣстности Кіевскаго митрополита и так-

же доводитъ до его свѣдѣнія, что запорожцевъ склонялъ къ измѣнѣ новый турецкій бей, но они на измѣну не склонились. Отношеніе Мазепы къ нуждамъ запорожцевъ проявляется еще въ его письмѣ отъ Марта 24 1688 г. (№ 518), въ которомъ онъ докладываетъ о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень.

Въ этомъ письмѣ Мазепа пишетъ, что на островѣ Кадакѣ казаки голодаютъ и, принимая во вниманіе, что съ наступленіемъ весны за розлитіемъ воды имъ оттуда не выйти, убѣдительно проситъ кн. Голицына разрѣшить этимъ истомленнымъ людямъ вернуться въ свои дома, оставивъ на островѣ 300 человѣкъ для береженья хлѣбныхъ запасовъ.

Письма Мазепы отъ Февраля 1688 г. (№ 513) и Декабря 31-го 1688 г. (№ 378) содержатъ доносъ на переяславскаго полковника Леонтія Полуботка. Написаны послѣ 1-го крымскаго похода. Хотя Мазепа, какъ видно изъ письма отъ Декабря 1688 г. и далъ возможность полковнику выяснить на судѣ свою невинность и честно донесъ царямъ о результатахъ слѣдствія, но изъ такого его безпристрастнаго поведенія въ данномъ случаѣ нельзя еще вывести заключенія, что въ 1688 г. онъ ничего на имѣлъ противъ Полуботка. Весьма возможно, что въ дѣлѣ, въ которомъ трудно было доказать виновность Полуботка, онъ выказалъ себя безпристрастнымъ судьей съ тѣмъ, чтобы при болѣе удобномъ случаѣ его погубить. Два года спустя, когда на Мазепу былъ доносъ, что онъ хочетъ предаться Польшѣ, Леонтій Полуботокъ былъ совершенно бездоказательно примѣшанъ къ этому доносу. На томъ основаніи, что сынъ его зналъ о враждебныхъ замыслахъ противъ Мазепы, онъ былъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Павломъ, будущимъ наказнымъ гетманомъ отставленъ отъ должности и заключенъ подъ стражу.

Остальныя письма Мазепы имѣютъ болѣе частный характеръ можно отмѣтить его письма къ царямъ Іоанну и Петру и царевнѣ Софьѣ отъ Января 21-го 1688 г. (№ 503) и письмо кн. Голицыну отъ Октября 3-го 1688 г. (№ 562). Въ этихъ письмахъ Мазепа выражаетъ благодарость за присылку лѣкаря Романова во время военнаго похода и отзывается о немъ, какъ объ очень искусномъ докторѣ. Объ этомъ же лѣкарѣ есть упоминаніе и въ письмѣ, въ которомъ говорится о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень (№ 518). Мазепа просилъ въ этомъ письмѣ кн. Голицына прислать ему на войну именно этого лѣкаря, а если онъ ѣхать не захочетъ, то другого, но только искуснаго и способнаго.

Представляетъ интересъ и письмо Мазепы отъ Іюня 3-го 1688 г. (№ 536), въ которомъ онъ проситъ кн. Голицына разрѣшить напечатать въ Москвѣ книгу, составленную Афанасіемъ Заруцкимъ. Доводитъ до свѣдѣнія кн. Голицына, что книга Заруцкаго была одобрена Лазаремъ Барановскимъ и другими свѣтилами науки Малой Россіи; тѣмъ не менѣе онъ проситъ кн. Голицына дать эту книгу на разсмотрѣніе въ Москвѣ знающимъ людямъ, и если найдутся какіе-нибудь недостатки, то Заруцкій ихъ исправитъ. Въ концѣ письма просьба царской грамотой утвердить за Заруцкимъ пожалованную ему Мазепой вотчину въ награду за его трудъ на „прославленіе Царскихъ Величествъ“.

Е. Лермонтова.

ПИСЬМА, ПОМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ боярину князю Василью Васильевичу Голицыну съ разными соображеніями, касательно построенія Новаго Кодака.*)

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея великіа и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя его царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и воеводѣ и намѣстнику Великопермскому князю Василію Василіевичю Голицыну мнѣ велце ласковому господину и пріятелю доброго отъ Господа Бога здоровья и всякихъ щасливостей упрейме заживати желаю.

Черезъ умыслного (нарочнаго) вашой княжой милости посланного при листѣ вашой княжой милости подана мнѣ великого государя нашого, его царского пресвѣтлого величества грамота, которую я вычитавши зразумѣлемъ, же ему великому государю учинилося вѣдомо, что непріятели креста святаго ханъ Крымский з ордами хотятъ приходити войною подъ его царского пресвѣтлого величества городы украинскіе, противъ которыхъ непріятельскихъ замысловъ для обороны своее праведное монаршое державы указалъ онъ великій государь ити своему царского величества боярину и воеводѣ и намѣстнику Бѣлогородскому князю Петру Ивановичу Хованскому з товарищи з его полкомъ и станути в украинныхъ мѣстехъ на шляху Муравскомъ, якое великого государя изволеніе, яко есть христіанству надобно, такъ и велце хвалебно. А въ той же государской грамотѣ и объ Кодаку выраженъ есть его великого государя указъ, что изволяетъ онъ великій государь премуд-

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1680 г. Августа 2-го, № 378.

рымъ своимъ разсмотрѣніемъ уважити,[1]) же на дѣланъе[2]) нового укрѣпленія города Кодаку за приближенемъ осени вже сего лѣта не станетъ времени и войска его государскіе около того дѣла не увернутся; а до того его монаршое изволеніе потребуетъ видѣти чертежъ положеня мѣстца, где внизъ-ли, или вверхъ стараго Кодака новый городъ дѣлатися маетъ и якое широты тамъ Днѣпръ и якое высоты сей и тотъ оба пол-Днѣпра будучое береги, и не будетъ ли трудности отъ порога Кадацкого переправоватися черезъ Днѣпръ, и мочно-ль з сего новаго города, устроитися маючого (имѣющаго быть устроеннымъ), старому Кодаку чинити оборону и где на строене того города брати лѣсъ, и для того бъ всего мнѣ опять з Вашею княжею милостью зъехатися и учинивши совѣтъ сполний къ ему великому государю отписати. А такъ поневажъ вже тому дѣлу Кодацкому сее осени совершитися немочно, бо яко милостивнѣ онъ милосердный монарха призираетъ[3]) на своихъ ратныхъ людей труди, черезъ все лѣто обозовую тесноту подымуючы[4]) до якихъ вже неизволяетъ въ глухой осени придавати (прибавлять) праци[5]) такъ и постояти имъ на Моравскомъ шляху потребная подался оказія (оказалось надобность), милю якую поспѣшити до Кодаку нѣлзе, теды да исполнится воля его монаршая ко всякой хвалѣ и славѣ. Мнѣ зал (sic) нынѣ для порады[6]) о Кодаку з Вашею милостью зездитися (съѣхаться) и первѣй розговореное дѣло, другимъ розговоромъ розголошати (разглашать), мнитмися[7]) не надобѣ. Досытъ (достаточно) тогды широко я объ томъ з Вашими боярскими милостями говорилемъ и совѣтовалемъ и явственно обяснялемъ, же тое мѣстце, где бъ новой городъ Кодакъ строити, есть не въ далекой отлеглости и не въ пустыхъ степахъ, городамъ полку Полтавского прилеглое и отъ Слобоцскихъ Украинскихъ городовъ недалекое; надъ самымъ Кодацкимъ порогомъ, надъ якимъ на томъ боку тотъ старий городъ Кодакъ построенъ, лежачое на устю рѣчки Самари отъ низу Днѣпра, а рѣчка Самаръ отъ рѣчки Орели шесть миль даленостью найдуется, а надъ рѣчкою Орелю городы полку Полтавского маютъ свое полеженье. И для того жъ велце (очень) бъ былъ потребенъ новой городъ Кодакъ на сей сторонѣ Днѣпра, бо того старого Кодака города, якъ будетъ наступство турецкихъ силъ, з гола[8]) удержати неможно. Сеи за новопостроивши для

[1]) Рѣшить.
[2]) Устройство.
[3]) Снисходитъ къ трудамъ.
[4]) Тягость по обозу несущихъ.
[5]) Работы.
[6]) Для обсужденія вопроса.
[7]) Мнѣ думается.
[8]) Съ открытаго мѣста.

близкости городовъ и для снадного[1]) войскамъ приходу держати бъ надежно и отчеля по сотцу[2]) людей посылаючи и старого до времени боронити (оборонять) бъ снадно.[3]) А для строеня нового города тамже около того мѣстца на рѣчце Самарѣ лѣса велми[4]) есть много. О чомъ всемъ любобы[5]) можно послиши[6]) описати чертежъ, але передъ часомъ того чертежу, оттоль здаймовати[7]) непригоже, для тихъ мѣръ, же голосно бъ всюда тое намѣреніе розширилося и непріятель о томъ увѣдомившися, схотѣлъ бы чинить перепону[8]) вѣдомости; якіе я передъ симъ вашой княжой милости стороны прибытья къ берегу Днѣпровому многихъ татаръ ознаймовалъ,[9]) хвала Господу Богу, отмѣнилися. Когды жъ нынѣ пишетъ до мене панъ полковникъ Переясловский, даючи знати, же що была орда въ Каневѣ на берегъ Днѣпровый притягнула, теды обачивши[10]) людей нашихъ военнихъ на семъ боку на чистихъ мѣстцахъ сотнями для осторожности постановленныхъ, не посмѣла на сей бокъ перебратися, але назадъ отвернула въ поля того бочные. Для моцнѣйшого (сильнѣйшаго) однакъ берегу Днѣпрового укрѣпленя роскажемъ я полкамъ пѣхотнымъ рабменту моего рушитися (тронуться въ путь) и до Днѣпра на пристойные мѣстца приказу поспѣшити.

А який мнѣ на сихъ днехъ з державы королевскаго величества з мѣста Красилова отъ старосты тамошнего Стефани Куницкого о вѣдомостехъ листъ принесенъ, тотъ я слово въ слово велѣвши переписати, посылаю до вашой княжой милости списокъ для вѣдома. Также и листъ отъ полковника Киевского ко мнѣ писаный о вѣдомостяхъ, для вѣдома жъ вашой княжой милости посылаю.

Взглядомъ чого передъ временемъ чертежу не описуючи (въ виду чего, раньше времени не дѣлалъ чертежа), слушне (справедливо) то на тотъ часъ отложити, якого по указу (когда будетъ указъ) великого государя туда посланы будутъ войска чтобъ войска з тихимъ[11]) намѣ-

---

[1]) Каждаго, всякаго.
[2]) По сотнѣ.
[3]) Удобно.
[4]) Очень.
[5]) Хорошо бы.
[6]) Впослѣдствіи.
[7]) Можно было.
[8]) Препятствіе.
[9]) Извѣстилъ.
[10]) Увидя.
[11]) Тайнымъ.

реніемъ, на тое мѣстце прибывши, якъ скоро чертежъ выпишутъ, такъ заразъ (тотчасъ) и около строеня города зачали дѣло.

Прошу тутъ велце Вашой княжой милости, рачъ (изволь) къ пресвѣтлому великого государя престолу внести свое ходатайство, о чомъ и я бити челомъ поважуся,[1]) а бы по его государскомъ милостивомъ указѣ тисяча ратныхъ его монаршихъ людей при столнику и полковнику Василію Федоровичю Перхурову на Орлѣ городку найдуючаяся, наступуючую осень и прошлую зиму до времени открытья з леду рѣчокъ на томъ же пережила мѣстцу; албо вѣмъ любо (потому что, я, зная ученье) его великого государя нашего, его царского пресвѣтлаго величества есть горливое[2]) попеченіе о учиненье з солтаномъ Турскимъ и з ханомъ Кримскимъ примирья, однакъ нѣмъ тое въ совершенство прийдетъ (пусть будетъ сдѣлано, чтобы), тые ратные люде въ томъ Украинскомъ кутѣ (углу) для всякой опасности (на всякій случай) велце суть потребны и могутъ они быти тамъ краямъ, къ державѣ его монаршой прилеглымъ надежнымъ защитомъ. На чомъ, если будетъ его великого государя изволеніе, то завремени (заблаговременно) бъ пригоже учинити тымъ людямъ ратнымъ упомненье, (запоминаніе) чтобъ они на зиму мешканя себѣ подѣлали и запасовъ потребныхъ примыслили, а тымъ ратнымъ людямъ, якіе прошлую зиму тамъ зимовали, слушне[3]) есть позволити къ домамъ ихъ пуститися, о чемъ всемъ выразне до Вашой княжой милости выписавши, отдаюся пилно Вашой княжой милости пріятельской ласце. З Батурина Августа 2-го, року 1680-го.

Вашой княжой милости зычливый приятель и радъ служити.

Іванъ Самуйловичъ гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества Запорожскаго.

Письмо Гетмана Ивана Самойловича къ ближнему боярину кн. В. В. Голицыну съ благодарностью за благоволеніе къ гетманскому сыну Семену и за содѣйствіе къ заключенію брака его дочери съ сыномъ боярина Шереметева и съ просьбою, чтобы русскія войска, отправляемыя въ Малороссію подолѣе были задержаны въ пути.[4])

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣ-

[1]) Осмѣлюсь.
[2]) Усердное.
[3]) Громко.
[4]) Малороссійскіе подлинные акты, 1682 г. Ноября 9, № 424.

лыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей; ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому Князю Василію Василіевичю Голицыну, моему велце ласковому господину приятелю и благодѣтелю низкое челобитье и зычливое поздоровленье упрейме[1]) препосылаю.

О дѣлехъ належитыхъ пишу покорне листы моѣ до великихъ государей нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества черезъ столника Александра Ѳедоровича Карондѣева, з которыхъ то листовъ моихъ о всемъ будетъ вѣдомо вашой княжой милости, яко поважному и о всѣхъ дѣлехъ вѣдаючому пресвѣтлого монаршого престола сенаторови, тутъ въ семъ листѣ моемъ приношу упреймое мое вашой велможности подякованъе[2]), же ваша княжая велможность высокое свое мнѣ оказуючи благодѣяніе, изволилесь истиннымъ усердіемъ своимъ при неизреченной великихъ государей монаршой милости ласкове приймовати[3]) милого сына моего Семіона Ивановича, полковника Стародубовского, недавно отъ мене къ пресвѣтлому ихъ царского величества престолу посыланого, а надъ (вполнѣ) то истинная то и въ христіанскомъ нашомъ законѣ хвалебная вашой княжой велможности справуетъ[4]) любовь, же поважнымъ своимъ предложенемъ вюлесь рѣчи до того, себы наше з бояриномъ его милостю и оружейничымъ Петромъ Васильевичемъ Болшимъ Шереметевымъ сповиновачене[5]), около сопряженя[6]) въ союзъ законного брака милыхъ дѣдей нашихъ до належитого пришло совершенства (окончанья), иже милый зять мой з премногой монаршой милости пожалованъ есть честью совершенною за все теды тое я многократне (sic) покорне вашой княжой милости дякую[7]) и всякими способами пристойными ку (къ) оказаню моей вдячности (благодарности) отвдячати и отслуговати буду. А прошу унижоне, извиль ваша милость у велможной своей и благодѣтелной ласце и впередъ ховати мене зычливого пріятеля своего. Мѣлемъ (имѣли) тутъ розговоръ з думнымъ дворяниномъ и воеводою Сѣвскимъ и намѣстникомъ Карачевскимъ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ и з столникомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Корондѣевымъ, якъ бы надежнѣй было можно устроити у

---

[1]) Искреннее.
[2]) Благодарность.
[3]) Принимать.
[4]) Дѣластъ.
[5]) Сватовство.
[6]) Съ цѣлью.
[7]) Благодарю.

себе вдалые[1]) часы потребныхъ порядокъ з стороны ратныхъ великихъ государей людей же бы и мое худое здоровье, якое я на вѣрную имъ великимъ государемъ службу вѣчне офѣрую[2]) и ихъ великихъ государей монаршая превысокая повага[3]) въ превеликой хвалѣ межи народомъ Малоросійскимъ прославляемая, были ненарушны. О чомъ теды пречоный (помянутый) думный дворянинъ до вашой княжой велможности напишетъ и о чомъ столникъ помененныхъ устне говорити будетъ, рачь[4]) ваша велможность приняти тое до своего слуху и донести до монаршихъ ихъ царского пресвѣтлого величества ушей, и узнаетлися (признается ли) тое за пристойное дѣло и сотворитлися о томъ великихъ государей указъ, теды изволь ваша княжая милость по своей звыклой (обычной) ласцѣ мнѣ ознаймити (дадите знать), якихъ людей на ихъ государскую службу на перемѣну нынѣ тутъ зостаючымъ (остающимся) сподѣватися[5]) маю. А тотъ розговоръ мой спущаю я на премудрое разсмотреніе монаршое и на приятелскую разумную вашой княжой велможности пораду (совѣщаніе) и ждучи на тое ознайменя[6]) отдаю мене пилно (вполнѣ) благодѣтелствующой вашой княжой велможности приязнѣ. З Глухова, Ноевріа 9 д. року 1682.

Вашой княжой велможности зычливый приятель и служити готовъ.

Іванъ Самойловичъ, Гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Велце дякую за тую любовную и благодѣтелную вашой княжой милости приязнь, же изволяешь о всякихъ повоженяхъ[7]) мене увѣдомляти, якъ то и теперь при докончены листа моего любовное велможности вашой ознайменье принолемъ, чого сердечне тѣшуся и много на той мелости вашой княжой велможности дякую; а поневожъ[8]) достатечне увѣдомляюся, же ихъ царского пресвѣтлого величества ратные люде стрѣлецкого строю приказы по указу монаршомъ двигнены (двинуты) з Москвы до сихъ мѣстъ украинныхъ, и три въ Калузѣ, а три

---

[1]) Удобные.
[2]) Жертвую.
[3]) Сила.
[4]) Соизволь.
[5]) Можно подняться.
[6]) Мы взяли на себя увѣдомленіе.
[7]) О всякихъ важныхъ предметахъ.
[8]) Такъ какъ.

на Тулкой дорозѣ полки найдуючися маютъ [1]) свой сюда учиниши поспѣхъ, теды я, яко вѣрный ихъ царского пресвѣтлого величества подданый и зычливый твоей велможности приятель зычливого зданя моего предложенье твоей велможности засылаю, а быс своимъ высокимъ разумомъ запобѣллъ [2]) тому, чтобъ оные въ Малую Росию и до Сѣвска не скорили, кгды жъ теперь хвала Богу не оказуется, такая кгволтовная [3]) тутъ поспѣху ихъ потреба (необходимость), здается мнѣ, же пристойне бѣ ихъ поодному приказу въ мѣлшіе (мелкое) мѣста въ Трубческъ, въ Бронескъ, въ Беліовъ, въ Калугу, въ Корачевъ и въ иное якое мѣсто до времени роспорядити для всякого дѣла, же бы оные оподаль собѣ троха отпочнули, (подольше немного отдохнули) однаково и въ тыхъ мѣстахъ зостаючи, розголосятся всюда з своею готовостю; затымъ прошу унижоне милостивое любвѣ твоее, же быс мене и впередъ обсылалъ вѣдомости о всякихъ повоженяхъ (важныхъ повѣстяхъ); а якъ чуемъ и въ дорозѣ тая пѣхота несмирна, поневажъ въ Калузѣ що побронла, (нашумѣла) все теды до высокой вашой княжой милости уваги прекладаю.

Письмо гетмана Самойловича къ князю В. В. Голицыну о злоупотребленіяхъ переяславскаго полковника и Ясаула.[4])

И о томъ вашой княжой велможности, благодѣтелеви моему покорне доношу, же когда еще Коламаку послалъ Дмитрашко Райга наказного своего въ Переяславль, именно Харка Романенка, теды тотъ наказной его прибывши въ городы полку Переяславского, не ехалъ первѣе въ Переяславль, якъ належало для учиненя порядку, але обернулъся на села для рабунковъ, [5]) якимъ своимъ поступкомъ до грабленіа и инемъ учинилъ поводъ, за якимъ злымъ его початкамъ принемъ въ Переяславли и судю (судья) полкового человѣка доброго и войта на смерть побито, а потомъ за прибытьемъ въ полкъ тотъ Дмитрашка онъ наказный, учинившись полковымъ асауломъ, а маючи (имѣя) килко (нѣсколько) и братовъ собѣ раднихъ много починилъ [6]) обидъ тамошнимъ людямъ теперь теды по отъездѣ были по выправкѣ къ

---

[1]) Должны поспѣшить сюда.
[2]) Предупредивъ.
[3]) Сильная.
[4]) Малороссійскіе подлинные акты, 1684 г. въ Маѣ, № 453.
[5]) Разбоя.
[6]) Сдѣлалъ.

Москвѣ (передъ отправленіемъ въ Москву) Дмитрашка, полчане тыи Переяславскіе плачливе (горько) на того асаула скоржилися[1]) передъ мною, иже его Дмитрашко полковникъ поставилъ былъ по себѣ наказнымъ усиловне (усиленно) просили абы не былъ надъ ни(ми) старшимъ.

Я теды запобѣгаючи (озабочиваясь) тому, чтобъ межи тыми побережними людми не чинилася прикрость (несправедливость) велѣлемъ того асаула отъ наказного полковництва отставити, а наставити доброго и цнотливого (заботливаго), человѣка Якима Головченка тамошнего жъ обивателя, якій былъ оборній, (лучшій) ате тошъ Романенко асаулъ и бивый наказный сѣялъ плевелы и вкидалъ расколніи рѣчи межи тамошнеи люде, теды просилемъ думного дворянина и воеводы Переяславского Василія Никитича Тарбѣева, абы велѣлъ принятн его за карауломъ (взять надо подъ стражу) у Верхній городъ. Тыи теды Переяславскіе полчане заносятъ нынѣ плачливыи супликн (жалобы) и на самого Дмитрашка, же за малій часъ тое зимы на разныхъ мѣстцахъ выдралъ у людей на осмнадцеть тисячей злотихъ грошей и многими своими суровствами учинилъ имъ немѣрніи обиды, чимъ обтяжены (обременены) будучи просятъ усиловне, абымъ (чтобы) имъ нынѣшнего наказного учинилъ имъ полковникамъ совершеннимъ (настоящимъ); а если бы мѣлъ далѣй надъ ними Дмитрашко[2]) полковникovати, то врознь розбристися хочутъ; о томъ про то я вашой княжой велможности доносячи и о докладе великимъ государемъ и великой государынѣ того просячи, ожидаю себѣ милостивого вашой княжой велможности наставленя, якъ бымъ въ томъ дѣле поступити моглъ.

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ кн. В. В. Голицыну о бывшемъ у него совѣщаніи съ окольничимъ Неплюевымъ[3]).

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича, всея велекіа и малыя и бѣ-

---

[1]) Жаловались.

[2]) Дмитрашка Райгъ, см. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 396, 397, 415. Соловьевъ Ист. Россіи, Ш, 358, 374, 1004, 1013, Акты юго-западной Россіи. Томъ XIII, 4, 8, 23, 55, 63—65, 91, 106, 374, 443.

[3]) Малороссійскіе подлинные акты, 1686 г., Января 27. № 483.—Письмо написано незадолго до заключенія вѣчнаго мира съ Польшею. Окольничій Леонтій Неплюевъ, сѣвскій воевода, вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ въ 1689 г. подвергся опалѣ, какъ приверженецъ царевны Софьи и сосланъ въ Пустозерскій острогъ.

лыя Росіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества царственныя болшіа печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому, князю Василію Василіевичю Голицыну, моему велце ласковому пріятелю и благодѣтелю челомъ бю.

По указу великихъ государей и сестры ихъ великой государынѣ благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, ихъ царского пресвѣтлого величества былъ у мене въ Батуринѣ для ихъ монаршихъ дѣлъ ближный околничый и воевода Сѣвский и намѣстникъ Карачевский Леонтий Романовичъ Неплюевъ, о которыхъ то монаршихъ дѣлехъ я монаршую ихъ царского пресвѣтлаго величества исполняючи волю пространно разсуждалъ з нимъ и совѣтовалъ и что къ цѣлости преславныхъ ихъ царского пресвѣтлого величества государствъ належитъ, о томъ частью статями, а частью и словесно зданя моѣ (разсужденіе) з истинное вѣрности подданнское зложеныи злецилемъ [1]) емужъ ближнему околничому донести до пресвѣтлого ихъ царского превысокого величества престола, о чомъ всемъ з тогожъ донесенья вашой княжой велможности будетъ въ конецъ вѣдомо. А я все тое покорне подлагаю подъ премудрое и превысокое монаршое ихъ царского пресвѣтлого величества разсмотрѣніе и въ благосовѣтствующое вашой княжой велможности разсужденіе, готовъ будучи во всемъ з войскомъ Запорозкимъ монаршое ихъ великихъ государей исполняти повелѣніе. Тутъ прошу и вѣрне совѣтую вашой княжой велможности, що колвекъ [2]) около миру з поляками и о прочихъ завзятостехъ (важные предметы) трактоватися будетъ, себы тое за великую тайну въ великомъ было соблюденіи, жебы на иншую сторону жаднымъ способомъ не вынеслося, при семъ добраго здравіа и желателнаго во всемъ благополучія вашой княжой велможности въ премногіе лѣта отъ вседавца Бога всеусердно зычу (пользоваться прошу). З Батурина, Іунаарія 26 д. року 1686.

Вашой княжой велможности зычливый пріятель и служити радъ.

Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

---

[1]) Поручивъ передать въ словахъ.

[2]) Совѣтую, если будутъ вестись переговоры съ поляками относительно мира, то чтобы они сохранялись въ большой тайнѣ.

Листъ гетмана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ съ благодарностью за присылку къ нему лѣкаря Романа Николаева *).

Божіею милостію пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшымъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софьи Алексѣевнѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимерскимъ, Новгородскимъ, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Волинскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и іныхъ, государемъ и великимъ княземъ Новогорода Низовскіе земли, Чернѣговскимъ, Резанскимъ, Полоцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ, Вптепскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелѣтелемъ и государемъ Иверскія земли, Карталинъскихъ и Кгрузинскихъ царей и Кабардинское земли Черкасскихъ и Горскихъ князей и іныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ Вашему царскому пресвѣтлому Величеству.

Иванъ Мазепа Гетманъ з войскомъ Вашего царскаго пресвѣтлого величества Запорозскимъ падъ до лица земли предъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества Маестатомъ у стопы ногъ монаршихъ смиренно челомъ бю. Сердцемъ и душею долженъ есмъ всегда приносити вамъ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ и великой государынѣ Вашему царскому пресвѣтлому величеству достодолжное подданское благодареніе и наинизшое челобитье, за тое Ваше царское пресвѣтлого Величества предоброе и премилосердное монаршое призрѣніе, что Вы великіе государи и великая государиня о моемъ худого чловѣка подданого и наинизшого слуга своего здоровью милостивое и премилостивое свое имѣючи попеченіе, изволили для поратованая оного прислати лѣкаря Романа Николаева, котораго я нинѣ отпускаючи къ Москвѣ подъ ноги пресвѣтлого и превысокого Вашего царского пресвѣтлого Величество престола, покорне упадаючи премного

*) Малороссійскіе подлинные акты 1688 г., Января 21, № 503. См. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, част. 3, стр. 10.

о семъ Вамъ великимъ государемъ и великой Государинѣ челомъ бю, и вѣрними радѣніями моими, поколь здоровя и живота моего станетъ щядячи и крове моей служити вашему царскому пресвѣтлому величеству долженствую, з чимъ, яко наипокорнѣй и зиваючися поручаю мене милостивой и премилостивой вашего царскаго пресвѣтлаго величества благостинѣ. З Батурина Генваря 21 року 1688.

Вашего царского пресвѣтлаго Величества вѣрный подданый и наинижайшій слуга Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царскою пресвѣтлаго величества Запорожскаго.

Письмо гетмана Ивана Мазепы къ кн. В. В. Голицыну о полученныхъ доносахъ, касательно сношеній Полуботка съ крымскимъ ханомъ.[1]

И о тотъ покорне доношу вашой княжой вельможности, же Васили Искрицкий з стороны Польское тутъ побывалый, которого я по указу монаршому ихъ царского пресвѣтлого величества уже назадъ 10 д. февруаріа, выпревелъ,[2] говорилъ мнѣ словесно, же гетманъ коронный Станиславъ Яблоновский приказалъ ему донести мнѣ о Леонтію Полуботку, что если таковыхъ людей ховати (прятать) по волѣ, то не можетъ будто состоятися всенародный покой. А якобы есть у его, гетмана коронного писма рукою Полуботковою писаныи до Хана Крымского, черезъ которыи будто онъ Полуботокъ въ нѣкоторыи з ханомъ вступалъ совѣты, о чомъ и Яковъ Глуховецъ отъ его-жъ гетмана коронного словесно мнѣ вкратцѣ доносилъ. Любо теды, якъ по Якововой Глуховцевой мовѣ[3], такъ и по его Искринцкого донесенью безъ явственныхъ доводовъ нѣлзе вѣрити, абы Полуботокъ таковыхъ срашныхъ и на главу свою огненосныхъ рѣчей важился; Яковъ безъ оказанья таковыхъ писемъ и принятися за него трудно, однакъ я черезъ сюю цедулу мою по должности доношу о томъ вашой княжой велможности, и если надобѣ тое донесенье пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ и великой государинѣ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству донести, и якимъ способомъ, если чрезъ резидента[4] ихъ монаршого или чрезъ кого иншого о томъ достатечное

---

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Февраль № 513.

[2]) Отправилъ.

[3]) По словамъ.

[4]) Посолъ и вообще важный чиновникъ, королевскій или императорскій.

истоты[1]) довѣдатися, тое премудрой вашой княжой велможности полецаю[2]) увозѣ.

196-го, февраля въ 27 д. писмо гетмана Мазепы прислано къ боярину въ листку по извѣщенію Искритцкого о Полуботкѣ Леонте какъ наказано сказать отъ Яблоновскаго гетмана Корунного.

Письмо гет. Ив. Мазепы къ Голицыну о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень и о выведеніи казаковъ съ острова Кодака.[3])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и послѣдниковъ и государей и обладателей іхъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ, ясневелможному князю Василію Василіевичю Голицину царственныя болшыя печати и государственныхъ великихъ и посельскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, мосму велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелеви зычливое мое и всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

Посылаючи з умыслу (нарочнаго) слугу мого Івана Быстрицкого къ царствующому великому граду Москвѣ, отдаю мое низкое чолобитье вашой княжой велможности, милостивому моему благодѣтелю, зычу всеусерднымъ желаніемъ, дабы всесоздател Богъ вашу княжую велможность въ добромъ здравіи и благополучномъ пребываніи сохранялъ божественною своею милостію въ премногіе лѣта. Прошу покорне вашой княжой велможности, изволь мене ховати въ непремѣнной своей благодѣтелской милости, которой отдаю мене покорне з низкими услугами моими навсегда. З. Батурина марта 24 року 1688.

Вашой княжой велможности всего добра зичливий (искренній) приятель и низкій слуга

---

[1]) Если я узнаю настоящую правду.

[2]) Сообщу на ваше усмотрѣнье.

[3]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Марта 24. № 518.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого. величества Запорожского.

Писано ко мнѣ отъ вашей княжой велможности, благодѣтеля моего, же для выгоды моее и для поратованя (возстановленіе) особъ при мнѣ будучихъ здоровя, мѣлъ поспѣшити вскорѣ ко мнѣ лѣкарь Романъ Николаевъ, але оного до сего часу нѣтъ, покорне теды прошу вашой княжой велможности, изволь росказати оного выслати ко мнѣ, такъ же бы и въ походѣ военномъ оный при мнѣ найдовался. А если тотъ сюда ѣхати не похочетъ, теды изволь ваша княжая велможность по благодѣтелской своей милости иного способного и искусного человѣка обыскати велѣти и прислати.

Походъ подъ Казикерманъ [1]) премочною монаршою ихъ царскою пресвѣтлого величества волею назначенный, яко есть дѣло великое, такъ мы зъ околничимъ его милостью Леонтіемъ Романовичемъ и з думнымъ дворяниномъ и воеводою Григоріемъ Ивановичемъ перше (сперва) въ Батуринѣ, а потомъ теперь въ Глуховѣ мусимъ [2]) о томъ обширне говорити, разъсужаючи, якъ бы могло быти оное зъ пожиточнымъ (наивозможнѣйшимъ) совершенствомъ, что убо з нашого розговору и обрады сполное заслушную рѣчь (обсужденіе будетъ заслушано) быти окажется, о томъ статями великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству черезъ умыслного посланного нашого будетъ извѣстно.

З Кадацкого острова [3]) прибылъ ко мнѣ Опашенское сотнѣ писаръ з таковымъ листомъ, же оный на томъ островѣ будучы и люде одны од дня святого Михаила, а другіе отъ праздника Рождества Господня на службѣ монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества найдуючися з голоднѣли [4]) и просятъ мене, абы ихъ оттоль зведено. Я теды уважаючи, же тое острова оного мѣстце въ наступаючой веснѣ и въ наступачомъ лѣтѣ за розлитьемъ водъ можетъ быти крѣпко, позволелъ тымъ упрацованнымъ (истомленный) людемъ, оставивши триста человѣка для береженя монаршихъ хлѣбныхъ запасовъ, зыйти въ домы свои, о чемъ я до великихъ государей и великой государинѣ ихъ царского пресвѣтлого величества нынѣ въ листѣ моемъ выписую. А що тотъ писарь Опошенский принесъ з то Кодацкого острова вѣстей и який чрезъ него о скудости [5]) людей полку Годяцкого писанъ листъ тую повѣсть и листъ посѣлаю я до вашой княжой велможности.

---

[1]) Казыкермень—городъ на Днѣпрѣ, находившійся въ турецкомъ владѣніи.

[2]) Должны были.

[3]) Кадыкъ—островъ на Днѣпрѣ.

[4]) Истомились.

[5]) Обѣднепія.

Письмо Мазепы къ кн. В. В. Голицыну о глуховскомъ жителѣ Аѳанасьѣ Заруцкомъ, отправляющемся въ Москву для испрошенія позволенія напечатать составленную имъ книгу. [1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великой государини благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и болшого полку дворовому воеводѣ, ясне-вельможному князю Василію Василіевичу Голицину, царственныя болшія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему, велце ласковому господину и милостивому благодѣтелеви зычливое мое и всякихъ благъ сприяючое полное препосилаю поздоровленіе.

Афанасий Заруцкий, житель Глуховский, тщаніемъ своимъ якъ змогъ подлугъ (при помощи) разума своего составивши книжицу на похвалу превисокого имени пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшыхъ великихъ государей и великой государыни благовѣрной царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества и на розширеніе славы всего ихъ монаршого Російского царствія, показовалъ мнѣ оную и просилъ велце (при этомъ), абы была тутъ въ Малой Россіи напечатана и свѣту оказана. Прето (въ слѣдствіе что) я, якъ жадныхъ (никакихъ) рѣчей, тутъ безъ волѣ и позволеня монаршого, ихъ царского пресвѣтлого величества не починаю, такъ и з тымъ составленымъ дѣломъ его Заруцкаго въ царствующій градъ Москву до вашой княжой вельможности посылаю. Где изволь ваша княжая велможность росказать разумнымъ и въ такихъ дѣлехъ искуснымъ людемъ пересмотрѣти и изслѣдити тоей написаной книжици, и если оная будетъ угодна премилостивой волѣ монаршой, ихъ царского пресвѣтлого величества, и вашой княжой велможности высокой увазѣ, то можетъ по томъ изслѣдованіи и напечатана быти. Ощо (еще) онъ своего приложитъ стараня тое до

---

*) Малороссійскіе подлинные акты. 1688 г., іюля, № 536.—Съ подобными просьбами обращались къ князю Голицыну, какъ къ покровителю просвѣщенія.

Афанасій Заруцкій См. Шляпкинъ стр. 204. Костомаровъ-Рунна томъ XVI, стр. 409.

ознаменя (пока узнаетъ) и высокой уваги (уваженіе) вашой княжой велможности подавши, полецаюся (льщусь) при томъ унижонимъ моимъ поклономъ звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина іюня 3-го року 1688-го.

Вашой княжой велможности всего добра зычливой проситель и низкій слуга.

Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Извѣстно вашой княжой велможности чиню, итъ (что) оную его книжку читалъ и исправлялъ мужъ мудрости полний, преосвященний архіепископъ Лазарь Барановичъ, и велце залецалъ (полюбилъ) и хвалилъ, и до мени о томъ писалъ и инніі мудріі люде похвалили. Еднакъ же (къ тому же) просилъ онъ мене Аѳанасій Заруцкий, абы прежде вашой княжой велможности подалъ пункта (справку), о чомъ тая книжка буде написана, которие я до вашой княжой велможности одсилаю; а онъ тамъ имѣе воскорѣ лѣтописцовъ писанихъ изслѣдовати, жеби в чомъ у своей книжцѣ не погрѣшилъ, прошу теды вашой княжой велможности, благоволи оному краткий часъ исслѣдовати лѣтописцѣ, а онъ тую свою книжку, якъ наискорѣй вашой княжой велможности подастъ исправивши. Видячи я немалую працу (работу) Аѳанасии Заруцкого въ начертаню книжици ко прославлению маестату ихъ царского пресвѣтлого величества и вашой княжой велможности, теди в нагороду тихъ его працъ, а до другихъ добрихъ дѣлъ повабляючи найменовалемъ ему дати село Чорторию; еднакъ же просилъ онъ мене, аби до вашой княжой велможности причинилъся за нимъ, аби ему ко лучшей крѣпости грамота дана била государская на тое село по милости государской и по ласцѣ вашой княжой велможности, бю теди чоломъ вашой княжой велможности, покажи милосердіе свое надъ нимъ, бо кгдижъ (потому, что) любъ онъ есть молодъ лѣтами, еднакъ же залѣцаю я оного вашой княжой велможности, ижъ барзоцнотливе (покорный) и богоугодно живе и въ науцѣ книжной есть глубокъ досконалий, щобъ ему било з чого службу имъ великимъ государемъ служить, умилосердися надъ нимъ.

Письмо Мазепы къ кн. В. В. Голицыну съ благодарностью за ходатайство о присылкѣ къ нему лѣкаря во время военнаго похода.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алек-

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г., Октября 3, № 562.

сѣевича и великіе государыни, благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и намѣстнику Великопермъскому, велможному князю Алексѣю Василіевичю Голицыну, моему велце ласкавому господину пріятелю и благодѣтелю зычливое мое и всякихъ благъ спрыяючое препосылаю поздоровленье.

Отпускаючи з Батурина лѣкара Романа Николаевича, отдаю низкій мой поклонъ вашой княжой велможности, а яко благодѣтелеви моему милостивому отцу вашой княжой вельможности такъ и самому вашой княжой велможности челомъ бю и всеусердно благодарствую, что вашой княжой велможности предстателствомъ изволили пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи и великая государыня, ихъ царское пресвѣтлое величество повелѣли отпускати лѣкаря человѣка добраго и выгодного ко мнѣ ку подпорѣ моего здоровя, прошу и впередъ благодѣтельской милости, изволте ваша княжая велможность милостивымъ своимъ предстателствомъ еднати [1]) превысокую и премилосердную монаршую милость, дабы и на пришлолѣтный военный походъ онъ пречоный лѣкарь ко мнѣ былъ отпущенъ, въ чомъ на премилосердную монаршую милость надеженъ будучи, отдаюся благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина октоврія 3 д. року 1688-го.

Вашой княжой велможности всего добра упрейме зычливый пріятель и слуга

Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Гетмана Ивана Мазепы объ отправленіи въ Москву татарскихъ плѣнныхъ, о своихъ сношеніяхъ съ запорожцами и о разныхъ дѣлахъ, касающихся Малороссіи.[2])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государини, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ

[1]) Снискать.

[2]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Ноября 3, № 572.

и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицину, царственныя болшыя печати и государственныхъ великихъ и поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину и милостивому благодѣтелеви зычливое и всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

О прибытю ко мнѣ въ Батуринъ Запорожцовъ и Переяславского полку козаковъ з татарскими языками пишу я листъ мой до пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великой государинѣ благовѣрные царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества, который то листъ мой и повѣсти тыхъ татарскихъ языковъ черезъ умыслного (нарочнаго) гонца моего Ивана Бустрицкого наскоро посылаю въ царствующий великий градъ Москву, з якого моего листа и з повѣсти оныхъ бесурманскихъ языковъ о всемъ донесеню моемъ достатечне вашой княжой велможности, милостивому моему благодѣтелеви будетъ вѣдомо; тутже покорне доношу, же з Коша (сѣчи) атаманъ Кошовый и всѣ Запорожцѣ допрошуются у мене и многократне докучаютъ, же бымъ имъ за два роки[1]), за прошлый и за нынѣшный по пятсотъ бочокъ борошна[2]), то есть за два годи тисячу бочокъ одослалъ на кошъ подводами, что учинити теперь велце трудно за бездорожемъ нинѣшнымъ. А донесено мнѣ вѣдати и тое, же они Запорожци з Коша, якъ конѣ свои, которыи іменуютъ быти войсковыми арматними[3]) по прошлорочному обикновенію прислати въ городи рейменту моего для прокормленія маютъ, такъ и сами комонникомъ для всеживленья своихъ коней сюда жъ прибыти хочутъ, которыи особливую нанесутъ посполитимъ людемъ тягость, опрочъ полковъ комонныхъ[4]) и пехотныхъ охотницкихъ, которыи подъ ментомъ (управленіемъ) моимъ гетманскимъ, а вше знайдуются, зачимъ прошу покорне вашой княжой велможности, изволь милостиво, яко оборошной томъ, такъ и о конехъ ихъ Запорожскихъ, также и о томъ, что на станцію комонно Запорожци на зиму прійти хочутъ, донести имъ великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ

---

[1]) Года.

[2]) Пиво.

[3]) Артиллерійскаго.

[4]) Мнѣ донесено, что изъ Сѣчи хотятъ прислать лошадей, называемыхъ ими войсковыми, артиллерійскими, и сами на коняхъ хотятъ прибыть сюда для поправки лошадей, что съ конными и пѣхотными полками, находящимися подъ моимъ гетманскимъ управленіемъ, доставитъ большое отягощеніе крестьянамъ.

царскому пресвѣтлому величеству, да бых мѣлъ о томъ преможный милостивый ихъ монаршый указъ, если мнѣ вѣрному ихъ царского пресвѣтлого величества подданному исполнити тое ихъ Запорожцовъ желаніе; а тое покорне докладаю вашой княжой велможности, же и передъ симъ за прошлыхъ гетмановъ они запорозци тыи свои арматныи конѣ сюди на зиму присиловали (тѣхъ своихъ артиллерійскихъ коней сюда на зиму присланы) и покозовано было тимъ конемъ прокормленіе. О указъ про то монаршый о семъ и повторе унижоне просячи, отдаю мене звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности милостивай ласце. З Батурина ноеврія 3 дня, року 1688.

Вашой княжой велможности звечливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Тутже посылаю писмо з мѣстечка переволочной отъ дозорци моего млынового о Запорозскамъ нынѣшнемъ поведеніи, ко мнѣ писаное, въ которомъ доложено, же въ Казикерменѣ городку Турецкомъ на Днепрѣ будучомъ, новый сталъ (назначенъ) бей и подкинено писмо Запорожцомъ, чтобъ они з нимъ новымъ беемъ помирилися, на якую прелесть Запорожцѣ не склонилися.

Тутъ же покорне упрошаю Вашой княжой велможности о милостивое благодѣтелское себѣ наставленіе, если минѣ з тыхъ полковниковъ, которые въ томъ военномъ походѣ обрѣтаются, за прибытемъ сюда въ Батуринъ оныхъ з тоею о ихъ промыслѣ вѣдомостю и з языкомъ, если якій будетъ посылати якого до царствующаго великого града Москвы, или чрезъ почту ихъ царскому пресвѣтлому величеству, учинити о томъ донесенье; а имена тыхъ полковниковъ въ томъ же въ листѣ суть изображены, який я посылаю до вашой княжой велможности.

Посылалъ я з умыслу въ Полскую державу тайно человѣка для провѣдованья тамошнего повоженъя, особливе хотячи вѣдати о роспущеніи з обозу войскъ полскихъ и где бъ власне охотныхъ козаковъ полки з Могилою и з Палѣемъ*) обернутися мѣли. Який мой посыл-

*) Палѣй—казацкій полковникъ, правитель правобережной Украйны, принималъ видное участіе въ событіяхъ исторіи Малороссіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Во время великой сѣверной войны былъ обвиненъ Мазепой въ тайныхъ сношеніяхъ съ Карломъ XII и сосланъ въ Енисейскъ. Освобожденъ Петромъ послѣ паденія Мазепы.

щикъ, будучи въ городахъ державы полское, повернулся ко мнѣ, и що въ роспросѣ сказалъ, тое я на особливый напѣръ написати велѣвши, посылаю тыи распросныи рѣчи тутже до вашой княжой велможности, и если тое великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству годно донести, премудрому полецаю вашой княжой велможности разсмотренію.

Еще и отомъ писали ко мнѣ атаманъ кошовый и всѣ Запорожци, а бымъ имъ прислалъ гроши з приходовъ Переволочанского перевозу прибраные, (чтобы я имъ прислалъ деньги, поступившія въ доходъ съ Переволоч. перевоза) якого то перевозу по приказу моемъ черезъ тое лѣто доглядали сотникъ и атаманъ тамошніе жъ Переволочанскіе, которымъ тотъ доглядъ я приказалъ лѣти для лучшое имовѣрности, (которымъ я приказалъ имѣть тамъ подзоръ для большой вѣрности) отколь онъ сотникъ и атаманъ ознаймили [1]) мнѣ, же з тыхъ перевозныхъ приходовъ зобралося грошей чеховое монети на чотириста рублей. Прошу про то покорне вашой княжой велможности, изволь благодѣтельскимъ своимъ предстателствомъ великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству о семъ донести и зедняти [2]) мнѣ милостивый ихъ монарший указъ, если тыи з пречоного перевозу зборнии гроши одослати имъ Запорожцомъ.

Войско рейменту моего, которое з полковниками охотницки Іеліею Новицкимъ и иными за реку Днѣпръ и за рѣку Богъ для чиненья надъ неприятелями промыслу посылалемъ, поворочается уже назадъ. О якомъ поворотѣ який мнѣ отъ оныхъ полковниковъ з дороги при выправѣ сего къ Москвѣ посылщика моего подано листъ, тотъ посылаю тутъ же къ вашой княжой велможности и вократцѣ доношу, же любо непріятели бесурмане въ городѣ Очаковѣ о походѣ того войска провѣдали и остереглися, однакъ помощію Божіею святобливымъ [3]) великихъ государей нашихъ и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ, ихъ царского пресвѣтлого величества щастьемъ тыи войсковыи люде отважне денъною порою подъ городъ оный пришодши, непріятелей за валы городовыи и на отпоръ выйшойшихъ [4]) боемъ наступателнымъ въ замокъ калконый (?) угнали и два посады подъ тымъ замкомъ камянимъ у валахъ земляныхъ будучиі взяли и всѣ набытки [5]) з нихъ выбравши,

[1]) Оповѣстили меня.
[2]) Прислать.
[3]) Благочестивыхъ.
[4]) Вышедшихъ.
[5]) Пожитки.

поселеніи до конца и хлѣбы всѣ выпалили. И тамъ же недалеко Очакова въ полю купу (шайку) татарскую з войны з Венъкгерское землѣ з ясырами до Криму поворочаючую розгромили и ясыри душъ христіянскихъ свободили, о чомъ впередъ великимъ государемъ и великой государинѣ ширшое[1]) покорне за прибытьемъ ко мнѣ полковниковъ оныхъ учиню донесенье.[2])

Доносилъ мнѣ многократне черезъ свои писма Киевский полковникъ Костанътинъ Солонина,[3]) же въ мѣстечку Моравску маетности преосвященънаго митрополита Киевского мешкаючимъ (живущимъ) козакомъ отъ чернца приказного (монахомъ, бывшимъ приказнымъ чиновникомъ у митрополита) великіе дѣются обиды и тяжести, по якомъ доношенъю я многократне писалъ до преосвященнаго митрополита просячи, абы приказному чернцеви своему приказати изволилъ не чинити обидъ и тяжестей козакомъ оным. На якіе мои прошенія онъ преосвященный митрополитъ своему приказному чернцеви заказу о томъ чинити не изволилъ и тотъ чернецъ въ своемъ суровствѣ противу козаковъ паче первое своее завзятости простерлъся, (пошелъ дальше первой своей жестокости) черезъ что козаки не могучи з нести обидъ своихъ и не хотячи покинути своихъ домовыхъ поселеній, мусѣли на тое позволитися, же всѣ огуломъ поддаются въ подданство или крестіянство ему преосвященъному отцу митрополиту. А всѣхъ ихъ козаковъ сто и тридцеть человѣка подъ сотникомъ тамошнымъ найдовалося. Если теды подъ часъ нынѣшнее по указу ихъ царского пресвѣтлого величества з неприятелями бесурманами отправуючоеся войны можно мнѣ допустити (можно ли мнѣ допустить, чтобы во время войны) з реестру войскового по такомъ многомъ числѣ казакамъ выписоватися, прошу о томъ покорне вашой княжой велможности, милостивого моего благодѣтеля, извѣстно волю монаршую знаючого, и о семъ донести могущаго милостивого наставленія. А якіе ко мнѣ о тыхъ обидахъ козацкихъ пречоный полковникъ Киевский писалъ листи, тыи посыляю тутъ же въ приказъ Малыя Россіи для вѣдома вашой княжой велможности.

---

[1]) Болѣе обширное.

[2]) Между 1-мъ и 2-мъ крымскимъ походомъ казаки имѣли постоянныя стычки съ татарами и, какъ видно изъ донесеній Мазепы, одерживали надъ ними побѣды.

[3]) Солонина, кіевскій полковникъ.—Былъ въ числѣ доносчиковъ на гетмана Ивана Самойловича во время 1-го крымскаго похода.

Соловьевъ. Исторія Россіи томъ XII „стр. 1008.

См. Костомарова. Руина, томъ XIV, стр. 275.

Акты Юго-западной Россіи, томъ 13 стр. 54, 499, 504, 538, 607, 610, 411, 450, 448, 449, 751, 753.

Листъ гетмана Ивана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ объ учиненномъ розыскѣ, касательно извѣта въ измѣнѣ Переяславскаго полковника Леонтія Полуботка.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшымъ державнѣйшимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичу, Петру Алексіевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимирскимъ, Новгородскимъ, царемъ Козанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибирскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Волынскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и иныхъ государемъ и великимъ княземъ Новагорода Низовское земли, Чернѣговскимъ, Резанскимъ, Полоцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ, Витепскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелителемъ и государемъ Іверскія земли Корталинскихъ и Крузинскихъ царей и Кабардинское земли Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ, вашому царскому пресвѣтлому величеству.

Іванъ Мазепа з войскомъ вашего царского пресвѣтлого величества Запорозкимъ падъ до лица земного предъ пресвѣтлымъ вашого царского велнчества престоломъ у стопы ногъ монаршихъ смиренно чоломъ бю. По преможномъ монаршомъ вашего царского пресвѣтлого величества указу и по вашой монаршой поважной грамотѣ зрозумѣвши я думного дворянина и воеводы Переяславскаго и намѣстника Углецкого Василія Даниловича Мясново, до васъ великихъ государей и великой Государини о бывшомъ Переяславскомъ полковнику Леонтію Полуботку учиненное донесене, что будто онъ Полуботокъ вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ, будучи на военной службѣ, изменялъ, велѣлъ его бывшого Переяславского полковника Леонтія Полуботка з Чернѣгова и тыхъ людей, что на него передъ думнымъ дворяниномъ и воеводою Переяславскимъ о измѣне чинили извѣтъ, з Переяславля зыскати в Батурымъ и тутъ судомъ войсковымъ енералнымъ по войсковыхъ нашыхъ правахъ и обыкновенію учинити о томъ розыскъ, что теды

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Декабря 31, № 578.

з очныхъ ставокъ по доводахъ розыскано, того всего учинена есть запись, которую то запись я для вѣдома вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ, вашому царскому пресвѣтлому велпчеству нынѣ при семъ моемъ листѣ посылаю и прошу покорне милостивого вашего царского пресвѣтлого величества указу, якъ тое дѣло имѣю вершити; а я тутъ покорне докладаю, же яко по сихъ свѣдоцтвахъ не довелася на пречоного Леонтія Полуботка въ извѣтахъ описаная вина*), такъ отпустилемъ его з Батурина въ Чернѣговъ безъ задержаня, жебы тамъ жилъ въ дому своемъ, такожъ и людей Переяславскихъ въ домы ихъ отпустилемъ. При семъ яко наипокорнѣй оддаюся милостивому вашого царского пресвѣтлого величества призрѣнію. З Батурына декавр. 31 д. року 1688.

Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданный и наинижайший слуга

Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества Запорожского.

*) Что, такъ какъ по этимъ свѣдѣніямъ вина его не подтвердилась.

ПИСЬМА, НЕ ПОМѢЧЕННЫЯ ОТДѢЛЬНО ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ.

Письмо боярина кн. В. В. Голицына къ гетману Ивану Самойловичу съ просьбою о покровительствѣ посланному на службу въ Нѣжинъ воеводою думному дворянину.*)

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского величества царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, ближней бояринъ и намѣстникъ Новгородцкой князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Великихъ государей нашихъ, ихъ царского величества подданному войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Самойловичу любезному моему пріятелю и брату.

По указу великихъ государей нашихъ, ихъ царского величества, посланъ на ихъ царского величества службу въ Нѣжинъ воеводою думной дворянинъ и намѣстникъ Кашинской Иванъ Богдановичъ Ловчиковъ, о чемъ прошу твоей брата моего любви, буди къ нему по обыклому своему пріятству любовенъ, а и я съ своей стороны такою жъ должностію въ желательствѣ твоемъ обовязуюся. Засимъ предаю тебя пріятеля и любезного брата Господу Богу въ сохраненіе и желаю доброго здравія на многія лѣта. Данъ ихъ царского величества въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія мира 7194-го.

---

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1686 г., прежде сентября № 24.

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ В. В. Голицыну съ благодарностью за благорасположеніе.[1])

Божіею милостью великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества, царственныя большое печати и государственныхъ великихъ посельскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому, его милости князю Василію Василіевичу Голицину, моему вельце ласкавому пріятелеви и благодѣтелеви зычливое мое препосилаю поздоровленье.

По великихъ государей ихъ царского пресвѣтлого величества указу, прибывши до мене столникъ Семенъ Ерофѣевичъ Алмазовъ при дѣлехъ монаршыхъ и при милостивомъ ихъ великихъ государей словѣ, обявилъ мнѣ словесно великую любовь и неотмѣнную ласку и пріязнь вашой княжой велможности, ижъ ваша княжая велможность обѣцуешь прежде прореклую въ предыдучше часы (прежнее время) противко мене сохраняти щирость, (любезность) затое теды я велце вашой княжой велможности дякую и яко взаимне з моею пріезнюю до вашой княжой велможности отзываюся, такъ и зычу, добы ваша велможность въ премногие лѣта заживалъ желаемой щасливости, а ховалъ мене въ своей благодѣтелствующей ласцѣ, которой и на сей часъ отдаю мя приязливе. З Глухова іюня 21 д. року 1684.

Вашой княжой велможности зычливый пріятель и служити готовъ Іванъ Самойловичъ гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ князю Голицыну съ благодарностью за содѣйствіе къ пожалованію ему деревень въ вотчину.[2])

Божіею милостью великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1684 г., іюня 21, № 456.

[2]) Малороссійскіе подлинные акты, 1685 г. іюня 23, № 469.

западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества царственныя болшоя печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому князю Василію Василіевичу Голицину, моему велце ласковому господину пріятелеви и благодѣтелю зычливое мое препосылаю поздоровленье и чолобитье.

О дѣлехъ великихъ государий нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества черезъ ближнего околничого и воеводу Сѣвского и намѣстника Карачевского Леонтія Романовича Неплюева мнѣ предложеныхъ совершенное я принялъ извѣщеніе, на которіе дѣла я по моей должности мое покорное донесенье черезъ егожъ пречечоного околничаго до пресвѣтлого престола монаршого статями выписую, о которыхъ вашой княжой велможности всѣ ихъ монаршіи поважніи дѣла во исправленіи своемъ имѣю, чому будетъ вѣдомо. А же ваша княжая велможность по великой своей благодѣтелской ку мнѣ любовѣ и благостинѣ своимъ поважнымъ (вліятельнымъ) предстателствамъ особный милостивый изволилъ исходатайствовати мнѣ монарший указъ, який я якъ з устной пречечоного околничого мовы (рѣчи), такъ и з выразного (яснаго) вашой княжой велможности листа виразумѣлъ и отобралъ, что великіе государи наши, ихъ царское пресвѣтлое величество и сестра ихъ великая государина благовѣрная царевна и великая княжна Софѣя Алексѣевна милостиво и премилостиво призыраючи на мои подданскіи вѣрніи службы, изволили дати милостивого своего жалованя мнѣ и дѣтемъ моимъ, именно въ отчину певніи (нѣсколько) деревнѣ з землями и з усякими угодями въ Кромскомъ уездѣ въ Речицкомъ стану лежачіе, въ которыхъ найдуется крестянскихъ дворовъ пятдесятъ и два; и я тое благодарнымъ серцемъ принявшы, выписую мое имъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ благовѣрной царевнѣ належащое благодареніе и покорное челобитье въ статяхъ моихъ, а и вашой княжой велможности усерднымъ желателствомъ прошу велице, изволь мое покорное благодареніе, якое я покорнымъ чыню сердцемъ, донести имъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ благовѣрной царевнѣ. А особно чоломъ бю и низко кланяючися покорне дякую вашой княжой велможности, что по милостивому своему пріятству, истинною любовію прихиленъ ко мнѣ (склоненъ) будучи своимъ предстательствомъ до помочти (помочь) изволилъ къ поданію мнѣ того милостивого ихъ монаршого жалованя, а неточію въ томъ, но и во всѣхъ приключаючихся дѣлехъ изволяешь быти желательнымъ предстателемъ, за что я многократне вашой княжой велможности чоломъ бю и яко великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ служити

по моему обѣщанію долженъ есмъ, такъ и вашой велможности премногая благодѣянія въ многихъ случаяхъ мнѣ изъ явленная, всяко поволностю, услугою и отвряченьемъ возблагодарствовати обовязуюся. При семъ доброго здоровя и желаемое щасливости отъ всещедрое руки Всемогущого Бога въ премногіе лѣта зажывати (прожить) вашой княжой велможности усердно желаю и отдаю мене навсегда егожъ благодѣтелствующой пріязны и любовѣ. Данъ въ Батуринѣ 23-го іюня року 7685-го.

Вашой княжой велможносты зычливый пріятель и служити радъ.

Іванъ Самойловичъ гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Мазепы и Василія Кочубея къ князю В. В. Голицыну съ благодарностью за исходатайствованіе имъ царскихъ подарковъ.*)

Ясневелможный и преможный господине.

Князь Василій Василіевичъ, милостивый нашъ благодѣтелю.

Кромѣ жадныхъ заслугъ нашихъ, удѣлена (оказана) намъ превысокая и премилосердная монаршая ихъ царского пресвѣтлого величества милость, которую мы при боку вѣрного ихъ царского пресвѣтлого величества подданного, ясне велможного его милости пана гетмана, милостивого добродѣя нашего, убогие и непотребныи рабы, з рукъ ближнего околничого и воеводы Сѣвского Леонтыя Романовича Неплюева по двѣ пары соболей со страхомъ и радостию одобравши (получивши), яко вѣмы, что высокое то вашой княжой велможности у пресвѣтлого монаршого престолу справило (сдѣлано) намъ ходатайство, такъ симъ подлимъ листомъ нашимъ до вашой княжой велможности удаючися, покорственными и подъ ноги монаршие съ хиленими (склоненными) сердцами и душами нашими, имъ пресвѣтлымъ монархомъ и пресвѣтлой монархинѣ благодарствуемъ и многолѣтствыя желаемъ, а при томъ и вашей княжей велможности много всего добра зычачы, много челомъ бьемъ. З Батурина іюня 17.

Вашой княжой велможности желательніи рабы І. Мазепа. В. Кочюбей.

---

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1685 г. іюня 17. № 467.

Листъ Гетмана Ивана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, и Петру Алексѣевичу, и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, о бывшихъ у него переговорахъ съ стольникомъ Лызловымъ, присланнымъ изъ Москвы.*)

Божіею милостью пресвѣтлѣйшымъ и державнѣйшымъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимерскимъ, Новгородскимъ, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибѣрскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Валинскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и іныхъ государемъ и великимъ княземъ Новагорода, Низовское земли, Чернѣговскимъ, Рязанскимъ, Полотцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ, Вытенскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелѣтелемъ и государемъ Іверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинское земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и іныхъ многыхъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и Сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ, вашему царскому пресвѣтлому величеству.

Іванъ Мазепа, гетманъ з войскомъ вашего царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ, падъ до лица земли предъ пресвѣтлымъ вашего царского величества маестатомъ у стопы ногъ монаршыхъ смиренно челомъ бю. По милостивомъ монаршомъ васъ великихъ государей и великой государинѣ вашего царского пресвѣтлого величества указу, прибывши до насъ въ Батуринъ вашего царского пресвѣтлого величества посланый столникъ и Московскихъ ротъ Ротмистръ Андрѣй Ивановичъ Лызловъ подалъ намъ поважную вашу монаршую милостивое слово выражаючую грамоту, которое то милостивое ваше царского пресвѣтлого величества слово онъ и словесно мнѣ гетману, старшинѣ войсковой, полковникомъ и всему войску выразною статею выговорилъ и о вашихъ царского пресвѣтлого величества монаршыхъ дѣлехъ з наказу пространно объявилъ намъ.

Пре то за тую премилосердную вашу царского пресвѣтлого величества милость, что таковымъ милостивимъ изволили насъ обослати

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. мая 6, № 526.

поселствомъ, наинизшое наше подданское чинячи поклоненье, всепокорно вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ благодарствуемъ. А что о вашихъ монаршыхъ дѣлехъ з устъ его столника и ротмистра оказалося рѣчи, о томъ мы вкратцѣ написавши статьи, покорственно черезъ него жъ з донесенемъ нашимъ до вашего царского пресвѣтлого величества отзываемся, складаючи іное на словесное его столника и ротмистра донесенье. При семъ много покорственно вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ челомъ бючи, отдаюся премилосердной вашего царского пресвѣтлого величества благостинѣ. З Батурина мая 6 року 1688.

Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданый и наинижайший слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Мазепы къ князю Голицыну о бывшемъ въ Батуринѣ стольникѣ Лызловѣ и о происходившихъ съ нимъ переговорахъ.*)

Божіею милостию пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великіе государини благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярыну и намѣстнику Великопермскому велможному князю господину Алексѣю Васильевичю Голицыну, моему велце ласковому господину приятелю и благодѣтелю зычливое мое всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

З поворотомъ судьи нашого войскового енералного Михайла Вуяхевича поспѣлъ до насъ в Батурынъ наездъ старшины войсковое ихъ царского пресвѣтлого величества посланный столникъ и Московскихъ ротъ ротмистръ Андрѣй Ивановичъ Лызловъ, который при всемирной о воскресеніи Господнѣ радости зѣло насъ обрадовалъ милостивымъ монаршымъ ихъ царского пресвѣтлого величества словомъ; якая теды

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. мая 6. № 528.

у насъ з нимъ стольникомъ и ротмистромъ о дѣлехъ монаршыхъ была мова (разговоръ), о томъ едно з статейного моего писма, другое з устного его донесенья будетъ вашой княжой велможности извѣстно. А я при семъ за великую благодѣтелскую вашой княжой велможности милость, въ которой мене всегда содержати изволяешь, покорне за тое вашой княжой велможности челомъ бю, и той же благодѣтелской милости отдаю мене навсегда. З Батурина мая 6, 1688 року.

Вашой княжой велможности всего добра зычливый приятель и слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Ивана Мазепы къ боярину князю В. В. Голицыну, съ извѣстіемъ о своемъ выступленіи въ походъ изъ Батурина.*)

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыны благовѣрное царевны и великое княжны Софіи Алексѣевны всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многыхъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и болшого полку дворовому воеводѣ ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицину царственнія болшія печаты и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелевы зычливое мое и всякихъ благъ спріяючое засылаю поздоровлене.

Неменшою обдержимъ быхъ скорбію, же не моглемъ по указу великихъ государей и великой государины ихъ царского пресвѣтлого величества на назначеный срокъ рушитися въ походъ военный, яко теды прибытья ко мнѣ ратныхъ монаршихъ людей именно пѣхотныхъ полковъ выглядалемъ изоденне, такъ скоро оный въ Батуринъ іюня 13 день при були (прибыла), заразъ я іюня 14 день з Батурина рушилемъся, имѣючи неусипное тщаніе, дабы вѣрною моею службою исполнялъ монар-

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. іюня 14, № 537.

ший ихъ царского пресвѣтлого величества указъ, о чомъ извѣстно вашой княжой велможности учинивши, покорне прошу, обьемъ въ непремѣнной благодѣтелской вашой княжой велможности былъ хованый ласце, которой навсегда мене палецаю. З Пад-Конотопу іюня 14 дня, 7688 року.

Вашой княжой велможности всего добра зычливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Мазепы къ кн. В. Голицыну о посылаемыхъ въ Москву татарахъ, взятыхъ въ плѣнъ полкомъ Ильи Новицкаго.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государины благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ, ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицыну, царственныя болшія печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелеви низкое мое преносылаю чолобитіе.

Свѣжо теперь домене припроваженые отъ полковника Комонного Иляша Новицкаго[2]) языки татарскіе черезъ сотника его жъ полку з товариствомъ, которыхъ посылаючи я къ царствующему великому граду Москвѣ, где взяты и колко ихъ всѣхъ было, о томъ всемъ до ихъ царского пресвѣтлого величества въ моемъ листѣ выписалемъ, и що колвекъ

---

[1]) Малороссійскіе подлинные акты. 1688 г. октября 19, № 565.—Письмо написано послѣ 1-го крымскаго похода.

[2]) Илья Новицкій конноохочій полковникъ. См. Бантышъ-Каменскій Исторія Малой Россіи часть 1, 343 стр. Акты Юго-западной Россіи, томъ 13, 176 стр. 300—302, 672, 677, 712, 723, 734, 738, 754.

въ роспросе тутъ всѣ оны сказали, повѣсть (списокъ) ихъ на особливой картѣ выписавши послалемъ, з якого листу моего и повѣсти ихъ татарской вашой княжой велможности милостивому моему благодѣтелеви будетъ вѣдомо; а любо въ моемъ листѣ написалось, же чотирехъ языковъ посылается, еднакъ тилко трохъ послалемъ, а четвертый мусѣлъ тутъ остатися для того, же велми постреленъ есть въ ногу и теперь въ немъ пуля зостаетъ, котрого ледво живого сюда въ Батуринъ припровожено, а далей отнюдъ его неможная было проводить, зачимъ покорне прошу вашой княжой велможности, изволь по своей милости благодѣтелской въ томъ мене своимъ многомощнымъ предстателствомъ заступити у ихъ царского пресвѣтлого величества, же оставленъ оный з выше выражоное причины, о що и повторе (вторично) велце просячи, полецаюся (поручаю себѣ) затымъ звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина 19 октовріа року 7688.

Вашой княжой велможности зычливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

ПЕРЕПИСКА А. А. НЕВЕРОВСКАГО

Письма кн. В. О. Бебутова къ А. А. Неверовскому.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Съ вашимъ бывшимъ товарищемъ Николаемъ Ивановичемъ Карлгофомъ пишу нѣсколько словъ, чтобы напомнить вамъ мои выраженія въ предыдущихъ письмахъ къ вамъ изложенныя, дабы вы имѣли въ виду все то не могли ослабѣвать въ терпѣніи въ настоящемъ вашемъ положеніи, которое по доходящимъ до меня слухамъ, весьма незавидно; я здѣсь разумѣю положеніе вашего собственнаго лица и скорблю душевно*).

Человѣкъ благоразумный тревожится и даже боится до наступленія опасности, но когда она настала, тогда благоразуміе требуетъ твердости, терпѣнія и великодушія, для отклоненія или даже для совершеннаго уничтоженія грозящей опасности.

Благоразуміе и благородный характеръ вашъ не нуждаются въ постороннихъ совѣтахъ, но я, любя васъ и уважая, присвоилъ себѣ это право, за которое, надѣюсь, не посѣтуте на меня

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

14 Октября 1855. Тифлисъ.

---

*) Эти слова князя Бебутова сказаны Ал. Анд. Неверовскому по поводу различныхъ недоразумѣній и обострившихся отношеній Муравьева Николая Николаевича къ Неверовскому и послѣднему было очень тяжело и непріятно переносить грубое обращеніе Главнокомандующаго.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Нѣсколько дней тому назадъ не знаю отъ кого получилъ я изъ С. П. Бурга два письма по одной почтѣ, адресованныя на мое имя, со вложеніемъ прилагаемыхъ при семъ стиховъ, которые посылаю къ вамъ для прочтенія и присовокупляю, что иногда независимо отъ хлопотливыхъ служебныхъ занятій на досугѣ читая подобныя сочиненія невольно хохотать будешь, видя чувство подчиненныхъ къ начальнику.

Не знаю кому вздумалось прислать мнѣ эти стихи, касающіеся до лица, которымъ я никогда не интересовался; но офицеры корпуса путей сообщенія и здѣсь съ восторгомъ приняли паденіе своего Падишаха, какъ они величаютъ Клейнмихеля.

Наконецъ и Лорисъ удостоился за Кіоракъ-Дарское сраженіе награды столь долго съ вожделѣніемъ ожидаемой.

Желая вамъ здравія и скорѣйшаго окончанія Компаніи

Преданный вамъ

К. В. Бебутовъ.

16-го Ноября 1855. Тифлисъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня Э. В. Брюммеру и покажите ему стихи, если онѣ еще не всѣмъ извѣстны въ Лагерѣ; вѣроятно его превосходительство посмѣется.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Письмо ваше изъ Александрополя отъ 15 сего Декабря я получилъ въ мѣст. Хони, что въ Имеретіи, очень сожалѣю что приключившаяся вамъ болѣзнь принуждаетъ васъ оставить Кавказъ, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ на время; не менѣе сожалѣю и о томъ, что не могу вамъ быть ни въ чемъ полезнымъ по случаю нахожденія моего далеко отъ Тифлиса.

Но во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что если вы не застанете меня въ Тифлисѣ, то посѣтите мою жену, которая васъ уважаетъ. Письмо это

посылаю къ Б. Э. Индреніусу, для отсылки къ вамъ, прося его содѣйствовать вамъ въ полученіи просимаго вами отпуска.

Ежели не удастся мнѣ видѣться съ вами, то заочно прощаясь, прошу васъ сохранить меня въ памяти вашей и если не возвратитесь сюда, то не забудьте что за Кавказомъ есть человѣкъ, у котораго вы были дѣятельнымъ помощникомъ и сотрудникомъ по дѣламъ административнымъ и военнымъ, и на полѣ сраженія, и этотъ человѣкъ есть васъ уважающій и преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

23-го Декабря 1855. Мѣстечко Хони.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Далеко отъ васъ, за Кавказомъ любящій васъ, какъ моего близкаго и дѣятельнаго сотрудника на полѣ брани и въ кабинетѣ, душевно радуюсь вашему щастію, столь для васъ вожделѣнному, что письмо это вы получите въ кругу вашего милаго семейства, составлявшаго предметъ вашихъ желаній видѣться съ нимъ.

Вы мнѣ будете отвѣчать, если вы не исполните моего порученія поцѣловать ручки вашей супруги, о чемъ я васъ усердно просилъ и теперь повторяю.

У насъ теперь ничего важнаго не происходитъ; необыкновенная зима и глубокіе снѣга въ горахъ мѣшаютъ возможности туркамъ предпринять что либо, а горцамъ—дѣлать набѣги на плоскость.

Знаменитый Омеръ-Паша со всѣми войсками прижался къ морскому берегу около Редутъ-Кале, откуда перевозитъ по частямъ изнуренные свои низамы въ Батумъ или Трапезундъ, смотря какъ погода позволитъ амбаркацію; вы знаете, что въ настоящее время года на Черномъ Морѣ постоянно бываетъ бурная погода и кораблямъ невозможно или весьма трудно приставать тамъ къ берегу.

Между тѣмъ поговариваютъ, а журналы всѣхъ націй трубятъ, о мирѣ, котораго желаютъ народы, но, Богъ знаетъ, осуществится ли вообще это желаніе; вы близко живете къ источнику всѣхъ политическихъ свѣдѣній, а потому скорѣе будете знать о результатахъ парижскихъ переговоровъ.

Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе при желаніи вамъ здравія; онѣ часто вспоминаютъ васъ и пріятныя ваши съ ними бесѣды.

Не касаясь порученія, даннаго вамъ моею женою съ вашего, впрочемъ, согласія о покупкѣ вещей для нея, въ знаніи которыхъ вы обнаружили особенное искусство, я обращаюсь къ вамъ также съ моею просьбою, принять на себя трудъ и заказать для меня слѣдующіе ордена съ мечами:

1) орденъ св. Андрея Первозваннаго и при немъ звѣзду
2) орденъ Владиміра 2-й степени и звѣзду
3) орденъ Бѣлаго Орла для ношенія въ петлицѣ

} обѣ звѣзды должны быть одинаковой величины.

Ежели вы возьметесь исполнить мою эту просьбу, то я просилъ бы еще васъ по изготовленіи означенныхъ орденовъ со звѣздами, приказать уложить ихъ тщательно въ ящикъ, дабы дорогою не попортились отъ дурной укладки. Такъ какъ ящикъ съ сими орденами будетъ маленькій, то я думаю можно отправить ко мнѣ по экстра-почтѣ, или съ фельдъегеремъ, часто отправляющимся сюда изъ главнаго штаба, гдѣ вы, вѣроятно, найдете къ тому случай, въ противномъ же случаѣ прошу васъ отправить по тяжелой почтѣ, которая довезетъ эти ордена, можетъ быть, къ Святой недѣлѣ.

О расходѣ на покупку этихъ орденовъ я буду ожидать отъ васъ увѣдомленія и не замедлю выслать вамъ деньги.

Изъ вашихъ товарищей Ходзько попрежнему зарытъ въ картахъ, только не въ тѣхъ, которыми я играю; Браневскій отправился въ отпускъ и можетъ быть побываетъ въ П.-Бургѣ, Романовскій здѣсь, и занимается бумагами; а Кирилло Осиповичъ на дняхъ прискакалъ по мнѣ съ веселымъ расположеніемъ увѣдомить меня, что Мансурадзе, провожавшій Керимъ Пашу въ Москву, на возвратномъ пути встрѣтилъ васъ на какой-то станціи и что вы въ добромъ здравіи продолжаете путь къ столицѣ. До полученія отъ васъ письма, мы пока довольствуемся этимъ объ васъ извѣстіемъ.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ; отъ души желаю вамъ здравія и благополучія, прося не забывать меня, васъ любящаго

и вамъ преданнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять увѣренія въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Кн. В. Бебутовъ.

27 Февраля 1856 года. Тифлисъ.

P. S. Ежели вамъ удастся увидѣть сына моего Николеньку, находящагося въ Пажескомъ Корпусѣ, то прошу васъ увѣдомить меня, какъ онъ учится и хорошо ли ведетъ себя.

В. Бебутовъ.

16-го Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Пользуясь отъѣздомъ Романовскаго, пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы вы не могли молчаніе мое принять за нежеланіе писать вамъ. Г. Жаба возвратясь въ Тифлисъ говорилъ мнѣ . . . . . (нрзб.)

Г. Романовскій разскажетъ вамъ все, до Кавказа касающееся; я же вамъ скажу новость: по Высочайшему повелѣнію пишется живописцемъ Байковымъ, давно на Кавказѣ находящимся, картина Кіоракъ-Дарскаго сраженія; кто то его увѣрилъ и онъ самъ имѣлъ убѣжденіе, что въ этомъ сраженіи Бебутова генерала не было, а потому г. Байковъ, на этомъ основаніи изгналъ (изъ) картины генерала, имѣющаго тамъ главное начальство;—слѣдовательно, вы можете быть увѣрены, что, когда не признаетъ г. Байковъ присутствіе Корпуснаго Командира, то и о васъ, какъ о Начальникѣ Штаба, конечно, не будетъ никакого признака на картинѣ.—Каково вамъ это покажется, когда картину того сраженія вы увидите въ Эрмитажѣ.—Пускай кисть Байкова изображаетъ что ему угодно и надъ смертными играетъ; никакая картина не увѣритъ современниковъ въ несуществованіи лицъ, о коихъ въ картинѣ нѣтъ помину; а мы съ вами отъ души будемъ смѣяться, говоря: суета суетъ и всяческая суета!

Въ заключеніе скажу, что этой картины я не видалъ, а мнѣ сказали о томъ люди, съ любопытствомъ разсматривавшіе помянутую картину, которая, впрочемъ, еще не готова.

Супругѣ вашей свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

Желалъ бы пріѣхать, какъ старый кавказскій солдатъ, на торжество коронаціи, но мнѣ отказали, только отказъ этотъ основанъ былъ на отзывѣ здѣшняго начальства.

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

30 Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Поспѣшаю отвѣчать на письмо ваше, съ послѣднею почтою полученное мною; хотя на этомъ письмѣ вы позабыли выставить число, однако оно доставило мнѣ удовольствіе узнать о хорошемъ состояніи вашего здоровья и о томъ, что докладъ о васъ имѣлъ желательный успѣхъ и, вѣроятно, гнусная клевета на васъ, о существованіи которой дошли до меня слухи, обнаружилась и вы остаетесь такимъ же отличнымъ слугою Царю, коимъ я имѣлъ удовольствіе васъ знать служа вмѣстѣ съ вами.

Довѣренность, какую начальство ваше сдѣлало вамъ порученіемъ на васъ завѣдыванія военными дѣлами, до Кавказа относящимися, безъ сомнѣнія вы оправдаете при вашей дѣятельности и усердію къ службѣ, и мнѣ весьма пріятно будетъ получить свѣдѣніе, что вы удостоены вниманія начальства, умѣющаго цѣнить отличныхъ чиновниковъ и отдающаго справедливость достойнымъ *).

Жена моя и Соничка, которыя свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, будучи признательны вамъ, просятъ васъ повторить супругѣ вашей и графинѣ Ламбертъ ихъ благодарность за присланныя вещи. Г. Романовскій доставитъ вамъ, если будетъ имѣть случай повидаться съ вами, подробное свѣдѣніе обо всемъ здѣсь происшедшемъ: Романов-

---

*) Александръ Андреевичъ во время войны выхлопоталъ погонщику, коего животныя околѣли съ голода при доставкѣ провіанта, прибавку и эта гуманность съ его стороны вызвала цѣлую бурю, посыпалися жалобы, кляузы изъ интендантской части на него, все это происшествіе страшно возмутило и огорчило Неверовскаго.

скій отпросился въ отпускъ, и не знаю, возвратится ли сюда. Жаль ежели здѣшній Генеральный Штабъ лишится этого отличнаго офицера.

Излишнимъ считаю повторить увѣреніе въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности съ каковыми остаюсь

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

29 Августа 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ изъ Москвы, вы до такой степени увлеклись предметомъ, оскорбившимъ ваше самолюбіе, что даже ни полслова не написали мнѣ о томъ, что у васъ происходитъ въ Москвѣ бѣлокаменной, гдѣ теперь уже совершилось великое торжество и всѣ, конечно, предаются веселію по разнымъ празднествамъ, предполагавшимся въ Москвѣ по случаю священнаго коронованія Государя Императора.

Вы мнѣ не пишете гдѣ теперь Романовскій, который по измѣнившимся обстоятельствамъ, вѣроятно, возвратится на Кавказъ. Полагаю что кн. А. И. Барятинскій не замедлитъ пріѣхать сюда, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Его Сіятельства.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

P. S. Ходзько я еще не видалъ, но, повидавшись, скажу ему о проигранномъ закладѣ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ за описаніе нѣкоторыхъ подробностей, касающихся до праздниковъ, происходившихъ по случаю священнаго коронованія Ихъ Величествъ, о чемъ сообщали наши и иностранные журналы; слава Богу, все кончилось благополучно; остается теперь возсылать теплыя молитвы ко Всевышнему о долгоденствіи Великаго нашего Монарха на славу и щастіе любезнаго нашего отечества.

Не можете себѣ представить, съ какою радостію и предупредительностію приняли въ Закавказскомъ краѣ Намѣстника Царскаго, князя А. И. Барятинскаго; отъ Петровскаго укрѣпленія князь Барятинскій ѣхалъ черезъ Т. Х. Шуру, Дербентъ, Кубу, Баку, Шемаху, Нуху, Запаталы, городъ Телавъ (здѣсь я имѣлъ честь встрѣтить съ рапортомъ Его Сіят-во). Наконецъ въ Тифлисѣ, резиденціи Намѣстника; по всему пути слѣдованія Его Сіятельства, всѣ вообще сословія съ особеннымъ уваженіемъ и радостію встрѣчали и сопровождали Намѣстника; вездѣ радушное угощеніе, а въ Кахетіи и вскрытіе огромныхъ винныхъ кувшиновъ, изъ которыхъ черпали весьма усердно благословенное кахетинское вино всѣми возможно употребительными въ здѣшнемъ краѣ сосудами, чтобы испить заздравные тосты Государя Императора и его намѣстника.

3-го числа, сего Ноября Кн. Барятинскій въѣхалъ въ Тифлисъ, встрѣченный сословіемъ здѣшняго дворянства за 15-ть верстъ отъ города, а на заставѣ всѣми городскими жителями; проѣхавъ прямо въ Сіонскій соборъ, принялъ присягу на высокое званіе, Высочайше на него возложенное; откуда прибылъ въ домъ главнокомандующаго, при которомъ ожидалъ почетный караулъ, по осмотрѣ котораго вступилъ въ большую залу, гдѣ собранъ былъ весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры и всѣ гражданскіе чиновники, почти всѣ знакомые Его Сіятельству. Онъ, сдѣлавъ имъ ласковый пріемъ—откланялся всѣмъ, и теперь принялся за дѣла.

Въ Тифлисѣ приготовляетъ здѣшнее дворянство великолѣпный балъ 11-го числа, на которой пригласили г. Намѣстника; кажется и тифлисскіе граждане при такомъ случаѣ не останутся въ долгу и что либо выдумаютъ, чтобы оказать свое усердіе.

Въ заключеніе скажу вамъ, что встрѣча и пріемъ князя Александра Ивановича въ здѣшнемъ краѣ, проистекали отъ чистаго сердца и съ полною радостію. Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ и вашей супругѣ усердное почтеніе, а я при почтеніи цѣлую ручки вашей милой супругѣ, хотя лично незнакомой, но душевно уважаемой мною.

Позвольте обратиться къ вамъ съ моею просьбою въ томъ, чтобы вы приняли на себя трудъ и прислали бы мнѣ книжку, заключающую въ себѣ списокъ всѣмъ генераламъ по старшинству, но вновь исправленную по послѣднему производству, въ которой уже много перемѣнъ.

Мнѣ говорили, что эту книжку трудно достать, но я здѣсь вижу ее у многихъ, слѣдовательно, вамъ есть возможность пріобрѣсти эту книжку или покупкою, если она продается, или по знакомству въ Главномъ штабѣ, но чтобы книжка была исправлена по послѣднему производству, по которому, какъ вамъ извѣстно, я обойденъ и посаженъ на мель.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ, отъ души желаю вамъ щастія и благополучія и болѣе здоровья.

Всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

6-го Ноября 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ отъ искренняго сердца за поздравленіе меня съ монаршею милостью; этотъ знакъ Высочайшаго ко мнѣ благоволенія, которымъ я удостоенъ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи, тѣмъ болѣе лестенъ и пріятенъ мнѣ, что остаюсь при своихъ должностяхъ, и будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, не пришлось мнѣ опять перебираться въ какое либо другое мѣсто, что послужило бы большимъ для меня разстройствомъ.

Князь А. И. Барятинскій, ходатайству котораго я обязанъ важнымъ чинамъ, нынѣ Государемъ на меня возложеннымъ, подробно сообщилъ мнѣ причины замедленія о моемъ производствѣ; эти причины были для меня удовлетворительны, ибо думалъ я, что по гнуснымъ клеветамъ, можетъ, подвергся гнѣву Царя, но я жестоко ошибался и этого не было; что же касается до людей, которые обласканы и отличаемы были мною, и которые рѣшились поступить въ отношеніи меня такъ неблагородно, чтобы не сказать—подло,—я имѣю всегда въ виду, что клеветы злыхъ людей, рано или поздно уничтожаются къ стыду клеветниковъ, а истина обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ. И такъ напомню вамъ слѣдующіе стихи, которые я всегда вспоминаю:

Невѣжа хулою мнѣ чести не убавитъ,
И то не честь, когда невѣжа хвалитъ.

Изъ этого заключить можно, что клеветами и кляузами занимаются люди принадлежащіе къ разряду необразованныхъ и неблаго-

воспитанныхъ невѣждъ, которые впослѣдствіи заслуживаютъ отъ людей благомыслящихъ одно презрѣніе; неправда ли, что подобные люди заслуживаютъ сожалѣнія, и не даромъ ли они обременяютъ землю.

Дошедшіе до васъ слухи о здѣшнихъ веселыхъ празднествахъ весьма справедливы; съ пріѣздомъ князя А. И. Барятинскаго все ожило и веселятся всѣ, но только въ свободное время отъ служебныхъ занятій, которыя исполняются съ полною дѣятельностью и усердіемъ.

Вотъ и у меня въ домѣ на дняхъ будетъ празднество; Сонечка моя выходитъ замужъ за полковника князя Гуріеля, котораго, можетъ быть, вы встрѣтили въ Москвѣ, во время коронаціи, онъ присутствовалъ тамъ по званію предводителя дворянства Кутаисской губерніи.

Вы можете себѣ представить сколько радъ буду я, если обстоятельства приведутъ васъ на Кавказѣ послужить; это будетъ для меня величайшее удовольствіе, чтобы обнять васъ, какъ добраго сослуживца и дѣятельнаго сотрудника въ минувшую войну; до того же обнимаю васъ заочно и остаюсь

душевно вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

9-го Февраля 1857.
Тифлисъ.

Нѣкоторыя письма генерала А. К. Вранкена къ Александру Андреевичу Неверовскому *).

Варшава 5/17 ноября 1857.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Изъ послѣдняго письма моего тебѣ извѣстно, что всякія Нѣмецкія воды нисколько не помогли мнѣ, что напротивъ правая и любимая

*) Агатонъ Карловичъ Вранкенъ, Л. Гвардіи Гренадерскаго полка, большой другъ Ал. Анд. Неверовскаго, однимъ выпускомъ раньше его изъ Академіи Генеральнаго Штаба. Они служили вмѣстѣ на Кавказѣ; Вранкенъ получилъ въ 1844 Св. Георгія за сраженіе у Гилеги, гдѣ былъ тяжело раненъ; командовалъ Пражскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ 1850 былъ Нач. Шт. 2 пѣхотнаго Корпуса, въ 1855 командовалъ 5-ой пѣх. дивизіей и въ 1857 по собственной просьбѣ уволенъ изъ за ранъ въ отставку съ чиномъ генерала и полной пенсіей. Былъ въ высшей степени образованный, интересный умомъ и рѣдкаго остроумія въ разговорѣ.

нога одеревенѣла и что вслѣдствіе сего я бросилъ воды и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ намѣревался сдѣлать хирургическую операцію у доктора Хортелу. Въ ожиданіи этой радости я нанялъ небольшую, но чистенькую и хорошо меблированную квартиру въ центрѣ города, завелъ даже самое маленькое хозяйство и началъ жить тихо и мирно посреди шумнаго города; а чтобы быть еще спокойнѣе духомъ, 27 сентября послалъ рапортъ г. дежурному генералу прося Его Пр-во ходатайствовать мнѣ отставку. Въ то же время я написалъ и къ тебѣ письмо въ которомъ просилъ похлопотать о скорѣйшемъ увольненіи.—

Исполнивъ это давнишнее и всегда неудававшееся намѣреніе, я какъ будто ожилъ и почувствовалъ себя даже здоровымъ. Жизнь моя покатилась еще спокойнѣе и беззаботнѣе, я былъ почти щастливъ, но видно мнѣ не суждены надолго тишина и миръ: однажды я возвратился вечеромъ въ мой тихій уголокъ, раздѣлся и принялся стряпать чай, какъ вдругъ между бумагами увидѣлъ телеграфическую депешу. Меня увѣдомляютъ изъ Варшавы что бѣдная моя В . . . . . умираетъ и желаетъ со мною простится. Мысль, что, можетъ быть, мнѣ удастся спасти ее налагала на меня обязанность тотчасъ ѣхать. И вотъ, недолго думая, чтобы не перемѣнить намѣренія, на другой же день по полученіи депеши, отправился самъ въ Варшаву. Здѣсь квартира моя превратилась въ госпиталь, я больной ухаживаю за умирающей и довольно тебѣ сказать, что я сдѣлался набоженъ.—

Доктора совѣтуютъ мнѣ прогуливаться по утрамъ, но и это для меня невозможно потому, что форму мою я оставилъ въ Петербургѣ, при себѣ имѣю только гражданскую одежду, въ которой не смѣю показаться на улицѣ. Можешь себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отставки. Добрые люди присылаютъ мнѣ Высочайшій приказъ, но я напрасно ищу тамъ моей фамиліи. При отъѣздѣ изъ Петербурга г. Гернстенцвейгъ сказалъ мнѣ, что я получу отставку въ Октябрѣ или же въ концѣ Сентября, вотъ уже Ноябрь наступилъ, а отставки нѣтъ какъ нѣтъ.—

Пожалуйста, дорогой Александръ Андреевичъ, похлопочи, чтобы меня поскорѣе отпустили или, по крайней мѣрѣ, узнай, за чѣмъ дѣло стало. Если меня не увольняютъ только потому, что я не подалъ формальнаго прошенія о рапортѣ, то надобно принять во вниманіе, что я, будучи за границей, не имѣлъ ни своего формуляра, ни гербовой бумаги.—Впрочемъ этому горю пособить не трудно: въ Инспекторскомъ д-тѣ долженъ быть мой формуляръ. Пусть тамъ составятъ прошеніе, а братъ мой Николай . . . . . (прзб.)

Не пишу нечего о Варшавѣ, потому что сижу дома, ни съ кѣмъ не вижусь и почти никого здѣсь не знаю.—Отъ лѣчащихъ меня польскихъ докторовъ я узналъ, что поляки очень довольны Государемъ за обѣщаніе учредить здѣсь Медицинскую Академію, за дозволеніе напечатанія сочиненій Мицкевича и за разрѣшеніе поставить памятникъ Кордецкому.—Этотъ Кордецкій былъ пріоромъ ордена Паулинскихъ монаховъ въ Ченстоховскомъ монастырѣ и прославился безпримѣрною обороною его противъ шведовъ, которые были властелинами всей Польши.—Король выѣхалъ въ то время въ Силезію (Австрійскую). Поляковъ тронуло тоже принятіе Государемъ бала, даннаго Его Величеству украинскимъ дворянствомъ въ г. Кіевѣ. При отъѣздѣ Государя многія дамы выѣхали за городъ провожать Августѣйшаго Гостя. Это считаютъ признакомъ того, что ненависть къ намъ поляковъ начинаетъ остывать. Вообще надо замѣтить, что съ поляками ласково можно сдѣлать все; Наполеонъ это доказалъ и натурально обманулъ. Если найдешь досугъ, напиши хоть пару словъ.

Твой старый почитатель и слуга

Вранкенъ.

---

7 Ноября 1857. Варшава.

Ты не можешь себѣ представить старый другъ моей радости при полученіи отставки; она мнѣ даже повредила. Итакъ я свободенъ! Могу ѣхать куда хочу, жить гдѣ вздумается, спать сколько душѣ угодно, при встрѣчѣ съ старшими отъ меня дураками не кланяться и не брить больного подбородка! Послѣдняя льгота еще подлежитъ сомнѣнію, но я постараюсь ладить съ надзирателемъ моего квартала и полагаю, что на бороду мою будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

Благодарю тебя также за извѣстіе о ходѣ и задержкахъ доклада о моей отставкѣ. Въ расположеніи ко мнѣ г. военнаго министра я не сомнѣваюсь; еще въ бытность мою въ Петербургѣ, онъ хотѣлъ меня взять къ себѣ въ адъютанты или по особымъ порученіямъ—что по моему мнѣнію то же самое. Любопытно бы знать что онъ хотѣлъ предложить мнѣ теперь? Одно только мѣсто могло бы соблазнить меня—Смотрителя Документовъ въ Россіи, но, полагаю, что соперниковъ нашлось бы слишкомъ много.—Еще разъ повторяю: слава Богу! все кончено, я свободенъ! но повѣришь ли, что не могу привыкнуть къ этой мысли. Хотя я уже два года не служу и ничего не дѣлаю, но

мысль, что я записанъ въ какія то запасныя войска, что завтра меня могутъ потребовать на службу и приказать ожидать съ почетнымъ карауломъ Шварцбургъ-Зандерзгаузенскаго, не давала мнѣ покоя.—Даже во снѣ меня эта мысль преслѣдовала; то я видѣлъ себя въ Михайловскомъ манежѣ, на репетиціи развода, за фронтомъ Лейбъ-Гренадерскаго полка.—Тишина была мертвая, слышался только голосъ г. Арб....., который бранилъ насъ изъ послѣднихъ словъ за недостатокъ мягкости въ паху; то опять воображеніе переносило меня въ Крымъ, въ глубокую долину Черной рѣки; за нею виднѣются крутыя горы вѣнчанныя батареями, укрѣпленіями и 60 т. непріятельскаго войска.—И полки мои шли одинъ за другимъ, молясь и крестясь и оставляя кровавый слѣдъ, который давно уже смыть осенними дождями.

Едва не забылъ искренно поблагодарить тебя за увѣдомленіе о благосклонныхъ намѣреніяхъ Комитета о раненыхъ. Просить я намѣренъ не столько прибавки пенсіи (прибавка эта должна быть весьма незначительной), но о производствѣ мнѣ квартирныхъ денегъ или квартиры натурою.—Я знаю, что генералъ-маіоръ Сикетель, проживающій теперь въ отставкѣ въ Варшавѣ, пользуется этою милостію. Надѣюсь, что Комитетъ тѣмъ охотнѣе согласится мнѣ назначить квартиру, что это не введетъ его въ издержку, ибо квартиры даются отъ города.—

Я еще не рѣшилъ что съ собою дѣлать; можетъ быть, поѣду въ Парижъ (и это вѣроятнѣе всего), можетъ быть, куплю домикъ въ Варшавѣ и буду только ѣздить къ заграничнымъ водамъ; а можетъ быть, если поправлюсь здоровьемъ, пріѣду въ Петербургъ, чтобы утѣшить моихъ стариковъ.

Однако пора отправить письмо на почту; прощай дорогой и добрый старый товарищъ и другъ.—Еще разъ большое тебѣ спасибо за хорошую вѣсть. Да будетъ Благословеніе Бога надъ твоимъ домомъ.

Твой почитатель и преданный слуга

Агатонъ.

15-го Января 1858 г. Варшава.

Большое тебѣ спасибо, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, за всѣ твои хлопоты и старанія и за любящее письмо, которымъ стараешься обнадежить меня, но я такъ мало избалованъ щастіемъ, что не смѣю

благовременно радоваться, не рѣшаюсь надѣяться, Ты мнѣ не пишешь и, вѣроятно, самъ не знаешь въ какой мѣрѣ Комитетъ намѣренъ уважить мою просьбу? Я предоставилъ большое поприще благодѣяніямъ Комитета, прося у него пенсіонъ по генеральскому чину, казенную квартиру отъ города, гдѣ изберу себѣ мѣсто жительства, и сохраненіе деньщиковъ. Тяжкій опытъ мнѣ говоритъ однако же, что Комитетъ ограничитъ свою щедрость прибавкою 115 р. въ годъ, т. е. дастъ мнѣ маіорскую пенсію по 1-му разряду раненыхъ. Конечно, и 115 р. на улицѣ не найдешь, но деньги эти не могутъ имѣть большого вліянія на улучшеніе моего домашняго комфорта.—Но довольно о деньгахъ!

Не знаю говорилъ ли я тебѣ, что, отъѣзжая изъ Петербурга я откровенно объявилъ г. Гернстенцвейгу, что я никакого мѣста не приму. Съ этой же цѣлію въ рапортѣ моемъ объ отставкѣ, я не упустилъ упомянуть, что у меня отнялася правая нога.—Не странно ли послѣ этого, что меня хотѣли отправить въ Кутаисъ. Честное слово, увѣряю тебя, что я бы этой должности не принялъ несмотря на пышный титулъ, съ нею связанный.—Любопытно однако жъ знать кому пришла эта мысль и почему она не приведена въ исполненіе; почему, наконецъ, послѣ столь лестнаго намѣренія вдругъ послѣдовала сухая резолюція: „уволенъ по законамъ“. Обстоятельства эти заставляютъ меня опасаться и за докладъ Комитета объ увеличеніи мнѣ пенсіи.—

Впрочемъ пусть будетъ Богу и Государю угодно, а я молюсь только, чтобы скорѣе мнѣ поправиться: на плечахъ у меня не тыква, и потому я найду себѣ хлѣбъ, несмотря на связывающій меня титулъ. Мнѣ даже почти обѣщано порядочное приватное мѣсто, но я не знаю еще условій и жду только отвѣта. Нарочно не пишу гдѣ и какого рода мѣсто я желаю принять, чтобы ты не отклонялъ меня отъ этого благого намѣренія; но когда все будетъ кончено, то есть, если я получу мѣсто или не сойдусь въ кондиціяхъ,—увѣдомлю тебя обо всемъ. Пора и русскимъ убѣдиться, что честный трудъ въ промышленности и торговлѣ не можетъ уронить эполетъ и крестовъ, которые я впрочемъ снялъ съ полученіемъ отставки. Ты не можешь себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ я каждый разъ одѣваю мое свободное коричневое пальто, мой мягкій плащъ, на голову вспяливаю барашковую шапку, на шею обвязываю шарфъ и иду на улицу, гдѣ никто меня не боится, не кланяется, напротивъ, многіе толкаютъ. Даже это толканье напоминаетъ мнѣ объ отставкѣ. Но я довольно болталъ о себѣ, надобно что нибудь сказать о Варшавѣ. Начавъ съ погоды, должно похвалить здѣшній климатъ; вся осень была тихая, сухая и теплая,

только о Рождествѣ было нѣсколько дождливыхъ дней, да въ Январѣ начались морозы и то въ градусовъ 5 или 7, не болѣе. Варшавцы со своей стороны постарались украсить городъ; они устроили на главныхъ площадяхъ и въ Саксонскомъ саду великолѣпные фонтаны, которымъ недостаетъ только воды, чтобы принести пользу и прохладу жителямъ.— Съ мѣсяцъ тому назадъ Варшава пріобрѣла газовое освѣщеніе. Частная Компанія, которая взялась за это, немного ошиблась, она сдѣлала газопроводныя трубы слишкомъ малаго діаметра, такъ что на многіе фонари не хватило газа, но ошибка эта исправлена перемѣною трубъ. Видно съ огнемъ легче справиться чѣмъ съ водою. Теперь поляки будутъ еще болѣе гордиться своею Варшавою, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, много жизни, движенія и хорошенькихъ женщинъ.—

Карнавалъ проходитъ довольно шумно, балы даются безпрерывно, какъ коренными здѣшними аристократами, такъ и пріѣзжими богачами изъ Подола, Волыни и Кіева. Прежде Бибиковъ не пускалъ ихъ сюда, да и въ Одессу они ѣздили украдкой.—Въ административномъ отношеніи перемѣнъ никакихъ не замѣтно, но поляки довольны еще тѣмъ, что имъ не воспрещаютъ носить бѣлыя краковскія шапки и венгерки на подобіе бывшихъ польскихъ кунтушей. Во времена фельдмаршала за подобныя вольности тотчасъ бы засадили въ Цитадель, на содержаніе которой съ домовъ собирается особая подать.—

Объ освобожденіи крестьянъ здѣсь не толкуютъ, потому что польскій мужикъ давно уже наслаждается свободой и, вслѣдствіе оной, бѣденъ и пьянъ ежедневно.—Впрочемъ и тутъ ожидаютъ съ любопытствомъ чѣмъ кончится столь важное преобразованіе,—польза котораго еще не доказана, а трудности исполненія очень велики.—Лучшимъ послѣдствіемъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, я полагаю, будетъ то, что въ Россіи образуется средній классъ (tiers état), котораго у насъ недоставало.—Средній классъ составится, разумѣется, не изъ освобожденныхъ крестьянъ, но изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ старались сдѣлаться помѣщиками, а отнынѣ останутся капиталистами.

Кстати о капиталистахъ, здѣсь обнаружилось нѣсколько банкротствъ и поговариваютъ, что на этомъ не остановится. Золота и серебра вовсе не видно; въ обращеніи однѣ бумаги и то русскія потому, что польскія тоже припрятаны или, какъ здѣсь увѣряютъ, вывезены въ Пруссію, гдѣ русскія не ходятъ, а польскія принимаются охотно.—

На дняхъ разнесся здѣсь слухъ будто гражданскіе чины будутъ у насъ уничтожены. Я этому не вѣрю, потому что не могу представить себѣ какъ мы обойдемся безъ тайныхъ, статскихъ и, въ особенности, безъ титулярныхъ совѣтниковъ.—

Хотѣлось бы еще поболтать съ тобою, но право не о чемъ.

Желаю тебѣ и супругѣ твоей счастья и остаюсь твоимъ преданнымъ другомъ.

А. Вранкенъ.

9/21 Іюля 1858, Мюнхенъ.

Мой добрый старый другъ!

Если бы я имѣлъ сообщить тебѣ что нибудь пріятное или хоть любопытное, то, конечно, давно бы написалъ. Если бъ я имѣлъ какую нибудь просьбу, то опять прибѣгнулъ бы къ твоей обязательности и добротѣ. Но моя жизнь идетъ своимъ чередомъ и кромѣ какъ о новыхъ болѣзняхъ, мнѣ, въ сущности, не о чемъ писать.—Я писалъ тебѣ, что послѣ смерти моей бѣдной и дорогой В., доктора меня посылали въ Карлсбадъ, но весна какъ на зло мнѣ, не думала являться согласно показаніямъ календаря; проходилъ Апрѣль, а деревья и луга стояли обнаженные. Но я полагалъ что на западѣ должно быть теплѣе и, вслѣдствіе этаго обманчиваго мнѣнія, 20-го Апрѣля выѣхалъ изъ Варшавы. Въ Берлинѣ по утрамъ я могъ еще любоваться морозами; на Рейнѣ я нашелъ туманъ и сырость и потому проѣхалъ далѣе въ Парижъ. Кто то справедливо замѣтилъ, что Парижъ всегда находится по пути русскаго путешественника, куда бы онъ ни ѣхалъ.—

Я пробылъ тамъ весь Май, въ продолженіе котораго не было 2-хъ лѣтнихъ дней; поэтому я проводилъ большую часть времени въ комнатѣ и не разъ принужденъ былъ топить каминъ.—Дороговизна въ Парижѣ почти такая же какъ въ Петербургѣ, театры дрянь, а на вечернихъ концертахъ духота и скука страшная.—Пробовалъ я совѣтоваться съ докторами, но всѣ они такіе шарлатаны и алтынники, что я бѣжалъ отъ нихъ.—Новостей въ Парижѣ никакихъ, кромѣ новыхъ улицъ и площадей; повсюду идетъ ломка и постройка; на каждомъ шагу встрѣчаешь или жандарма, или муниципала, или шпіона. О политикѣ никто ни полслова, какъ будто ее никогда не существовало въ разговорахъ парижанъ. Зато на биржѣ идетъ страшная

игра.—Меня поразило такое огромное количество кавалеровъ Почетнаго Легіона, ихъ несравненно болѣе нежели у насъ Станиславскихъ.—У насъ по крайней мѣрѣ половина кавалеровъ не носятъ своихъ декорацій, но Парижанинъ надѣнетъ ленточку на сюртукъ, другую на пальто, а иногда и третью на плащъ или par-dessous.—При выѣздѣ изъ Парижа я долженъ былъ явиться, во первыхъ, въ наше генеральное консульство, гдѣ заплатилъ за визированіе паспорта 2 франка, потомъ въ Бельгійское и наконецъ въ Префектуру полиціи; въ послѣдней мнѣ пришлось довольно долго ожидать очереди. Всѣ эти порядки заведены вслѣдствіе попытки Ореини и компаніи; прежде въѣзжали и отъѣзжали изъ Парижа, никому не показывая паспорта.—

Къ 1-му Іюню я пріѣхалъ въ Карлсбадъ, но тамъ все еще было довольно холодно; несмотря на это я началъ усердно лечиться, страшно отощалъ, облегченія не испыталъ почти что никакого и сѣвъ въ скверный австрійскій дилижансъ доѣхалъ до Гофа и оттуда черезъ Бамбергъ и Нюренбергъ прибылъ прямо въ Мюнхенъ.—Карлсбадъ крѣпко надоѣлъ мнѣ, въ особенности, когда туда понаѣхала толпа русскихъ, большею частью генераловъ.—

Я очень люблю моихъ соотечественниковъ, но предпочитаю ихъ видѣть въ Россіи, гдѣ ихъ сужденія, такъ и манеры такъ хорошо гармонируютъ съ нравами, образомъ мыслей и обычаями народа; но за границею наши господа какъ будто вышли изъ своей колеи и ѣдутъ по кочковатому полю.—Во многихъ изъ нихъ давно обнаруживается желаніе обратить на себя вниманіе; это пожалуй и удастся имъ, но не всякая слава честна.—Поляковъ также не мало въ Карлсбадѣ, и они живутъ между собою довольно дружно, тогда какъ русскіе сближаются неохотно.—На дняхъ выѣзжаю въ Вильдбадъ, мнѣ совѣтуютъ попробовать тамошнее лѣченье, хотя мало надѣюсь на успѣхъ.

Штутгардтъ, 11/23 Іюля.

Отъ Мюнхена до Штутгардта по желѣзной дорогѣ шесть часовъ ѣзды. Мѣстоположеніе Штутгардта очаровательно, городокъ не великъ, но хорошо построенъ, дворецъ короля окруженъ садомъ, который тянется на цѣлую милю.—Я почти весь день провелъ на воздухѣ—завтра ѣду.

Вильдбадъ близь Штудгардта. 25 Іюля.

Пораженъ я какъ громомъ! Здѣшній врачъ объявилъ мнѣ, что у меня сухотка спинного мозга, что всѣ мои недомоганія оттуда и про-

исходятъ. Купилъ себѣ трактатъ этой болѣзни, всѣ симтомы вѣрны, слѣдовательно, вылѣчиться никогда не могу, только найти облегченіе въ здѣшнихъ водахъ. Молю Бога о смерти и болѣе не въ силахъ писать тебѣ.

Твой искренній почитатель и другъ.

Агатонъ Вранкенъ.

13/26 Декабря 1858 года. Ницца.

Мой добрый старый товарищъ и другъ.

Къ числу прочихъ недуговъ овладѣвающихъ моимъ грѣшнымъ тѣломъ, надобно причислить и ослабленіе памяти; я рѣшительно не помню когда и что писалъ тебѣ послѣдній разъ, знаю только, что давно не давалъ о себѣ вѣсточки, впрочемъ, такъ какъ я не имѣю ничего сообщить хорошаго, то бѣда въ этомъ не велика.—

Начну письмо съ того, что я тебя попрежнему люблю и уважаю, что желаю тебѣ здоровья и щастія и прошу сохранить ко мнѣ дружбу, которой я столько разъ пользовался.

По совѣту докторовъ, строжайше запретившихъ мнѣ вернуться не только въ Петербургъ, но и въ Варшаву, избралъ Ниццу какъ городъ наименѣе итальянскій и славящійся мягкимъ климатомъ. Наступившіе праздники не сопровождаются здѣсь особыми церемоніями ни процессіями, но городъ сохранилъ обычай стрѣлять изъ оконъ, балконовъ и на улицахъ.—Полиція, правда, наистрожайше запретила это глупое выраженіе радости, но ниццарцы смѣются надъ своею полиціей и на улицахъ безпрерывно продолжается ружейная и пистолетная перепалка, какъ будто въ городѣ междуусобій.

Впрочемъ все обстоитъ благополучно.

Я пріѣхалъ сюда изъ Баденъ-Бадена черезъ Швейцарію, Женеву, Ліонъ и Марсель. Югъ Франціи и толико прославленный Провансъ вовсе не понравился мнѣ: города грязны, деревни бѣдны, поля дурно воздѣланы по нашей трехпольной системѣ.—Повсюду на горизонтѣ виднѣются голыя, мѣловатыя горы, кое гдѣ поросшія обожженымъ кустарникомъ;—самыя оливковыя рощи не производятъ большого эффек-

та; масличныя деревья имѣютъ какой-то неопредѣленный пыльный цвѣтъ рѣдкій листъ и не даютъ тѣни.—Не говорю уже о непріятности и грубости южныхъ французовъ.—Марсель богатый, но вонючій городъ. Я въ немъ никогда не останавливался больше дня и даже не пошелъ смотрѣть Тріумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ въ честь Наполеона III. Вліяніе нынѣшняго Императора французовъ—огромно.—Не только Департаментальныя города Франціи, желая польстить, ставятъ на площадяхъ монументы маршаламъ Наполеона I-го, но даже и Ницца, принадлежащая Сардиніи, и то думала воздвигнуть памятникъ Массена, котораго имя дано уже одной улицѣ и одной площади.—

Въ Ниццѣ я нанялъ большую комнату дверьми, окнами на полдень и на мраморную террассу, выходящую въ садъ, наполненный цвѣтами, апельсиновыми и лимонными деревьями.—Надобно, однако жъ, прибавить, что плоды эти до сихъ поръ еще не созрѣли.—Нынѣшняя зима по увѣренію жителей составляетъ исключеніе по своей холодности, но она по моимъ наблюденіямъ лучше Петербургскаго лѣта. И при томъ какое небо! Какое голубое море! Я видѣлъ Балтійскую безцвѣтную лужу, видѣлъ Каспійское море цвѣта травы съ желтымъ оттѣнкомъ, видѣлъ Черное, справедливо названное, видѣлъ грозныя и мутныя волны Океана, брызжущія на берегъ фосфорнымъ огнемъ, но ничто не можетъ сравниться съ голубыми и прозрачными волнами Средиземнаго! Описывать его красоты я не берусь, но отсылаю тебя къ картинамъ, которыя, однако жъ, не могутъ выразить того разнообразія, которое происходитъ отъ степени свѣта, состоянія неба и силы вѣтровъ.—Я провожу цѣлые часы на берегу моря, по временамъ мнѣ приходитъ даже желаніе утопиться въ его прозрачныхъ волнахъ.—По этому можешь судить какъ оно должно быть хорошо.—

Въ Ниццѣ проводитъ зиму король вюртембергскій. Онъ живетъ очень скромно, прогуливается, какъ и прочіе смертные, бываетъ часто въ театрѣ и безъ труда заслужилъ всеобщую симпатію.—Кромѣ того здѣсь гостятъ наша Великая Княгиня Екатерина Михайловна съ супругомъ и Е. И. В. Константинъ Николаевичъ съ супругою. Съ какой цѣлью они сюда пріѣхали—право не знаю.—Я не могъ имѣть щастія представиться Августѣйшимъ гостямъ, по неимѣнію съ собою мундира, звѣздъ и даже Крымской медали. Притомъ я ношу бороду, а Его Имп. Выс. не жалуетъ небритыхъ подбородковъ. Конечно, можно было бы сбрить ее, но вѣдь борода есть единственная привилегія, которою я пользуюсь за всѣ раны, полученныя на службѣ.—Впрочемъ, завтра Е. И. В. отплываетъ со своею эскадрою къ берегамъ Сициліи.—

Мнѣ любопытно было видѣть новый русскій винтовой флотъ.—Поэтому я поѣхалъ въ Вилла-Франкъ ($^3/_4$ часа ѣзды отъ Ниццы). Русскіе офицеры съ крайнею обязательностью показали мнѣ корабль „Ретвизанъ“ о 96 пушкахъ. Не буду говорить о порядкѣ, чистотѣ и исправности, въ которой онъ содержится, но меня крайне удивило, что паровая машина такого большого судна имѣетъ только 500 силъ. Отъ этого *Ретвизанъ*, даже въ тихую погоду, не можетъ дѣлать болѣе 8 узловъ въ часъ.—Французскій линейный корабль „La Bretagne“, въ 130 пушекъ съ машиною въ 1200 силъ, дѣлаетъ по 13 узловъ.—Поэтому можно судить о результатѣ боя, еслибъ два эти корабля сразились. Надобно, однако жъ, надѣяться, что со временемъ и мы будемъ имѣть корабли одинаковаго хода съ французскими и англійскими.

Разскажу тебѣ про здѣшнія удовольствія; для меня существуетъ только одно, это Итальянскій Оперный театръ, и въ этомъ театрѣ только опера „Травіата“, которую въ Россіи даютъ подъ названіемъ „*Віолетты*“. Содержаніе ее тебѣ должно быть извѣстно, оно заимствовано изъ романа Al. Duma-fils, „La Dame aux Camelias“. Героиня умираетъ на сценѣ отъ любви и чахотки. Этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить во мнѣ грустныя воспоминанія недавней утраты. Но прибавь къ этому потрясающую музыку Верди, симпатическій голосъ и превосходную игру здѣшней примадонны, которая на бѣду мою и наружностію похожа на мою бѣдную В..... и ты поймешь, какое сильное впечатлѣніе производитъ на меня Травіата. Я не пропускаю ни одного представленія, я сижу въ театрѣ подъ какимъ то грустнымъ обаяніемъ и совсѣмъ непохожъ на прежняго боевого генерала.—

Ты видишь по этому описанію, какая я сталъ дрянь! Впрочемъ, я продолжаю молить Бога чтобы онъ ниспослалъ мнѣ тихую и скорую смерть. Жизнь никогда для меня не была радостна, даже въ то время, когда я былъ здоровъ и честолюбивъ; но теперь при болѣзняхъ и одиночествѣ она сдѣлалась для меня тягостью.—Предчувствую, что Богъ не исполнитъ моей молитвы и не знаю, достанетъ ли духу распорядиться самому.

Но довольно объ этомъ, чтобы не нагнать на тебя тоску.

Поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ, желаю тебѣ отъ всей души щастія, а въ особенности здоровья. Засвидѣтельствуй мое почтеніе су-

пругѣ твоей и передай мой усердный поклонъ Николаю Ивановичу Вольфу.

Твой старый почитатель

и вѣрный другъ

Агатонъ Вранкенъ.

P. S. Я проживу здѣсь (если только буду жить) еще три мѣсяца. Адресъ мой слѣдующій: Nice (en Sardaigne)

rue Massena, Pension Luisse.

Письмо не франкую, чтобы вѣрнѣе дошло,—

6/18 Марта 1859 Ницца.

Надобно быть въ моемъ положеніи, т. е. быть больнымъ, оклеветаннымъ, одураченнымъ и забытымъ, чтобъ понять, какую радость можетъ доставить письмо отъ стараго товарища и друга.—Напрасно, однако жъ, ты полагалъ, что я сердился за твое долгое молчаніе. Я зналъ изъ писемъ твоего брата о твоемъ новомъ назначеніи*), душевно порадовался ему и понялъ, что тебя взяли исправить чужіе грѣхи, что часть эта, для тебя новая, должна быть запущена и потому не сомнѣвался, что у тебя безъ меня довольно дѣла.—Спасибо тебѣ и за то, что не забылъ стараго товарища и друга, который искренно желаетъ тебѣ возвышенія и щастія: мнѣ даже совѣстно болтать съ тобою о моей печальной личности, но такъ какъ на прочтеніе письма моего много времени не нужно, то я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ тобою.—Кстати же я сегодня, благодаря прелестной погодѣ, чувствую себя очень хорошо и потому письмо мое надѣюсь будетъ менѣе глупо и не такъ мрачно. Нервныя болѣзни имѣютъ то хорошее качество, что онѣ по временамъ даютъ паціенту отдыхъ, безъ котораго страданія были бы невыносимы.—Хотя порядочные люди и стараются избѣгать разговора о погодѣ, но здѣсь она такъ хороша, что грѣшно не похвалить ее. Въ продолженіи всей зимы,

*) Ал. Андр. Неверовскій былъ назначенъ въ 59 г. директоромъ Лѣсного Департамента, въ коей должности и пребывалъ до сразившей его болѣзни сердца (впрочемъ, это семейный недугъ семьи Неверовскихъ, отъ котораго почти всѣ члены ея умирали).

которая считалась необыкновенно суровою, только два раза термометръ опускался до нуля и то въ ночное время; въ полдень никогда не было менѣе 9-ти градусовъ тепла. Нѣкоторыя изъ померанцевыхъ деревьевъ покрылись цвѣтами въ Декабрѣ, апельсины, лимоны, гранаты теперь еще не спѣлы, только финики не выдержали зимы,—но вѣдь пальмы—Африканскія растенія. Любуяся дивнымъ Средиземнымъ моремъ, которому равнаго, конечно, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, я прихожу въ восторгъ и даже забываю всѣ пакости, которыя продѣлываетъ со мною Комитетъ о раненыхъ. Если бъ онъ отказалъ мнѣ въ назначеніи пенсіи просто безъ церемоній, я бы не такъ былъ огорченъ, но онъ лицемѣритъ, показывая видъ, будто желаетъ дать пенсію, но не можетъ безъ справокъ. Хоть Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ и выслалъ уже два свидѣтельства о томъ, что у меня нѣтъ недвижимости въ г. Варшавѣ, и въ его окрестностяхъ, (но просятъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ и то) что я не имѣю собственности на всѣмъ необъятномъ пространствѣ Россіи. Натурально, что подобнаго свидѣтельства онъ дать не можетъ, да оно было бы нелѣпо.—Впрочемъ, еслибъ Варшавскій об.-полицеймейстеръ и рѣшился взять на себя такую отвѣтственность, то Комитетъ придумалъ уже новую придирку, онъ требуетъ отъ меня свидѣтельства изъ прежняго мѣстожительства и знаешьли почему? Потому, что я написалъ въ прошеніи, что я не занесенъ ни въ одну дворянскую книгу и не принадлежу ни одной губерніи. Отецъ мой перешелъ изъ Прусской службы въ Русскую послѣ Іенскаго сраженія, желая продолжать борьбу съ Наполеономъ. Тебѣ извѣстно, что Наполеонъ былъ побѣжденъ, а отецъ получилъ орденъ Св. Анны. Онъ до сихъ поръ еще ожидаетъ раціоновъ и порціоновъ за 1813 г., вѣроятно, остановка въ выдачѣ произошла за справками, не имѣетъ ли онъ помѣстій въ Калифорніи.—Не полагай, что я выдумалъ исторію отцовскихъ раціоновъ: старикъ мой, дѣйствительно, имѣлъ свидѣтельство въ полученіи ихъ. Свидѣтельство представилъ въ Военное Министерство, а когда, не получая денегъ, онъ попросилъ возвратить ему хоть документъ, то ему отвѣтили безъ церемоніи: „зачѣмъ вамъ свидѣтельство? Вы вѣрно хотите утруждать Государя Императора?“ (Тогда царствовалъ Александръ I).

Я попробую еще разъ написать объяснительную записку въ Комитетъ, а если она останется безъ дѣйствія, то попрошу г. Военнаго Министра или даже Государя, чтобы изъ моей пенсіи не вычитали процентовъ въ пользу инвалидовъ. Въ этомъ году у меня удержали на нихъ 37 р. 16 к. Неправда ли, это похоже на насмѣшку? Желая всякую мою неудачу обратить въ шутку, чтобы безполезно не горевать, я искалъ какого нибудь Героя древней исторіи, которому хотѣлъ себя

уподобить, но со стыдомъ долженъ сознаться, что не нашелъ ни одного, напротивъ, встрѣтилъ только контрасты: напримѣръ, Библія повѣствуетъ, что Самсонъ разбилъ филистимлянъ ослиною челюстью, со мною случилось обратное: филистимляне разбили ослиную челюсть. Назвавъ себя осломъ, я не скромничаю, но отдаю себѣ только справедливость, ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли глупѣе прожить свою жизнь? можно ли безцвѣтнѣе провести свою молодость? и дешевле продать свою кровь и здоровье?—Теперь, хотя я и стараюсь забыть, что служилъ и былъ генераломъ, но боли ежедневно напоминаютъ объ этомъ. А между тѣмъ жизнь моя могла бы быть такъ хороша, несмотря на мои 45 лѣтъ. Недавно я здѣсь встрѣтилъ дѣвушку 18 лѣтъ, дивной красоты, ума и доброты. Она принадлежитъ порядочной фамиліи, не имѣетъ ни отца ни матери и только что вышла изъ Патріотическаго Института; но удивительнѣй всего въ ней то, что она влюбилась въ меня. Дальняя родственница, съ которой она сюда пріѣхала, весьма ясно дала мнѣ понять, что ежели я сдѣлаю предложеніе, то отказа не получу. Скрѣпя сердце, я отклонилъ отъ себя это щастіе. Теперь другая особа, тоже дѣвушка, но лѣтъ 35, зато богатая и добрая, смотритъ на меня весьма благосклонно. Доброта въ старыхъ дѣвушкахъ не рѣдкость, но описанія ея Симбирскихъ деревень и села съ боярскимъ домомъ и широкимъ прудомъ, ворочающимъ мельницу на 6 поставахъ, чрезвычайно соблазнительно. Мельница эта дала бы мнѣ возможность попросить Комитетъ раненыхъ, чтобы онъ избавилъ меня отъ его двусмысленнаго покровительства, но я долженъ отказаться и отъ этого удовольствія. Разсказавъ о моихъ любовныхъ побѣдахъ, я вовсе не хотѣлъ ими хвалиться, и никогда не былъ фатомъ.—Напротивъ я самъ удивляюсь имъ и полагаю, что Богъ заблаговременно наказываетъ меня за прежнее честолюбіе и дурное поведеніе, посылая на меня неудовлетворенный соблазнъ.—

20-го Марта. О смѣнѣ Браневскаго я зналъ еще въ Сентябрѣ прошлаго года отъ самого Яковъ Ивановича Ростовцева, который превозносилъ нашего Браневскаго до небесъ, едва не причисливъ его къ клиру святыхъ, но все таки прибавилъ, что ему придется дать другое назначеніе. Впрочемъ Павелъ Николаевичъ довольно послужилъ и хорошо бы сдѣлалъ, если бы, выйдя въ отставку, позаботился о своемъ здоровьи; онъ имѣетъ небольшое состояніе, да и Комитетъ раненыхъ былъ къ нему милостивѣе, чѣмъ ко мнѣ, назначивъ ему въ пенсію 3 т. р. ассигнаціями. Едва не забылъ тебѣ сказать, что я попалъ наконецъ въ комплектъ кавалеровъ ордена Георгія. Мнѣ назначено 150 р. пр. въ годъ.—Такимъ образомъ, вознаградилось 15-ти лѣтнее служеніе.—

Ты спрашиваешь меня о положеніи Италіи; радъ былъ бы сообщить тебѣ что нибудь, но мы здѣсь не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Напишу, однако же, все, что знаю.

Еще въ Маѣ прошлаго года, бывши въ Парижѣ, я узналъ отъ лица, близкаго къ Наполеону, что онъ точитъ ножъ на Австрію. Въ Декабрѣ Сардинскій король намекнулъ войскамъ своимъ, чтобы они готовились къ войнѣ, а въ самый Новый годъ Наполеонъ поздравилъ Австрійскаго посланника своимъ неудовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ всѣ журналы закричали о войнѣ на всевозможные тоны. Самъ чортъ не разберетъ ихъ предположеній и догадокъ; изо всего, однако-же, видно, что Франція и Австрія серьезно готовятся къ войнѣ, а Сардинія лѣзетъ изъ кожи. Здѣшній первый министръ, глава радикаловъ или крайникъ демократовъ, графъ Кавуръ опирается на знамя итальянской свободы. Онъ долженъ будетъ отказаться отъ портфеля, если войны не будетъ. Теперь онъ на вершинѣ величія; итальянцы клянутся его именемъ—впрочемъ, они болѣе кричатъ, нежели дѣйствуютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все дворянство и все, что есть достаточнаго во всей Италіи, желаютъ изгнанія австрійцевъ; простой народъ, который менѣе отъ нихъ терпитъ, довольно равнодушенъ, но тѣ и другіе понимаютъ, что безъ помощи Франціи ничего сдѣлать не могутъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, какъ сфинксъ не говоритъ послѣдняго слова и старается убѣдить Европу въ 2-хъ вещахъ: что онъ не имѣетъ претензіи на Рейнскую границу и что Австрія будто бы его забираетъ сама. Пруссія держится своей прежней нейтральной политики, а Англія боится за свою собственную шкуру: она опасается, чтобъ другъ ея Наполеонъ, собравъ войска будто бы противъ Австріи, не посадилъ ихъ въ одну темную ночь на суда и не пожаловалъ къ нимъ въ гости. Вотъ почему она такъ хлопочетъ о мирѣ, а между тѣмъ усиливаетъ свой флотъ и укрѣпляетъ берега. Нѣтъ сомнѣнія, что роль, которую приметъ на себя Россія, будетъ имѣть огромное вліяніе на политику и даже на судьбу Австріи; если Россія останется нейтральною, то Австрія можетъ еще удержаться въ Ломбардіи, гдѣ она имѣетъ сильную армію; крѣпости и хорошую оборонительную линію. Но если Россія захочетъ уничтожить неблагодарныхъ Австрійцевъ,—то ей стоитъ послать только два корпуса въ Венгрію, не жалѣя сильную и вѣроломную Австрію. Разумѣется, что армію нашу надо будетъ поручить Андерсу, который извѣстенъ венгерцамъ, или кн. Барятинскому, или гр. Муравьеву-Амурскому, а не кастратамъ и нѣмцамъ.—Полагаю, что

въ такомъ случаѣ и тебѣ придется оставить дремучіе лѣса и выступить на поля сраженій.

Итальянскіе журналы пишутъ о сборѣ безсрочно-отпускныхъ и вообще о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи, но въ твоемъ ко мнѣ посланіи объ этомъ нѣтъ ни слова.—Конечно это предметъ очень щекотливый, но можно бы намекнуть только—я очень догадливъ. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ въ Туринѣ приготовлена квартира для арміи, разумѣется не для австрійской и французской. Говорятъ также, будто министръ Кавуръ ѣздилъ въ Парижъ подъ строжайшимъ инкогнито. Въ Италіи всѣ убѣждены, что война неизбѣжна и близка. Одни полагаютъ, что австрійцы начнутъ ее сами, чтобы разгромить сардинцевъ до прибытія французской арміи. Предлогомъ къ этому можетъ служить то, что миръ заключенный на 10 лѣтъ кончается 28 марта, т. е. черезъ недѣлю. Другіе надѣются, что Наполеонъ, подготовивъ общественное мнѣніе во Франціи, въ Европѣ откроетъ военныя дѣйствія. Но если онъ надуетъ итальянцевъ, то можетъ случиться, что они, наскучивъ ожиданіемъ, поднимутъ сами возстаніе. Тогда Сардинія и ея благородный король, всегда вѣрный своему слову, не долженъ оставить ихъ. Спрашивается, какъ тогда Наполеонъ! Этого никто не знаетъ, но онъ будетъ потерянъ въ общемъ мнѣніи, если оставитъ возмутившихся на произволъ Австріи.—

Между тѣмъ уже въ Италіи страшно взволнованы, всѣ надежды обращены на Францію и Сардинію: волонтеры со всѣхъ частей полуострова прибываютъ сюда, несмотря на пограничную стражу и полицейскій надзоръ.—Если приготовляющаяся драма превратится въ комедію, то она все таки кончится печальнымъ образомъ для волонтеровъ, которые, потерявъ имѣнія, останутся изгнанниками и будутъ служить живымъ укоромъ Кавуру, Викторъ-Эммануэлю и Наполеону. Сардинская армія доведена до 100 тысячъ, сдѣланъ заемъ въ 50 милліоновъ фр.

Вотъ и все, что я знаю о современномъ итальянскомъ вопросѣ, о которомъ распространился вслѣдствіе твоего желанія. Что касается до Ниццы, то она довольно спокойна, здѣсь такъ много иностранцевъ и такъ близко Франція, что городъ потерялъ свой итальянскій характеръ: улицы здѣсь освѣщены газомъ, поливаются водою и воспрещается выливать помои на голову проходящихъ; на площадяхъ не позволяютъ рѣзать скотину и сдирать шкуру съ падали.—Изъ этого уже видно, что Ницца не похожа на Римъ, Неаполь и другіе итальянскіе города.—

Здѣсь каждый можетъ думать и говорить, что хочетъ, но не смѣетъ сдѣлать, что вздумается; въ Римѣ и Неаполѣ приказано молчать, но разрѣшено свинствовать, сколько угодно.—

21 Марта. Погода стоитъ восхитительная; повсюду цвѣты, зелень и лазурь, даже умирать не хочется. Я остался здѣсь до начала Мая, потомъ ѣду въ Парижъ и Вильдбадъ, что близь Штутгарта. Въ Вильдбадѣ пробуду мѣсяцъ, остальное время, вѣроятно, въ Баденъ-Баденѣ, хоть лѣчиться тамъ не буду. Выдавая мнѣ безсрочный паспортъ, мнѣ сказали, что пенсія моя будетъ производиться только въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Но кто-то изъ пріѣзжихъ русскихъ порадовалъ меня извѣстіемъ, будто бы былъ новый Высочайшій указъ, которымъ разрѣшаютъ жить за границей 5 лѣтъ и пользоваться пенсіей.

Я былъ бы очень радъ, если бы это правда, потому что не нужно было бы просить о продолженіи заграничнаго содержанія. Я даже не знаю, въ чьей командѣ состоятъ отставные военные и къ кому обращаться съ прошеніемъ: къ Министру Внутреннихъ дѣлъ или по прежнему къ Военному.—

Однако прощай, дорогой Александръ Андреевичъ, будь здоровъ и щастливъ. Поклонися отъ меня твоей супругѣ и не забывай твоего бѣднаго и стараго друга.

Агатонъ.

P. S. У меня на нижней челюсти остался одинъ только зубъ. Храню и берегу его противъ Комитета раненыхъ.

Извини что заболтался.

10/22 Августа 1859. Баденъ-Баденъ.

Мой добрый старый другъ!

На этотъ разъ у меня есть прекрасное оправданіе моему долгому молчанію. Я женился и все это время нахожусь въ какомъ то чаду, изъ котораго и теперь не совсѣмъ вышелъ. Извѣстіе это не мало удивитъ и вмѣстѣ обрадуетъ тебя, потому что ты заключишь изъ него, что я сдѣлался молодцомъ, если рѣшился на столь важный шагъ. Увы! Предположеніе твое было бы очень ошибочно, потому что я такая же дрянь, какъ былъ, женитьба же моя приключилась самъ не знаю какъ.—Вотъ ея краткая исторія.

Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Ниццу, я тамъ не думалъ ни съ кѣмъ знакомиться и началъ вести обыкновенную мою одинокую жизнь. Въ одно прекрасное утро является ко мнѣ пожилой мужчина, рекомендуетъ, что онъ Валерій Валеріевичъ Скрыпицинъ (бывшій директоръ Д-та Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Вн. Дѣлъ) и что ему поручилъ другъ его, и мой хорошій знакомый, Николай Арсеньевичъ Жеребцовъ, познакомиться со мною. Нельзя было не отвѣтить на подобную любезность: я отдалъ Скрыпицину визитъ, былъ приглашенъ на обѣдъ, за которымъ познакомился съ зятемъ Скрыпицина, Михаиломъ Николаевичемъ Краснокутскимъ. Несмотря на мою дикость и нежеланіе сближаться, въ особенности съ русскими путешественниками, Краснокутскій мнѣ чрезвычайно понравился съ перваго взгляда. Узнавъ его потомъ покороче, я началъ уважать въ немъ положительный и солидный характеръ, прекрасное образованіе, обширную начитанность и теплую, симпатичную душу. Такихъ людей въ Россіи, къ сожалѣнію, немного, да и служить имъ трудно, поэтому Краснокутскій давно вышелъ въ отставку и проживалъ или въ Москвѣ, или въ своихъ Симбирскихъ деревняхъ. Разстроенное здоровье жены заставило его провести зиму въ Ниццѣ.—При женѣ его проживали, въ рѣдкомъ между собою согласіи, двѣ ея сестры.—Нельзя было не любоваться этимъ милымъ, простымъ, добрымъ семействомъ, у всѣхъ членовъ его казалось одна душа, одна цѣль—угодить другъ другу.—

Меня приняли тамъ съ перваго же раза, какъ стараго знакомаго, не расточали ласкъ и комплиментовъ, но выказали столько участія моему положенію, и притомъ съ такою простотою и естественностью, что я долженъ былъ повѣрить, что присутствіе мое не тягостно, напротивъ пріятно.—Я часто встрѣчался, гуляя, съ Краснокутскимъ, но мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы моя свирѣпая рожа могла кому либо вскружить голову. Въ началѣ мая Краснокутскій съ семьей долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, а я думалъ перебраться въ Баденъ. Я проводилъ ихъ до французской границы, которая, какъ тебѣ извѣстно изъ компаніи 1796 года, проходитъ въ пяти верстахъ отъ Ниццы по р. Васъ. Тутъ, въ минуту разлуки добрыя двѣ сестры пролили нѣсколько слезинокъ, но бѣдная моя Зинаида расплакалась, какъ дитя.—Тутъ я въ первый разъ понялъ, какъ сильно она меня любитъ. Проводивъ ихъ, я далъ слово писать и воротился въ мою печальную квартиру. Но Ницца сдѣлалась для меня нестерпимой, и, сѣвъ на пароходъ, отправляющійся въ Марсель, оттуда черезъ Ліонъ, Дижонъ и Страссбургъ, на третій день прибылъ въ Баденъ-Баденъ, мое любимое мѣстопребываніе. Мы въ письмахъ высказали наши чувства,—и вотъ,

вытребовавъ по телеграфу отъ отца мой указъ объ отставкѣ и родительское благословеніе, мы 29 іюля обвѣнчались въ Висбаденѣ, въ прелестной, граціозной нашей русской церкви, выстроенной, какъ тебѣ извѣстно, надъ могилой нашей Великой Княжны Елизаветы Михайловны.

Вотъ уже двѣ недѣли, что я женатъ, жена моя прелестная женщина, жаль что я не могу послать тебѣ ея портрета, она москвичка, Зинаида Павловна Филиппова (такъ звали ее) и симбирская помѣщица. Я вполнѣ счастливъ! Я давно не бралъ въ руки ни одного журнала, знаю, однако, что результатами послѣдней войны всѣ недовольны. Во первыхъ—австрійцы и всѣ мелкія германскія княжества, придерживающіеся ихъ политики, потомъ италіанцы, которые мечтали объ эмансипаціи всей Италіи и даже о лишеніи Папы свѣтской области, наконецъ—французы, заплатившіе 500 м. фр. и потерявшіе до 50 т. лучшихъ солдатъ и получившіе взамѣнъ весьма сомнительное вліяніе на Италію. Французы хотятъ имѣть низовья Рейна, объ этомъ только и мечтаютъ, ко всему же остальному довольно равнодушны.—Не знаю, что у насъ дѣлается въ Россіи, но, полагаю, все идетъ по прежнему, то есть, пишутъ много, а дѣлаютъ мало.—

Что бы тебѣ еще сказать? Мы живемъ здѣсь тихо и мирно и, хоть здѣсь обрѣтаются король виртембергскій, принцесса прусская, жена регента, великій герцогъ баденскій, эрцъ-герцогъ австрійскій и еще какіе то принцы, но они не обращаютъ на себя вниманія публики.—Зато на дняхъ изволила здѣсь останавливаться наша вдовствующая Императрица. Ну, это было другое дѣло, заранѣе очистили цѣлый отель, на желѣзной дорогѣ ожидала цѣлая толпа, потомъ было представленіе Ея Величеству.— У меня сердце радовалось, видя какъ наша Государыня умѣетъ поддержать достоинство Россіи.—Говорятъ—Ея Величество проведетъ всю зиму въ Ниццѣ—я щастливъ заранѣе.

Однако, я заболтался, вѣроятно, надоѣлъ тебѣ пустяками. Да будетъ щастіе надъ тобою и надъ всѣмъ твоимъ семействомъ.

Твой старый товарищъ и другъ

Агатонъ Вранкенъ.

1/13 Апрѣля 1860-го. Ницца.

Если не ошибаюсь, то каждое письмо мое начинается длиннымъ оправданіемъ моего долгаго молчанія. Болѣзнь, происходящая отъ этого апатія, однообразная жизнь и отсутствіе всякой надежды на что нибудь

лучшее, дѣлаютъ то, что мнѣ такъ же трудно написать письмо, какъ тебѣ прочесть его.—Я понимаю, что послѣ твоихъ трудовъ по департаменту тебѣ пріятно было бы отдохнуть надъ чтеніемъ безыскуственныхъ, но теплыхъ строкъ твоего товарища стараго и преданнаго друга, но, къ сожалѣнію, изъ подъ пера моего выливаются однѣ іереміады, исполненныя позднихъ сожалѣній желчи. На дняхъ я получилъ письмо отъ брата. Онъ увѣдомляетъ меня, *во первыхъ*, что Комитетъ Раненыхъ отказалъ мнѣ въ пенсіонѣ потому, что въ 1851 году я получилъ аренду на 12 лѣтъ. Можетъ быть, это совершенно законно, но почему Комитетъ, имѣвшій мой формуляръ, не отказалъ мнѣ въ самомъ началѣ переписки; зачѣмъ онъ спрашивалъ меня: *не взялъ ли я аренды всей впередъ сполна*, что ввело меня въ пріятное заблужденіе, зачѣмъ опъ потребовалъ отъ меня разныхъ свидѣтельствъ и документовъ? И когда, послѣ многихъ хлопотъ и издержекъ, я представилъ все требуемое, Комитетъ указалъ на причину, ему давно извѣстную. Согласись, что это весьма непріятно.

Во вторыхъ, братъ узналъ въ Капитулѣ орденовъ, что пенсія въ 150 р. назначенная мнѣ за Георгія, не только не будетъ отпускаться за границу, но что я потерялъ на нее всякое право, если не возвращусь тотчасъ же и не буду хлопотать объ отпускѣ ея.

Въ третьихъ, что, хотя русскимъ подданнымъ и дозволяютъ оставаться за границей 5 лѣтъ, но, что пенсіи даются лишь въ теченіе 2-хъ лѣтъ. На этомъ основаніи я лишенъ и послѣдней пенсіи, которую получалъ изъ Государственнаго Казначейства.—

Конечно, я здѣсь знаю многихъ русскихъ, получающихъ уже 10 лѣтъ большія пенсіи, но они просили объ этомъ, а я во всю мою службу никогда не утруждалъ начальство моими просьбами. И вотъ на старости лѣтъ приходится кланяться. Чтобы избѣжать этого, я готовъ и могъ принять частную службу, но здоровье не позволяетъ не только трудиться, но даже жить въ россійскомъ климатѣ, а между тѣмъ, надо будетъ пріѣзжать на поклонъ въ Петербургъ.—

Не знаю, имѣлъ ли ты время слѣдить за ходомъ и характеромъ европейской политики?—я, какъ больной и праздный имѣю достаточно времени разсматривать вопросы эти со всѣхъ сторонъ. Вотъ, если тебѣ не скучно, нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій.—

Въ 1830 году Франція объявила за собою право давать себѣ такое правленіе, какое ей вздумается. Ни одному правительству эта вы-

ходка не понравилась, но никто не захотѣлъ воевать съ сильною Франціею и съ мирнымъ королемъ. Англія объявила правило не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Почти въ то же время въ журналахъ начали кричать о напіональностяхъ, то есть о составленіи государствъ по націямъ. Въ 1848 году, народы хотѣли преобразовать свои границы по народностямъ, но попытка эта не удалась, благодаря краснымъ республиканцамъ, соціалистамъ и коммунистамъ, которыхъ замыслы перепугали всѣхъ зажиточныхъ людей, или, какъ французы говорятъ, „chacun qui tenait à quelque chose".

Все притихло, но урокъ, полученный Германіею и Италіею не пропалъ даромъ. Въ Піэмонтѣ явился на престолъ честный и благородный король и умный министръ. Они предприняли въ маленькомъ государствѣ реформы и учрежденія, которыя сдѣлали Виктора-Эммануила знаменемъ и якоремъ всей Италіи. Ломбардская война и Цюрихскій миръ ничего не значили, и показали только какъ мало можетъ сдѣлать оружіе. Но почти единогласное сверженіе герцоговъ въ Моденѣ, Пармѣ, Болоньѣ и въ Тосканѣ и вступленіе въ подданство Виктора-Эммануила озадачило всю Европу и едва ли Наполеона не болѣе другихъ.—Къ счастію его онъ молчаливъ, и потому никто не можетъ упрекнуть его въ недальновидности.—Надо полагать, однако жъ, что ему пріятнѣе было бы принять подъ свое покровительство Итальянскую Конфедерацію, чѣмъ имѣть сосѣдкою 19-ти милліонную монархію, которая грозитъ поглотить остальную Италію.—Никто не сомнѣвается, что при первой войнѣ Австріи, въ Германіи, Венгріи, или гдѣ нибудь, Викторъ-Эммануилъ бросится на знаменитый четыреугольникъ, и въ то же время безъ выстрѣла овладѣетъ римскими и неаполитанскими владѣніями. Это рано, или немного позднѣе должно сбыться. Но итальянскій переворотъ, кромѣ всѣмъ видимаго результата, озадачилъ всѣ старые кабинеты формою переворота, то есть спокойнымъ низложеніемъ своихъ владѣтелей и отдачею себя новому, совершенно постороннему Государю.—Народный актъ этотъ, составлявшій до сихъ поръ какъ бы прерогативу французовъ, перешелъ теперь въ число правъ итальянскихъ мелкихъ владѣній.—Нѣтъ сомнѣнія, что австрійскій императоръ предпочелъ бы видѣть Тоскану и прочія герцогства покоренными оружіемъ, нежели избравшими Виктора-Эммануила. Къ пущему негодованію Австріи, Наполеонъ III, выторговавшій себѣ Савойю и Ниццу, какъ будто желалъ освятить это новое право, объявивъ, что онъ не иначе намѣренъ присоединить эти двѣ провинціи, какъ съ рѣшенія поголовной подачи голосовъ самихъ жителей. На объявленіе объ этомъ присоединеніи, нѣкоторые кабинеты отвѣтили, что они признаютъ за Вик-

торомъ-Эммануиломъ право уступить, а за Наполеономъ принять Савойю и Ниццу, но считаютъ излишнимъ спрашивать согласіе на это народонаселенія.—

Между тѣмъ, пока въ Италіи происходитъ возсоединеніе,—народы мелкихъ германскихъ государствъ стремятся къ тому же.—Ты знаешь, что въ прошломъ году, когда Наполеонъ былъ въ Ломбардіи, противъ него ополчилася уже Германія. Австрія умѣла склонить на свою сторону Баварію, Баденъ, Нассау и пр. народы, которые желали тоже войны, но вовсе не для поддержанія Австріи; они надѣялися во время войны сбросить съ себя князей и образовать сильное Южно-Германское государство изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена, Гессенскихъ княжествъ и Нассау; другіе желали присоединиться къ Пруссіи. Многіе нѣмцы говорили мнѣ, что имъ нужна война, чтобы совершить преобразованіе феодальныхъ раздробленныхъ формъ. Кажется Наполеона эта идея перепугала болѣе чѣмъ нѣмецкіе штыки, и онъ поспѣшилъ заключить перемиріе въ Вилла-Франкѣ. Никогда, можетъ быть, Европа не была въ такомъ боязливомъ настроеніи какъ теперь: Неаполь и папа боятся Виктора-Эммануила, а болѣе еще своихъ собственныхъ подданныхъ, Испанія со слезами подписала невыгодный миръ съ Марокко, боясь Англіи. Австрія боится Богеміи, Венгріи, Пруссіи, Сардиніи и Россіи; Пруссія боится потерять Рейнъ и свое вліяніе на Германію; сія послѣдняя вся сполна трепещетъ, чтобы Франція не сошлась близко съ Россіею и не приняла нѣмцевъ въ тиски.—Наконецъ, Англія никогда еще такъ не боялась Франціи какъ теперь.—Надъ цѣлою Европою возвышается молчаливая фигура Наполеона III, который терпѣливо слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ, народными нуждами, страстями и ошибками правительствъ. Европа знаетъ, что надъ ней паритъ Французскій орелъ, который все видитъ, все понимаетъ, всѣмъ умѣетъ воспользоваться, не пугаетъ и ничего не прощаетъ.—Вотъ почему каждое слово, каждый жестъ Наполеона, повторяются во всѣхъ углахъ Европы и возбуждаютъ надежду или страхъ.—Въ настоящую минуту всѣ опасаются, что онъ черезъ годъ или черезъ два зажжетъ войну въ Германіи, чтобы пріобрѣсть Рейнъ. Только этимъ своимъ завоеваніемъ онъ можетъ упрочить свою династію на шаткомъ французскомъ престолѣ, тогда не только республиканцы, но и легитимисты покорятся ему изъ благодарности.—Мнѣ говорили нѣсколько французскихъ легитимистовъ, что въ день подписанія мира, по которому Рейнъ потечетъ по границѣ Франціи, они соберутся въ церковь отслужить молебенъ въ память Бурбоновъ, и затѣмъ въ Тюльери съ поклономъ Наполеону.

Можно не уважать, но нельзя не удивляться этому человѣку; его уму, терпѣнію, твердости и ловкости. Подтвержденія этому у меня передъ глазами; въ прошломъ году одинъ изъ *ницкихъ журналовъ* началъ толковать о томъ, какъ выгодно было бы Ниццѣ принадлежать Франціи. Не проходило дня, чтобы въ журналѣ этомъ не была помѣщена статья подъ всегдашнимъ заглавіемъ: „Les interets du Comté de Nice“, въ которой доказывалось бѣдственное настоящее положеніе графства и блистательная будущность, если она перейдетъ во власть Франціи. Мало по малу образовались здѣсь 2 партіи: итальянская и французская. Отъ нечего дѣлать я усердно слѣдилъ за ходомъ этой интриги, и нахожу, что лучшая роль въ ней принадлежитъ Наполеону, хотя и онъ игралъ ее въ маскѣ.—

Вотъ что теперь оказывается: Наполеонъ обѣщалъ выгнать Австрійцевъ изъ Венеціи, и за это выговаривалъ себѣ Савойю и Ниццу. Но такъ какъ по Вилла-Франкскому миру, Венеція осталася за Австріею, то тайный этотъ договоръ остался безъ исполненія.

Наполеонъ объявилъ, что не противится возстановленію герцоговъ и совѣтовалъ Виктору-Эммануилу не брать Тоскану; но послѣдній не послушался и принялъ ея подданство.—Тогда Императоръ объявляетъ претензію на Савойю и Ниццу.—Итальянцы при этомъ выказали себя порядочными подлецами, они начали кричать, что Наполеонъ обѣщалъ отдать имъ Венецію, и такъ какъ не исполнилъ этого, то не имѣетъ права на вознагражденіе. Что же касается до присоединенія Пармы, Модены и Тосканы, то будто оно произошло безъ помощи, даже противъ желанія Наполеона, который, слѣдовательно, не имѣетъ повода требовать Ниццы и Савойи. Съ другой стороны Кавуръ хотѣлъ показать Европѣ и въ особенности Италіи, какъ неохотно Піемонтскія провинціи переходятъ въ чужое подданство. Съ этой цѣлью сюда командировали изъ Генуи нѣсколько отчаянныхъ итальянцевъ-патріотовъ, которые принялися дѣлать тутъ публичныя манифестаціи: прогулки по городу съ Піемонтскимъ знаменемъ, ношеніе бюста Викт.-Эмман., требованія въ театрѣ народнаго гимна и т. п.. При этомъ случаѣ, надобно сознаться, что многіе изъ русскихъ объявили себя закоснѣлыми итальянцами, они перепугали ниццаровъ увѣреніемъ, что русскіе перестанутъ посѣщать ихъ городъ, когда онъ сдѣлается французскимъ. Начались безпорядки, дѣло доходило до ножей. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ списался съ Туриномъ, и приняты слѣдующія мѣры: всѣ должностныя лица, поставленныя отъ короны, отозваны и замѣнены уроженцами Ниццы; объявленъ манифестъ, освобождающій ниц-

царовъ отъ подданства савойскому дому; отозваны сардинскія войска и въ то же время нѣкоторые французскіе полки, занимавшіе Ломбардію, вмѣсто того, чтобы сѣсть на суда въ Генцѣ, стали проходить по Ривьерѣ и пріостанавливаться въ Ниццѣ, какъ будто для отдыха. Кромѣ того сюда пріѣхалъ французскій сенаторъ Піэтри (родомъ корсиканецъ), который принимаетъ прошенія на имя Императора, депутаціи, корпораціи и щедро обѣщаетъ имъ все, о чемъ бы онѣ не попросили.—Множество мелкихъ французскихъ агентовъ разсыпано по всему краю. Поэтому можно уже предвидѣть что „la saute de l'annexion" пройдетъ значительнымъ большинствомъ въ пользу Франціи. Изъ всего этого видно: 1-е) что Наполеонъ ловкій политикъ; 2-ое) что пьемонтцы, тосканцы и прочіе суть неблагодарныя свиньи...., скоро забывшія помощь Франціи: 3-е) что ниццары, отрекающіеся отъ своей національности ради торговыхъ выгодъ, тоже подлецы.—Я понимаю, что Наполеонъ имѣетъ право требовать естественныхъ границъ, но ему хочется увѣрить Европу, что присоединеніе это дѣлается по желанію жителей Савойи и Ниццы.—Еще скверпѣе то, что пьемонтцы, ломбардцы, тосканцы и прочіе, торгуются со своимъ избавителемъ и хотѣли увернуться отъ уступки.—Ниццары и савойяры, напротивъ, имѣли полное право отстаивать свою національность и либеральныя учрежденія; но они продаютъ себя и думаютъ только о томъ какъ бы подороже взять за свою свободу. Кто посѣтилъ, и въ особенности, пожилъ въ Италіи, не можетъ не согласиться, что итальянцы развратники и подлецы. И потому, если всѣ радуются воскресенію Италіи, то, конечно, въ той пріятной надеждѣ, что справедливое, либеральное и *просвѣтительное* правительство преобразуетъ характеръ и улучшитъ нравственность жителей этой прекрасной страны.—Но довольно о политикѣ!

2/14 Апрѣля. Англичане постоянно хлопочутъ объ удобствѣ путешествій; что они для этого не придумали! И экстренные цуги на желѣзныхъ дорогахъ и колоссальные пароходы, но Наполеонъ доставилъ мнѣ легчайшій способъ переѣзжать изъ государства въ государство; благодаря его политикѣ, я, не выходя изъ своей квартиры, могу покинуть Италію и очутиться во Франціи. Шутки въ сторону, но я дѣйствительно радъ отчасти присоединенію Ниццы къ Франціи, потому что при предстоящей поѣздкѣ въ Парижъ, избавлюсь таможеннаго осмотра чемодановъ. Хотя у меня бывалъ съ собою до сихъ поръ одинъ сундучекъ, но жена присоединила къ нему своихъ восемь огромныхъ сундучищъ; въ каждомъ изъ нихъ могутъ спрятаться по крайней мѣрѣ 2 человѣка.

Побывавъ лѣтомъ на разныхъ водахъ для жены и для меня, думаемъ тронуться въ первыхъ числахъ Августа въ Петербургъ, а оттуда, смотря по состоянію здоровья, или въ Москву, куда желаетъ жена, или въ Ниццу, гдѣ я менѣе страдаю.—Пріятно будетъ увидѣть старыхъ родителей, братьевъ, сестеръ, обнять и поблагодарить тебя. Но когда подумаю о Комитетѣ раненыхъ, орденскомъ Капитулѣ, казначействѣ, о клопахъ, тараканахъ, съ которыми опять придется имѣть дѣло, то радость уступаетъ мѣсто страху. Пуще же всего я боюсь климата: вотъ уже три года, какъ я постоянно и ежедневно любуюся зелеными растеніями и цвѣтами, а снѣгъ вижу только на вершинахъ Тендскаго хребта, который защищаетъ Ниццу отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Россія хороша для здоровыхъ, но для больныхъ родина тамъ, гдѣ климатъ облегчаетъ ихъ страданія.

Наша старушка царица чувствуетъ себя нѣсколько лучше: она начала довольно часто посѣщать недавно отстроенную при ея высокомъ содѣйствіи православную церковь. Церковь эта находится сейчасъ за садикомъ моей квартиры и такъ какъ сегодня Страстная суббота, то вся здѣшняя русская колонія дефилируетъ предо мною. Вся улица загромождена каретами, которыхъ я насчиталъ болѣе 50. Можешь судить, какая давка въ церкви, куда я часто отвожу жену. Великій Князь Николай Николаевичъ также здѣсь, но жалуется на скуку безъ жены. Принцъ Петръ Ольденбургскій недавно воротился изъ Рима, а В. К. Марія Николаевна отправилась туда, на празднество Святой недѣли.

Передай мой усердный поклонъ милой супругѣ твоей.

Твой старый другъ А. Вранкенъ.

---

27 Сентября 1860 г. Москва.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Съ 1-го Августа мы все собирались выѣхать въ Россію, прямо въ Петербургъ, гдѣ я надѣялся обнять тебя, и кончилося тѣмъ, что я очутился въ Москвѣ. Запоздали же мы своимъ выѣздомъ потому, что, надобно тебѣ сказать, что семейство наше можетъ быть названо по всей справедливости подвижнымъ лазаретомъ. Изъ пяти членовъ его: 3-хъ дамъ и 2-хъ мужчинъ, четверо поочередно или попарно хвора-

ютъ.—Такимъ образомъ, мы провели въ Гамбургѣ цѣлый мѣсяцъ, ежедневно собираясь и ежедневно откладывая отъѣздъ въ Россію. Только въ концѣ Августа мы въ одинъ день перенеслись въ Дрезденъ, но тамъ прихворнули 10 дней; точно такимъ образомъ добрались мы до Варшавы. Городъ этотъ и прежде не блисталъ порядкомъ и опрятностію, но теперь онъ достигъ до крайнихъ предѣловъ свинства. Вонь на улицахъ такъ сильна, что при выѣздѣ женѣ моей сдѣлалось дурно. Можетъ быть, если бы я прибылъ въ Варшаву изъ Россіи, то она не поразила бы меня своею неопрятностію и безпорядкомъ, но я слишкомъ три года провелъ за границей и началъ уже привыкать къ чистотѣ. Объ администраціи и новыхъ порядкахъ скажу только, что поляки съ сожалѣніемъ вспоминаютъ времена Паскевича, которыя, однако же, могутъ назваться золотымъ вѣкомъ царства Польскаго.—

Въ Варшавѣ я нашелъ нѣсколько сослуживцевъ и стараго товарища по академіи *Семеку*. Какъ лицо административное, онъ не осуждаетъ никого, но и то дѣлаетъ ему честь, что онъ отмалчивается и не защищаетъ виноватыхъ.—

Пробывъ въ Варшавѣ 10 дней, я взялъ уже мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, но счастливый случай, благодаря Бога, развязалъ меня съ почтовымъ вѣдомствомъ. Я узналъ, что жена бывшаго Московскаго оберъ-полицмейстера, ѣхавшая за границу, ищетъ случая отправить свою дорожную карету обратно въ Москву. Возможность ѣхать одному и останавливаться гдѣ угодно на ночлегъ, заставила меня измѣнить намѣреніе и не ѣхать уже на Петербургъ. Я предпочелъ пуститься прямо на Москву.—Путевыя мои впечатлѣнія я опишу послѣ, а теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашихъ почтовыхъ экипажахъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ почты устроены для публики. Поэтому конторы отправляютъ ежедневно такое число экипажей, которое могло бы поднять все число записавшихся пассажировъ. Въ Пруссіи достаточно явиться на почту за $^1/_4$ часа до отправленія ея, чтобы имѣть право на мѣсто и въ такомъ случаѣ, если всѣ мѣста заняты, запрягаютъ особую четверомѣстную карету для одного лишняго путешественника. И замѣть, что пассажиръ платитъ только за то пространство, которое дѣйствительно проѣхалъ, а не за весь путь дилижанса.—У насъ, напротивъ, пассажиры существуютъ для почты, то есть ихъ берутъ столько, чтобы они уплатили прогонныя деньги за дилижансъ и, чтобы казенныя посылки и письма перевезлись да-

ромъ. Поэтому записываться надо недѣли за двѣ, а заплатить долженъ за весь путь отъ Варшавы до Петербурга, хотя желалъ я ѣхать только до г. Острова.—О разныхъ другихъ неудобствахъ я уже не говорю, это было бы слишкомъ длинно.—Итакъ я выѣхалъ въ собственномъ, то есть въ чужомъ, экипажѣ прямо на Москву.—Шоссе въ Царствѣ Польскомъ отвратительно, лошади тощія и потому надо было запрягать шестерикъ; я долженъ, однако же, сказать, что по мѣрѣ удаленія отъ центра управленія, то есть отъ Варшавы, и дороги и почты становятся исправнѣе; за Брестомъ-Литовскимъ я началъ чувствовать, что я дѣйствительно въ Россіи: напримѣръ, хочу ночевать; красивенькій станціонный домикъ въ готическомъ вкусѣ такъ и манитъ на ночлегъ, но только отворишь дверь, какъ тебя обдастъ нестерпимая вонь, въ коридорѣ на старой рогожкѣ или на изодранной шинели, свернувшись въ клубокъ какъ собаки, спятъ сторожъ, староста и очередной ямщикъ.—Входишь въ пассажирскій покой; паркетный полъ покрытъ какимъ то безымяннымъ тряпьемъ, диваны подъ засаленными чехлами. Несмотря на это, измученный и усталый, стараешься уснуть, но много черезъ часъ просыпаешься отъ страшнаго зуда по всему тѣлу; клопы, блохи и въ особенности мухи (кусающія даже въ потемкахъ) не дадутъ уснуть ни на минуту.—Такихъ ночей я провелъ 8, пока добрался до Москвы, гдѣ остановился въ домѣ Варгина. Варгинъ заслуживаетъ, чтобы объ немъ сказать нѣсколько словъ, въ особенности. Будучи за границей, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ удобствѣ тамошнихъ chambres garnies и возымѣлъ намѣреніе устроить въ Москвѣ нѣчто подобное. Это удалось ему какъ нельзя лучше. (Я забылъ тебѣ сказать что Варгинъ русскій купецъ и вдобавокъ старообрядецъ.) Онъ меблировалъ и отдѣлалъ, не щадя денегъ, 2 дома: стѣны обиты штофомъ, мебель бархатомъ, повсюду дорогая бронза, часы, лампы и все это съ большимъ вкусомъ и удобствомъ. Каждая квартира снабжена тонкимъ бѣльемъ, посудою и серебромъ. Однимъ словомъ, пріѣзжему надо имѣть только свою одежду. Прислуга у Варгина вся состоитъ изъ русскихъ (кажется тоже раскольники), опрятно одѣта въ русское платье; она усердна, расторопна и выослива. Варгинъ доказалъ, что русскій заѣзжій домъ можетъ существовать безъ клоповъ, блохъ и таракановъ.

Правда, что за семь чистыхъ комнатъ (кромѣ службъ) мы платимъ 350 р. сер. въ мѣсяцъ, но, несмотря на столь дорогую плату мы намѣревалися остаться тамъ на всю зиму, если бы квартира наша не была уже сдана на 1-ое Октября.—Пришлось искать квартиру. Агенты наши рыскали по цѣлому городу, жена и сестры ея заѣздили лошадей и были поражены неопрятностію московскихъ домовъ. За границею

легко найти роскошную квартиру, еще легче встрѣтить простенькую и опрятную, попадаются, наконецъ, и не совсѣмъ чистыя; но въ такомъ случаѣ можно быть увѣрену, что въ ней проживало русское семейство.—Въ Москвѣ грязь повсемѣстна, о маленькихъ и дешевыхъ квартирахъ говорить нечего, онѣ всѣ грязны; но даже жилища богатыхъ людей представляютъ печальный контрастъ роскоши съ неряшливостью, мотовства со скаредностью. Осмотрѣвъ множество домовъ, мы рѣшительно не нашли ни одного опрятнаго: за великолѣпными пріемными комнатами слѣдуетъ темный и грязный буфетъ, спальни съ оборванною мебелью и кухня съ сгнившими поломъ и тараканами. (Прислуга вѣроятно спала въ прихожихъ на полу). Мы наняли наконецъ 7 комнатъ (кромѣ людскихъ) за 200 р. сер. въ годъ.—Въ продолженіе 3 недѣль мы ее мыли, чистили, обклеивали. Если вздумаешь, то вотъ мой адресъ: на Малой Дмитровкѣ, въ приходѣ Стараго Пимена, въ домѣ Хлюстиной (бывшемъ Писемскаго).

Мы только что переѣхали, еще не разложились и не устроились, покупаемъ шкафы и комоды, потому что, кромѣ штофомъ обитой мебели, мраморныхъ статуй, хозяйственныхъ принадлежностей и удобства нѣтъ.—А замѣть себѣ, что предмѣстникъ нашъ Писемскій давалъ по два бала въ недѣлю и держалъ собственныхъ музыкантовъ. Гдѣ они спали—Богъ знаетъ.

Москва до сихъ поръ довольно пуста: здѣшній „beau monde“ или за границею, или не воротился еще изъ деревни, одни купцы щеголяютъ экипажами и лошадьми, зато чернаго народа тьма.—Я не понимаю зачѣмъ они цѣлый день шляются по улицамъ, какъ будто у нихъ нѣтъ занятій. Пьяныхъ очень много, но полиція подбираетъ только тѣхъ, которые не могутъ подняться на ноги. Дамы мои были удивлены и даже перепуганы огромнымъ количествомъ арестантовъ, которыхъ безпрестанно водятъ по улицамъ. Не понимаю зачѣмъ ихъ таскаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Европѣ есть преступники, но, въ продолженіе всѣхъ моихъ вояжей я разъ только видѣлъ (и то въ Австріи) какъ два жандарма везли арестанта. У насъ, вѣроятно, это дѣлается для здоровья узниковъ; жаль только, что они не умѣютъ оцѣнить столь филантропической мѣры и часто бѣгаютъ.—Я имѣю право это говорить потому, что не дальше какъ вчера ѣздилъ въ полицію по дѣлу сестры моей жены. У ней вытащили во время служенія въ Сергіевской Лаврѣ, при мощахъ девять тысячъ руб. сер. Вора поймали, но денегъ, конечно, не нашли.—При слѣдствіи оказалось, что онъ уже 4 раза бѣгалъ изъ подъ ареста и что, между прочимъ, онъ уже

укралъ 30 т. р. Надо надѣяться, что его теперь будутъ держать строже и не отдадутъ на порученіе товарищамъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ обѣщалъ слѣдственный приставъ. Но воротимся къ Москвѣ.

Городъ до сихъ поръ не освѣщенъ газомъ, тогда какъ за границей я видѣлъ множество деревень, имѣющихъ газъ. Ночью такъ темно на улицахъ, что дамы мои боятся выѣзжать вечеромъ. Мостовая такая же какъ и въ Петербургѣ, тротуары кирпичные; нечистота повсюду, и въ особенности, въ полдень, когда дворники начинаютъ мести улицы и осыпаютъ соромъ проѣзжающихъ и проходящихъ. На перекресткахъ рѣдкая улица прописана, многіе дома безъ номеровъ, да и номера ведутся по цѣлому городу; вообще Москва напоминаетъ времена Бориса Годунова и Шуйскаго. Порядки въ ней, полагаю, съ тѣхъ поръ не измѣнились. Публика ждетъ сюда оберъ-полицмейстера Потапова, въ надеждѣ, что онъ переловитъ воровъ и заведетъ порядки. Сомнѣваюсь въ успѣхѣ его.—

Здоровье мое по прежнему плохо, но, пока еще не начались холода, припадки не такъ сильны и часты, какъ я ожидалъ. Дня два тому назадъ случился, однако, морозъ и я очень страдалъ. Поэтому со страхомъ думаю или, правдивѣе сказать, стараюсь не думать о предстоящихъ морозахъ, вьюгахъ, снѣгахъ и прочихъ сѣверныхъ удовольствіяхъ. Впрочемъ, все это я предвидѣлъ и если согласился пріѣхать въ Москву, то единственно, чтобы потѣшить добрую жену.

5-го Ноября. Предчувствіе не обмануло меня, цѣлый мѣсяцъ промучился я съ своими болями въ постелѣ и потому не могъ докончить этого посланія. Тяжело и долго тянулся этотъ мѣсяцъ; ночи я провожу прескверно, встаю въ 6 часовъ утра, перебираюсь въ кабинетъ на кушетку утомленный, какъ будто я рубилъ дрова. Въ серединѣ дня мнѣ становится легче, но тутъ завтракъ, визиты, а иногда прогулки въ крытой каретѣ, берутъ свободное отъ болей время. Вечеромъ я не могу ни читать, ни писать, въ глазахъ какой то туманъ и песокъ, въ десять часовъ я уже въ постелѣ. И такимъ образомъ проходитъ день за днемъ, а письма лежатъ и напрасно ждутъ окончанія.

Зиму проведу въ Москвѣ и мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить въ Петербургъ, посмотрѣть на моихъ стариковъ, обнять тебя, порадоваться твоимъ успѣхамъ и послушать италіанскую оперу, до которой я страшный охотникъ. Говорятъ, что въ Москвѣ есть какіе то итальянскіе

крикуны, но, судя по всѣмъ прочимъ московскимъ удовольствіямъ, это должны быть какіе нибудь промотавшіеся шарлатаны; не ожидаю отъ нихъ ничего порядочнаго. Правда ли, что театры будутъ открыты съ 4-го Декабря? Трауръ и такъ сдѣлалъ мнѣ убытокъ: не предвидя его, я сдѣлалъ женѣ нѣсколько великолѣпныхъ цвѣтныхъ платьевъ, которыя теперь лежатъ и, конечно, выйдутъ изъ моды, а между тѣмъ пришлось сшить черный костюмъ.—Я просилъ жену подождать съ трауромъ, пока я получу пенсію изъ Комитета раненыхъ, но терпѣніе видно не изъ числа ея добродѣтелей. Она пожертвовала, однако жъ, для меня шлейфомъ, который по моему чину она могла бы имѣть въ аршинъ длиною. И за то уже ей спасибо! Вообще надо замѣтить, что большая часть московскихъ дамъ, даже и тѣ, которыя не имѣютъ экипажей, считаютъ себя принадлежащими къ Императорскому Придворному Штату. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ разсказывать нелѣпѣйшія вѣсти и сплетни.

О крестьянскомъ вопросѣ также толкуютъ вкривь и вкось. Въ послѣднее время, не знаю почему, разнесся слухъ, будто онъ будетъ рѣшенъ въ пользу помѣщиковъ, что несказанно обрадовало послѣднихъ. На этомъ основаніи имѣнія опять нѣсколько вздорожали и дома упали въ цѣнѣ. У меня два зятя, то есть мужья моихъ сестеръ, имѣютъ деревеньки въ Можайскомъ уѣздѣ и потому очень принимаютъ къ сердцу этотъ вопросъ.

Но я опять отвлекся отъ моихъ собственныхъ плановъ: весною, если только здоровье позволитъ, я думаю ѣхать въ деревню жены, въ Симбирскую губ., гдѣ проживу все лѣто, а осенью полагаю отправиться за границу, то есть въ благословенную Ниццу, которая оплакиваетъ теперь кончину своей благодѣтельницы Императрицы Александры Ѳеодоровны. Надѣюсь, что присоединеніе Ниццы къ Франціи не перемѣнитъ ни цвѣта неба, ни красоты моря Средиземнаго. Не даромъ Гарибальди, завоевавшій Сицилію и Неаполь, не можетъ простить Наполеону похищеніе его родины.—Да и какъ не любить такую родину, какъ вѣчно цвѣтущая Ницца! Я провелъ въ ней всего три зимы, но не проходитъ дня, чтобы я не переносился туда думою, не тосковалъ о ея цвѣтущихъ ущельяхъ, о ея голубомъ небѣ и прозрачномъ морѣ. Впрочемъ, предполагающаяся поѣздка въ Ниццу зависитъ отъ столькихъ обстоятельствъ, что я могу только мечтать о ней.

Я твердо намѣренъ побывать въ Петербургѣ, и желалъ осуществить это теперь, но жена не пускаетъ безъ себя, а вмѣстѣ съ нею не оберешься хлопотъ.

Съ какою радостью я обниму тебя за все, что ты для меня сдѣлалъ.

Прощай, дорогой, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, напомни обо мнѣ милой супругѣ твоей и не забывай

твоего стараго друга и почитателя

Агатона Вранкена.

Письмо фельдмаршала князя Александра Владиміровича Барятинскаго къ Александру Андреевичу Неверовскому.

Милостивый Государь,

Александръ Андреевичъ!

Ваше Превосходительство весьма меня обяжете, если возьмете на себя трудъ изложить письменно, хотя и въ общихъ чертахъ, ту систему постепеннаго завоеванія Дагестана, о которой Вы мнѣ говорили въ Александрополѣ, и которая своею послѣдовательностью показалась мнѣ самою надежною и практическою изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ того же рода преположеній.

Опасаюсь только, что, можетъ быть, составленіе этой записки отниметъ у Васъ нужное и драгоцѣнное время;—а потому прошу Васъ, не стѣсняясь этимъ дѣломъ, заняться имъ тогда только, когда Вамъ будетъ болѣе удобно.

Пользуюсь случаемъ, чтобы поздравить Васъ съ праздникомъ и просить Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

А. В. Барятинскій.

1-го Апрѣля 1855 г. Тифлисъ.

Сообщ. **Баронесса Е. А. Клейстъ.**

При семъ выпускѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается извѣщеніе книгоиздательства „Мусагетъ“ о выходѣ въ свѣтъ перевода Сведенборга.

И. Ф. ПАВЛОВСКІЙ. Первое дополненіе къ кратк. біограф. словарю ученыхъ и писателей Полтавской губ. Изданіе Полтавской Учен. Архивн. Комиссіи. Полтава 1913. 8-ка. 2 ненум. стр.+85+2 ненум. Съ портретами.

Въ прошломъ году мы привѣтствовали „Словарь“ неутомимаго сѣятеля на нивѣ отечествовѣдѣнія (Русск. Арх., 1912, вып. 9). Въ настоящее время 85 біографій, дополняющихъ Словарь, свидѣтельствуютъ о прежней неутомимости почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Ив. Франц. Павловскаго. Но онъ обѣщаетъ еще „Администраторовъ, общественныхъ и другихъ дѣятелей Полтавской губерніи“ и собралъ уже до 500 біографій. Въ бытность Цесаревичемъ, Александръ Александровичъ писалъ къ К. П. Побѣдоносцеву: „какъ завидуешь людямъ, которые могутъ жить въ глуши и приносить истинную пользу.... Работаютъ они тихо, безъ фразъ и хвастовства“. Эти слова, конечно, на слуху у полтавскаго Тацита.

Пав. Россіевъ.

Труды Саратовской Ученой Архивной комиссіи. Выпускъ 30-й, 1913 годъ. Саратовъ. 1913. Стр. 366+47+II. Цѣна 3 р.

Въ тридцатый выпускъ „Трудовъ Саратовской Ученой Архивной комиссіи“ вошли статьи: „Архивы Саратовской губерніи“, „Обзоръ Пугачевскихъ дѣлъ изъ Астраханскаго архива“, „По поводу записи 1682 года на Прологѣ Братства Св. Креста въ Саратовѣ“, „Списокъ Саратовскихъ и Царицынскихъ воеводъ XVII вѣка“ А. А. Гераклитова; „Изъ прошлаго Саратова“ В. І. Жеребцова; „Поѣздка въ Зубриловку въ 1912 году“ П. Н. Боева; „Дополненіе къ сборнику—Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года“ Н. Ф. Хованскаго; „Борьба съ сектанствомъ въ Балашевскомъ уѣздѣ“ Ф. П. Коновалова; „Древности Вольской единовѣрческой церкви“, „Покровская церковь въ Вольскѣ“ В. Г. Еланскаго; „Химическій анализъ бронзовыхъ зеркалъ“ В. В. Челинцева; „Матерьялы по археологической картѣ Кузнецкаго уѣзда“, „Кладъ Джучидскихъ монетъ“ А. А. Кроткова; „Къ открытію въ Саратовской губерніи стоянъ и городищъ мѣднаго вѣка“, „Краткій отчетъ объ археологическихъ развѣдкахъ въ 1912 году“ и „Археологическая развѣдка въ окрестностяхъ слободы Даниловки, Камыш. уѣзда“ Б. В. Зайковскаго; „Предварительныя развѣдки въ окрестностяхъ села Елани, Сердобскаго уѣзда“ Д. Л. Бороздина; „Курганы съ окрашенными костяками“ С. А. Щеглова; „Собирайте русскую бытовую старину!“ Б. В. Зайковскаго; „Кладовая запись“ С. А. Щеглова; „Саратовцы, писатели и ученые“ (А-К) С. Д. Соколова; протоколы засѣданій комиссіи и отчеты. Ко многимъ статьямъ приложены довольно хорошо исполненные иллюстраціи и планы.

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи. Подписная цѣна (8 №№ въ годъ) 3 р. Отдѣльный № 50 коп.—1913 годъ, № 1. Стр. 100 12+18. Петрозаводскъ. 1913.

Въ первомъ выпускѣ „Извѣстій“ основаннаго въ семъ году „Общества изученія Олонецкой губерніи“ помѣщены статьи гг. Шидловскаго, Михайлова, Галченко, Благовѣщенскаго, Ѳедорова, Вебера и др.—Новое О-во ставитъ себѣ цѣлью изслѣдованіе Олонецкаго края въ отношеніи историческомъ, бытовомъ, географическомъ. При О-вѣ образовывается музей научный, естественно-историческій, этнографическій и археологическій музей, собранія котораго въ будущемъ поступятъ въ музей Олонецкаго края, который будетъ воздвигнутъ губернскимъ земствомъ въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ въ Петрозаводскѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей.**

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

Издатель и составитель **Петръ Бартеневъ** (младшій).